

История заповедной системы России



ПОСТОЯННАЯ
ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНАЯ
КОМИССИЯ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Чибилёв А.А., Тишков А.А.

УДК 502.3 (502.4)

ББК 20.1

Ч 58

Чибилёв А.А., Тишков А.А.

История заповедной системы России. М.: Русское географическое общество,
Постоянная Природоохранительная комиссия, 2018. 218 с.

Монография посвящена Году особо охраняемых природных территорий России. Освещаются исторические предпосылки возникновения заповедного дела в России. Рассматриваются основные этапы развития государственной сети ООПТ. Дана оценка роли академической науки в обосновании географической сети заповедных территорий и организации научных исследований. Содержатся биобиблиографические сведения о классиках отечественного заповедного дела.

Фотоиллюстрации - Чибилёв А.А., Горбатовский В.В.

© Русское географическое общество

© Институт географии РАН

© Институт степи УрО РАН

© Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Содержание

Приветственное слово Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации Д.Н. Кобылкина	4
1. Эталоны природы на вечные времена: прошлое, настоящее и будущее заповедного дела России (А.А. Чибилёв)	6
2. Развитие заповедной сети Северной Евразии и академическая наука (А.А. Тишков)	35
Приложения:	
I. Очерки о деятелях заповедного дела (А.А. Чибилёв, А.А. Тишков)	58
Докучаев Василий Васильевич (1846–1903)	59
Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930)	60
Конвенц Гуго (1855–1922)	61
Кожевников Григорий Александрович (1866–1933)	62
Семёнов-Тян-Шанский Андрей Петрович (1866–1942)	66
Морозов Георгий Фёдорович (1867–1920)	67
Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945)	68
Семёнов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942)	69
Спрыгин Иван Иванович (1873–1942)	70
Сукачёв Владимир Николаевич (1880–1967)	73
Алёхин Василий Васильевич (1882–1946)	74
Соловьёв Дмитрий Константинович (1886–1931)	75
Талиев Валерий Иванович (1892–1932)	77
Кириков Сергей Васильевич (1899–1984)	78
Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987)	79
Гептнер Владимир Георгиевич (1901–1975)	80
Арманд Давид Львович (1905–1976)	82
Насимович Андрей Александрович (1909–1983)	85
Исаков Юрий Андреевич (1912–1988)	87
Дёжкин Вадим Васильевич (1930–2010)	89
Штильмарк Феликс Робертович (1931–2005)	90
Сыроечковский Евгений Евгеньевич (1931–2005)	94
II. О восстановлении деятельности Постоянной Природоохранительной комиссии РГО (А.А. Чибилёв)	96
III. Обращение Постоянной Природоохранительной комиссии РГО (А.А. Чибилёв, А.А. Тишков)	104
IV. Приветствие членов РАН к участникам Международной конференции «Заповедное дело. Итоги столетия». Город Сочи, 05.12.2016 год	106
Список литературы	213



МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЭКОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минприроды России)

Приветствие Главы Минприроды России Д. Н. Кобылкина
в книгу РГО к 100-летию заповедной системы.

Уважаемые читатели!

Перед вами издание, посвящённое одной из ключевых дат в истории охраны природы в России: 100-летию отечественного заповедного дела.

Сто лет назад государство Российское взяло на себя обязательства по охране великих природных богатств: неповторимых ландшафтов, редких и ценных видов животных и растений нашей страны.

Природоохранительная комиссия Русского географического общества проделала значительную работу, проследив истоки российской заповедной системы, путь развития, отдав дань уважения видным отечественным деятелям заповедного дела XIX и XX веков.

Отрадно видеть преемственность миссии РГО в сфере охраны родной природы. Императорское Русское географическое общество на протяжении всей истории существования придавало большое значение созданию и развитию охраняемых земель. И в современной России Русское географическое общество вносит значительный вклад в укрепление сети особо охраняемых природных территорий страны.

Минприроды России успешно сотрудничает с Постоянной Природоохранительной комиссией РГО, которая была восстановлена в 2012 году после длительного перерыва.

Сегодня в России более 13 тысяч ООПТ федерального, регионального и местного значения, и эта крупнейшая в мире и сложная заповедная система активно развивается. Новые заповедники, заказники и уникальные парки будут создаваться в рамках национального проекта «Экология». Вопрос находится на контроле Президента России Владимира Владимировича Путина и Председателя Правительства России Дмитрия Анатольевича Медведева.

В заповедной системе сегодня работают более десяти тысяч специалистов. Это настоящие профессионалы, преданные своей Родине патриоты, успешно продолжающие традиции основоположников отечественного заповедного дела. О многих легендарных людях вы прочтёте в этой книге.

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации ответственно исполняет задачи по развитию ООПТ, выводу природоохранной работы на международный уровень, эколого-просветительской деятельности.

Мы искренне верим, что россияне любят свою землю, и стремимся больше рассказывать о её величии, привлекать всё больше единомышленников для защиты родной природы.

Русское географическое общество — наш неизменный помощник. Благодарю РГО за вклад в охрану природы Отечества и, в частности, за создание и выпуск этого познавательного труда.

Министр природных ресурсов
и экологии Российской Федерации

Д.Н. Кобылкин

1. Эталоны природы на вечные времена: прошлое, настоящее и будущее заповедного дела России

(А.А. Чибилёв)

Российская система территориальной охраны природы, в основе которой лежит географическая сеть заповедников, представляющих все ландшафтные зоны и крупные регионы страны, является уникальным наследием прошлого века. В XXI веке, в условиях всё более ощутимых антропогенных и климатических изменений, эталоны первозданных и малоизменённых ландшафтов как своеобразные лаборатории природы становятся ключевыми территориями, необходимыми не только для глобального мониторинга состояния природной среды, но и для обеспечения национальной экологической безопасности страны, поскольку являются важнейшими этическими, эстетическими и духовными атрибутами окружающей природной среды.

Заповедное дело России имеет богатейшую предысторию, а его современная реализация началась с двух событий:

- с создания Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества (ППК ИРГО) в 1912 г.;

- с доклада В.П. Семёнова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков», подготовленного к совещанию Природоохранительной комиссии 19 октября 1917 г. (по старому стилю).

В пояснении к докладу В.П. Семёнов-Тян-Шанский пишет: «В природоохранении следует различать две цели: одна, более мелкая, заключается в охране отдельных естественно-исторических предметов: редких видов растений и животных и одиночных геологических объектов. Другая, значительно более грандиозная, заключается в охране их естественных, величавых сочетаний на известных пространствах, в охране сразу тех комплексов их, из которых свободным, ничем не стесненным действием природных сил слагается лик Земли в данной стране» (Столетие..., 2012, с. 36–37). В своём докладе учёный сформулировал принцип основания заповедников, *«прежде всего для сохранения на вечные времена в нетронутых видах грандиозных естественных, типичных географических ландшафтов нашей великой родины»* (выделено А.Ч.) (Столетие..., 2012, с. 36).

Безусловно, несмотря на то что доклад был сделан лично В.П. Семёновым-Тян-Шанским, в его содержании чётко прослеживаются идеи, высказанные членами ППК ИРГО, которые в период становления этого первого в России общественного природоохранительного органа образовали своеобразную «могучую кучку заповедного дела» (Чибилёв, Краснова, 2013).

Научные основы территориальной охраны природы стали формироваться во второй половине XIX века на примере национальных парков Северной Америки. Есть даже официальная дата рождения первой государственной природоохранной территории – 1 марта 1872 года, когда президентом США У.С. Грантом был подписан акт о создании в штате Вайоминг Йеллоустонского национального парка. Вскоре национальные парки появились не только в США, но и в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Южной Америке, Европе.

В начале XX века в Европе по инициативе Гуго Конвенца зарождается всеевропейское движение по охране памятников природы, которое охватывает и Россию.

Отдавая должное американским и европейским традициям природоохраны, связанным с именами А. Гумбольдта, впервые в 1818 г. применившим термин «памятник природы», американских идеологов охраны дикой природы Р. Эмерсона, Г. Торо, Д. Мюира, О. Леопольда, Д. Марша и, безусловно, немецкого пионера природоохраны Гуго Конвенца (Борейко, 2005; Черных, 2014), необходимо проследить в отечественном литературном наследии зарождение и развитие идей сохранения нетронутой природы.

Одно из первых отражений восприятия девственной природы как важнейшего условия гармонии человеческой жизни мы находим у Н.М. Карамзина (1766–1826) – выдающегося литератора и историка. В его заметках «Деревня», написанных в 1794 г., содержатся такие проникновенные строки: «Благословляю вас, мирные сельские тени, густые, кудрявые рощи, душистые луга и поля, златыми класами покрытые! Благословляю тебя, тихая речка, и вас, журчащие ручейки, в неё текущие! Я пришёл к вам искать отдохновения...» (Карамзин, 1986, с. 228). Ему принадлежат первые представления об уникальных творениях природы, которые позднее Александр Гумбольдт стал называть *Naturdenkmaller* – «памятники природы». Вспоминая своё детство, проведённое в деревне в заволжской лесостепи, он пишет: «...Как мила Природа в деревенской одежде своей! Ах! она воспоминает мне лета моего младенчества, лета, проведённые мною в тишине сельской, на краю Европы, среди народов варварских. Там воспитывался дух мой в простоте естественной; великие «*феномены Натуры*» (выделено А.Ч.) были первым предметом его внимания...» (Карамзин, 1986, с. 228). Можно почти с уверенностью сказать, что «*феномены Натуры*» и есть те самые «уники Природы», для сохранения которых в XX веке стали создаваться памятники природы и заповедники. О заповедном предназначении таких мест свидетельствуют и следующие слова писателя: «...Натура лучше нашего знает, где расти дубу, вязу, липе; человек мудрит и портит...» Или там же: «...Нет, нет! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею, пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличивает дух мой. Рощи мои будут целы, пусть зарастают они высокою травою!..» (Карамзин, 1986, с. 229).

Через 100 лет после Н.М. Карамзина эти же идеи хорошо прослеживаются в творчестве русского художника, философа, писателя Н.К. Рериха (1874–1947). Ещё в своих ранних статьях (1901) он писал: «Самый тщательный кусок натурального пейзажа всё же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека» (Рерих, 2005, с. 36). Или там же: «Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: всё пройдёт, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд без смятения» (выделено А.Ч.) (Рерих, 2005, с. 30). По сути, ещё до формирования общественных и государственных органов природоохраны Рерих осознавал необходимость изменения отношения к первозданной природе: «Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природой у нас находится в благополучном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости» (Рерих, 2005, с. 36).

Мотивы преклонения перед первозданной, дикой, нетронутой, девственной природой звучали во многих произведениях классиков русской литературы XIX века: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.Т. Аксакова, Е.А. Баратынского, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева и многих других (Чибилёв, 2016, 2017). Постепенно идеи сохранения островов нетронутой природы стали овладевать учёными и практиками-землевладельцами.

Обобщая основные источники в художественной и научной литературе с конца XVII века и до конца XIX века, мы не нашли подтверждения того, что нетронутая, девственная



Кварцитовая
скала Верблюд –
памятник природы
Оренбургского
Завраля



Заповедник
«Даурский».
Участок Аден-Челон

или дикая природа тождественна заповедной природе. На практике в отечественной истории с XVII до начала XX века на законодательном уровне слово «заповедный» применялось в двух значениях: «заповедные леса» и «заповедные имения».

Первоначально (XVII–XVIII вв.) слово «заповедный» применялось к лесам, лесным породам или даже отдельным деревьям особой ценности. Запреты носили как религиозно-этические, так хозяйственные мотивы. В.И. Даль в качестве синонимов к заповеднику, «заповедище» приводит слова и словосочетания: заповедный лес, роща, где рубка запрещена; божелесье, пуща, запретник, засек, моленый лес, заказник, зарощи, запуск, заказная роща (Даль, 2001, с. 1022). Эти термины сохранились до наших дней в географических названиях, например: Беловежская пуща, Тульские и Калужские засеки, урочище Моленый лес и т.д. В 1802 г. прежние заповедные леса стали называть корабельными. В 1836 г. все корабельные и т.н. казенные леса были переданы Министерству государственных имуществ. О заповедном статусе наиболее ценных лесов свидетельствует статья русского лесоведа г. Вильдермета «О пользе заказных рощ», опубликованная в 1837 г. в «Лесном журнале», где говорится: «Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас и тогда рощи сии получают от поселян название заповедных. В сем названии заключается для жителей нечто священное, ибо рощи, получившие такое название, согласно предначертанию своему, становятся неприкасаемыми» (Вильдермет, 1837, с. 12).

С 1888 г. после утверждения общего Положения о сбережении лесов название «заповедные» распространилось на все леса, принадлежащие казне и частным лицам.

Обращаясь вновь к В.И. Далю, следует обратить внимание, что существовал обряд обращения леса в заповедный статус с торжественной службой: «священник с образами, или даже хоругвями, обходит его при народе... и запрещает въезд на известное число лет» (Даль, 2001, с. 1022). Даль приводит примеры коренных русских изречений, связанных с заповедными местами: «*Заповедного не трогать. Чур заповедано. Помни праотцев: заповедного не тронь!*» (Даль, 2001, с. 1023). Статус заповедного леса, с одной стороны, ограждал их от истребления и истощения, а с другой – поощрял ведение грамотного лесного хозяйства.

Долгое время слово «заповедный» не имело никакого отношения к степям и лугам. В 1845 г. с целью поддержания крупных дворянских родов был установлен значительный размер (от 10 до 100 тыс. десятин) удобной земли, нераздельной, переходящей по особому порядку наследования, – так появились «заповедные имения» (Любавский, 1878).

Крестьянская реформа 1861 г. сохранила дворянское землевладение. Крестьяне, получившие личную свободу, были наделены землёй, не всегда удобной для возделывания, но вынуждены были её обрабатывать для самообеспечения и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком. В результате уже к концу XIX века в так называемой чернозёмной степной полосе староосвоенных территорий России практически не осталось нераспаханных лугово-степных и степных угодий, за исключением «заповедных имений». Дворяне могли позволить себе не распахать полностью свои земли и сохранять на них режим неприкосновенности. Так, к началу XX века сложилась своеобразная сеть степных участков в «заповедных имениях» дворян Европейской России. Это позволило сохранить островки первозданных степей к моменту, когда в стране сложились первые ботанические научные школы и началось природоохрнительное движение. Таким образом понятия «заповедник», «заповедное» сформировались в российском законодательстве до того, как возникли первые государственные институты заповедного дела.

Задолго до появления в степи (в первую очередь в луговой степи) заповедных имений у кочевых народов внутренней Евразии тоже имелись земли, исключённые из общинного природопользования. По данным А.М. Хазанова, в степях и горах Центральной и Средней Азии более двух тысяч лет назад тюркские и монгольские народы стали создавать *refugia* (рефугиумы), т.е. заповедники, существовавшие наряду со священными территориями и культовыми объектами (2002). В тюркских языках уголья с ограничениями природопользования обозначались словом «курук», в монгольских – «хориг», что в переводе означает «запретное». Можно считать, что в широком смысле термин «особо охраняемая природная территория» и термин «курук» очень близки по содержанию.

В Среднем и Восточном секторах Степной Евразии зафиксировано множество свидетельств существования степных и горно-лесных заповедников-куруков-хоригов. В Северном и Северо-Восточном Китае «заповедники», богатые лесом, травами, зверем и птицей существовали во времена империи хунну в III–I вв. до н.э. (Бичурин, 1950; Дробышев, 2014). Охотничьи куруки (заказники) для развлечений знати организовывались в предгорьях Большого Хингана в I–IV вв. О широком распространении куруков в Казахстане и Средней Азии свидетельствуют более 80 топонимов с этим словом. И эти примеры можно продолжить.

Институт куруков у степных народов Евразии предусматривал очень много функциональных типов природопользования. В том числе выделялись территории, где были запрещены все виды хозяйственной деятельности и сохранялась дикая природа. Они создавались не только во владениях тюркских и монгольских правителей, но и на общинных землях. По мнению Ю.И. Дробышева (2014), у народов Южной Сибири и Монголии существовали традиции «народного заповедования», когда уникальные урочища (рощи, озёра, родники, вершины гор и другие природные достопримечательности) народное сознание населяло духами, в чьи владения нельзя было проникать простым смертным. Эта традиция была свойственна не только тюрко-монгольским, но и угро-финским и славянским народам Северной Евразии.

Обширные историографические сведения о куруках Степной Евразии свидетельствуют о том, что под этим термином объединялись самые разнообразные природные территории:

- лучшие участки пастбищ, сохраняемые как резерв для собственных нужд;
- охотничьи уголья для разведения диких животных и совершения ритуальных охот;
- зоны покоя вокруг захоронений знати, некрополей;
- места проведения народных праздников, увеселительных мероприятий и состязаний;
- места сбора и отдыха воинской знати и т.д.

В любом случае куруки представляли собой не эталоны дикой природы, а её лучшие участки, служившие для выполнения культовых обрядов, хозяйственных, социальных и других функций.

В отличие от лесных и водно-болотных угодий, охрана которых сопровождалась созданием запретных зон и широко практиковалась на территории Европы и России с глубокой древности до конца XIX века (Реймерс, Штильмарк, 1978), степи (как луговые, так и типичные) долгое время не удостоивались статуса заповедных.

К концу XIX века в чернозёмной полосе Европейской России луговые и разнотравно-ковыльные степи оставались нераспаханными только в заповедных имениях, где крупные землевладельцы могли позволить себе такую роскошь. Оставались ещё степи, сохранённые в чисто практических целях – целинные и залежные участки, принадлежавшие государственным и частным конным заводам (например, Хреновская степь в Воронежской губернии) или общественные пастбища и сенокосы, издавна использовавшиеся служилыми людьми, чья деятельность была связана с содержанием лошадей (стрельцы, казаки, ямщики и т.д.). Накануне XX века страна столкнулась с реальной угрозой утраты одного из титульных ландшафтов, с которым в течение многих столетий было связано становление Российского государства.

Несмотря на то что «нераспаханные степи с удивительной быстротой исчезали» в Средней полосе России, первыми на это обратили внимание не сами землевладельцы и не чиновники, а учёные, в частности В.В. Докучаев, который обосновал необходимость сохранения степных эталонов и предпринял первые практические шаги к этому. Учёный принимал участие в Особой экспедиции по облесительным и обводнительным работам, организованной Лесным департаментом. Позволю себе привести цитату из трудов экспедиции, которая сегодня, спустя 120 лет, стала ещё более актуальной: «...Девственные чернозёмные степи... с их оригинальными обитателями – серебристым ковылём, дерезой, байбаком, дрофой и проч. – с удивительной быстротой исчезают с лица земли русской... И это тем обиднее, тем нежелательнее, что наши степи, с их в высшей степени своеобразной природой, никогда не подвергались систематическим исследованиям и более или менее продолжительному непрерывному (из года в год, изо дня в день) учёту, что представляет, помимо научного, и высокий, общепризнанный практический интерес и что, безусловно, необходимо как для понимания степи, так и овладения её силами и особенностями – достоинствами и недостатками... Чтобы реставрировать степь, по возможности, в её первобытном виде; чтобы воочию убедиться в том могущественном влиянии, какое может оказывать девственный травяной покров на жизнь и количество грунтовых и поверхностных вод; чтобы не дать возможность окончательно обесстравить наши степи (как обезлесили лесостепную Россию); чтобы сохранить этот оригинальный степной мир потомству; чтобы спасти его для науки (а частью и практики); чтобы не дать безвозвратно погибнуть в борьбе с человеком целому ряду характернейших степных, растительных и животных форм, – государству следовало бы заповедать... на юге России большой или меньший участок девственной степи и представить его в исключительное пользование первобытных степных обитателей, каковы вышеупомянутые, ныне вымирающие, организмы. И если на таком участке будет устроена постоянная научная станция..., то нет сомнения, затраты..., сопряжённые с устройством такой заповедной дачи и станции, быстро окупятся, и притом сторицею» (Докучаев, 1895, с. 23–25).

Именно эти идеи В.В. Докучаева стали основой заложения опытных участков на землях, сдававшихся в оброк, – Хреновского с Каменной степью в Воронежской и Старобельского в Харьковской губерниях. В том или ином виде первые заповедные степные участки сельскохозяйственных научных станций сохранились до наших дней.

Роль В.В. Докучаева в становлении заповедного дела России трудно переоценить. Неслучайно, Ф.Р. Штильмарк свою «Историографию российских заповедников» (1996) посвящает 100-летию (1895–1995) идее Докучаева о необходимости устройства заповедных дач и научных станций.

Идеи В.В. Докучаева о создании заповедных участков нашли свое воплощение на практике уже в конце XIX – начале XX века. Сначала (в 1898 г.) на землевладениях Ф.Э. Фальц-Фейна на юге Херсонской губернии, а затем в тех самых «заповедных имениях» дворян Самарской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской и других губерний появляются первые частные, преимущественно степные заповедники (Чибилёв, 2016, 2017). Постепенно понятия «заповедный», «заповедник» приобретают значение, близкое к современному, хотя даже среди членов Природоохранительной комиссии ИРГО не было единого мнения, а в проекте Д.С. Соловьёва, опубликованном под эгидой комиссии в начале 1918 г. (Соловьёв, 1918), предусматривалось около 30 «типов организаций, способствующих охране природы».

Как уже отмечено, на становление заповедного дела в России оказали влияние европейские и североамериканские идеи природоохраны. Но именно на становление, а не на зарождение и дальнейшее развитие. Можно сказать, что монография Г. Конвенца «Практика охраны природы» (1904) положила начало современным представлениям о заповедности, но в 1895 г. ей предшествовал упомянутый выше труд В.В. Докучаева. А уже в 1908 г. профессор Московского университета Г.А. Кожевников на Юбилейном акклиматизационном съезде изложил русскую альтернативную идею абсолютной заповедности. Основные положения идеи достаточно полно раскрыты в работах Ф.Р. Штильмарка и В.Е. Борейко (Штильмарк, 1996; Борейко, 2005). Считаю целесообразным привести лишь одну цитату из доклада Г.А. Кожевникова, ставшего классическим трудом, определившим весь дальнейший ход развития отечественного заповедного дела: «Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере, на далёких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования. Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы. По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и, уж конечно, всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты. Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство их должно быть, прежде всего, делом государственным» (Кожевников, 1909, с. 136). Позднее Г.А. Кожевников вводит в науку понятие о заповедниках как эталонах природы, «которых не будет касаться рука человека» (Кожевников, 1928а). Принципы неприкосновенности заповедных территорий, созданных «навечно», разработанные Г.А. Кожевниковым, были положены в основу большинства юридических документов и постановлений, обеспечивающих создание и функционирование заповедников в СССР вплоть до 1930 г.

Идеи Г.А. Кожевникова были широко поддержаны и существенно дополнены его коллегами по «могучей кучке заповедного дела», составившими основу Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества, – И.П. Бородиным (1847–1930), Г.Ф. Морозовым (1867–1920), В.И. Талиевым (1872–1932), В.П. (1870–1942) и А.П. (1866–1942) Семёновыми-Тян-Шанскими и другими. В этом созвездии видных деятелей комиссии выделяется фигура И.П. Бородина, который и является инициатором её создания (Чибилёв, 2011, 2012).

Организация Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества в 1912 г. положила начало формированию заповедного дела в России и определила разнообразие подходов к созданию сети особо охраняемых природных территорий. Но в дальнейшем сложилось большое



Река Боровка
в национальном
парке «Бузулукский
бор»



**Заповедник
«Хакасский».
Участок Подзаплоты**

разнообразие взглядов на то, что считать заповедником от классических представлений Г.А. Кожевникова и его последователей до научных станций и самых абсурдных экспериментальных полигонов, вольерных комплексов, туристических зон с развитой инфраструктурой (Чибилёв, 2011, 2017; Калихман, 2012).

Проект Аскания-Нова

Для заповедного дела в Степной Евразии многотрудная судьба заповедника Аскания-Нова имеет ключевое значение. История его развития, как в зеркале, отражает основные этапы становления охраны природы на территории СССР и была рассмотрена в обзоре В.Е. Борейко (Борейко, 1994). Степи Причерноморья стали интенсивно заселяться и осваиваться в начале 1820-х годов, когда из Саксонии в южнорусские степи начали завозить тонкорунных овец. По указу Николая I немецкий герцог Фердинанд Ангальт-Кетенский получил в степях Днепровского уезда Таврической губернии 8 тыс. десятин земли (Козлов, 1914). В 1832 г. этот участок и устроенный хутор получили название Аскания-Нова в память об утраченном имении в Германии. Позднее эти земли перешли в собственность обрусевших немцев Фальц-Фейнов, а их владения выросли до 250 тыс. десятин. Но особую, выдающуюся роль в судьбе Аскании-Новы сыграл Ф.Э. Фальц-Фейн (1863–1916), заслуги которого оценили уже его современники.

В 1914 г. основатель Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО И.П. Бородин писал: «Его имение Аскания-Нова... пользуется европейской известностью... Но для нас в данном случае ещё важнее то обстоятельство, что в том же имении Аскания-Нова Ф.Э. Фальц-Фейн устроил (в 1898 г.) два защитных участка девственной степи, один в 500, другой в 100 десятин» (Бородин, 1914, с. 6). В том же году сохранение степи в Аскании-Нове поставили в заслугу Фальц-Фейну видные деятели охраны природы России Д.Н. Анучин (Анучин, 1914) и В.И. Талиев (Талиев, 1914). Об уникальной ценности Аскании-Новы писал один из инициаторов её заповедания и исследований профессор И.К. Пачоский: «Наиболее ценною достопримечательностью заповедника Аскания-Нова, бесспорно, является девственная степь. Всё прочее, подобно вообще делам рук человека, при наличии средств и желания может быть не только восстановлено, в случае если оно будет разрушено, но даже и развито и расширено до небывалых размеров. Напротив, степь, как явление природное, может быть только сохранена» (Пачоский, 1924, с. 85).

В годы Гражданской войны судьбой Аскании-Новы занимался известный путешественник П.К. Козлов (1863–1935), который ещё раньше по просьбе Ф.Э. Фальц-Фейна организовал поимку лошадей Пржевальского и их доставку в заповедник.

В 1929–1933 гг. в Аскании-Нове трудился один из основателей отечественной экологии В.В. Станчинский (1884–1942). В 1929 г. он разработал идею реорганизации заповедника в Степной институт. Институт должен был стать первым в СССР научным учреждением экологического профиля, где были бы широко поставлены биогеоэкологические исследования. Сохранилось письмо-обоснование необходимости организации научных исследований, которое было направлено 6 января 1930 г. в Совнарком Украинской ССР директором заповедника Ф. Бега и его заместителем по науке В.В. Станчинским: «...В этих условиях целинная степь Аскания с обширным абсолютно заповедным участком внутри её становится безмерной мировой ценностью. Являясь эталоном естественных процессов, необходимых для сравнения с процессами, происходящими в природе под влиянием человека, абсолютно заповедный участок требует к себе исключительно бережного отношения. Мы должны охранять его от разрушения стадами домашнего скота и от возможности степного пожара. Должны запретить разоряющие его многочисленные

дороги... Эткими мерами, на смену разрушающегося выпаса домашними стадами, будет создан умеренный выпас дикими животными, безусловно, необходимый для поддержания естественного равновесия в степи. Сохранив во всей первобытной красоте растительный покров и восстановив дику фауну южно-украинской ковыльной степи, заповедник явится живым музеем, который сохранит будущим поколениям повсюду уничтоженную и лишь здесь закреплённую древнюю природу нашей страны» (Цит. по: Борейко, 1994, с. 82–83; ЦГАВО Украины, Ф. 1. Оп. 6. Д. 437. Л. 20).

В этом же письме предлагается создать в Аскании-Нове вольные поселения степного сурка, сайгака, дикой монгольской лошади. Говорится о возможности с помощью генетики воссоздать точный внешний облик дикого коня (тарпана), почти тождественного по экстерьеру с лошадей Пржевальского.

Степной институт официально просуществовал два года. В январе 1933 г. Президиум Всеукраинской академии сельскохозяйственных наук принял решение о его закрытии. На его месте был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт гибридизации и акклиматизации животных «Аскания-Нова», в который вошла зональная овцеводческая станция. В.В. Станчинский вместе со своими сподвижниками пытался спасти Степной институт на Первом Всесоюзном съезде по охране природы в Москве 25 января 1933 г. Несмотря на то что практически все выступавшие в прениях поддержали Станчинского и требовали спасти гибнущий заповедник, приговор институту и заповедному делу был вынесен В.Н. Макаровым, руководителем съезда и долгое время главным чиновником в Наркомпросе РСФСР, курировавшим охрану природы и заповедники: «Если же я правильно понял, то мы должны сказать, что заповедник Аскания-Нова стоит на пути, отрицающим самую идею заповедности, на пути превращения заповедника в научно-исследовательский отраслевой институт. Но тогда не надо говорить о заповеднике Аскания-Нова, ибо по существу его уже нет, а надо говорить об Институте акклиматизации и гибридизации территории Аскания-Нова. Если Украинская ССР решила, что этот путь для неё правильный, мы не должны возражать. Мы не стоим на точке зрения, что заповедники должны существовать «вечно». Может настать время, когда они станут не нужны...» (Труды..., 1935; Цит. по: Штильмарк, 1978, с. 143). В этих словах власть показала своё истинное отношение к идее заповедной природы, а точнее то, что для неё не существует никаких заповедей и ничего святого.

В конце 1933 г. были арестованы более 20 сотрудников заповедника, в том числе и В.В. Станчинский, который в 1941 г. был вновь арестован и умер в тюрьме в 1942 г. В 1940 г. В.Н. Макаров писал: «С развитием социалистической промышленности и сельского хозяйства разные наркоматы, промышленные предприятия, исполкомы предъявляют и будут предъявлять с каждым годом более и более требований на удовлетворение их потребностей в сырье за счёт заповедников... Так, например, известный украинский степной заповедник Аскания-Нова уже превращён в зооферму по разведению домашних животных, овец и свиней...» (Цит. по: Штильмарк, 1978, с. 143). И действительно, на долгие годы заповедную асканийскую степь подчинили Украинскому НИИ животноводства им. М.Ф. Иванова, и только в 1978 г. в институте был воссоздан отдел целинной степи. В 1983 г. Аскания-Нова была объявлена Украинским государственным биосферным заповедником, а в 1984 г. этот статус был подтверждён Программой ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Однако биосферный заповедник в понимании международного природоохранного сообщества имеет мало общего с заповедником в понимании российских классиков заповедного дела.

Региональные проекты Спрыгина и Алёхина

Инициатива Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества о выделении заповедных участков была поддержана во многих губерниях России. В 1912 году в Комиссию поступает предложение от председателя Пензенского общества любителей естествознания И.И. Спрыгина об организации четырёх степных заповедных участков. Подвижническая природоохранительная деятельность Спрыгина поражает. Несмотря на события, связанные с революциями и Гражданской войной, он добивается создания в 1919 году заповедника «Попереченская степь». В 1925 году он становится директором-организатором Пензенского заповедника, в который, кроме степного участка, входят участки «Сосновый бор» и «Сфагновое болото». Меняется административное устройство региона. В 1925 году появляется обширнейший Средне-Волжский край с центром в г. Самара (Куйбышев), и в 1926 году Спрыгин возглавляет экспедицию в район «Самарской Луки», которая завершается в 1927 году организацией Средне-Волжского заповедника, центром которого становятся знаменитые Жигули. В 1930 году заповедник включает 11 участков. И.И. Спрыгин организует масштабные экспедиции по всему Средне-Волжскому краю от Приволжской возвышенности до Тургайского плато. В результате был подготовлен беспрецедентный региональный проект Средне-Волжского заповедника, включающего 41 участок на территориях современных Пензенской, Самарской, Ульяновской, Оренбургской областей.

В 1934 году Средне-Волжский край распадается на ряд областей: Оренбургскую, Пензенскую, Куйбышевскую. В Оренбургской области создать степные заповедники не удалось. Но в 1932 году было принято решение об организации заповедника в Бузулукском бору, который был ликвидирован в 1948 году и возродился как национальный парк только в 2007 году. В Пензенской области после ликвидаций и реорганизаций с 1989 года существует заповедник «Приволжская лесостепь». А в Самарской области в 2017 году отмечает свое 90-летие Жигулевский заповедник, которому в 1977 году было присвоено имя И.И. Спрыгина. Остается только сожалеть, что проект учёного по организации уникального сетевого заповедника не был реализован в начале 30-х годов прошлого века и многие уголки нетронутой природы Средне-Волжского края были утрачены.

Огромный вклад в изучение степей Европейской России и развитие заповедного дела внёс В.В. Алёхин (1882–1946). Начиная с первых лет обучения в Московском университете, он всецело посвятил себя обследованию последних островов целинных центрально-чернозёмных областей. В 1907 г. он открывает для науки Стрельцовскую степь под Курском, а в 1909 г. – Казацкую степь в Курском уезде.

В 1931 г. учёный публикует работу «Русские степи и методы исследования их растительного покрова», которую можно считать первой монографией о степях России (Алёхин, 1931). Свою монографию Алёхин начинает с описания методики изучения степей Ф. Тетцманна (Teetzmann, 1845), которая была впервые применена в южнорусских степях в июле 1837 г. в имении герцога Ангальт-Кётенского (будущей Аскании-Нове). В 1898 г. степи Аскании-Новы стали первым частным заповедником России, а в 1935 г. эталонные участки луговых степей, открытые В.В. Алёхиным, составили основу Центрально-Чернозёмного заповедника.

Постановление о создании «Центрально-Чернозёмного степного заповедника» размером до 10 тыс. га было принято Совнаркомом РФФСР в 1930 г. В 1933 г. В.В. Алёхин возглавил особую экспедицию для выделения нескольких наиболее крупных степных участков для будущего заповедника.

Уместно привести выдержки из главы «Заповедники и их значение» в монографии В.В. Алёхина «Центрально-чернозёмные степи» (Алёхин, 1934). Написана эта глава (по сути, обоснование организации нового заповедника после ликвидации Степного института в Аскании-Нове) после I Всероссийского съезда по охране природы и ареста

В.В. Станчинского вместе с его сподвижниками. В.В. Алёхин вынужден был учитывать опыт своих коллег и выполнять директивные указания съезда. Создавая новые заповедные участки, В.В. Алёхин приложил немало усилий, чтобы защитить их от ликвидации, если они не будут «служить задачам социалистического строительства». Приведу ряд его высказываний.

«Нельзя не сказать о значении заповедников вообще и о значении организуемого нашего степного заповедника в частности. В прежнее время основной целью заповедников было сохранение остатков первобытной природы на вечные времена и их изучение: эти участки были изъяты из какого-либо хозяйственного использования и охранялись как особые природные музеи. В настоящее время заповедники хотя и исключены из прямого хозяйственного оборота, но по существу непосредственно служат задачам социалистического строительства, решая вопросы производственного характера, что связано также и с планомерной сетью самих заповедников. Заповедники имеют своей целью не только охранять те или иные растительные типы, редких животных и растения, но и обогащать истощённую природу ценными для хозяйственных целей породами животных и растений (сюда относятся вопросы акклиматизации и др.). В задачи заповедников входит всестороннее изучение самих заповедных участков, причём изучение их и сопоставление с окружающими пространствами, находящимися с давних пор в хозяйственном использовании, даёт целый ряд научных указаний для восстановления на эксплуатируемых участках их природных богатств» (Алёхин, 1934, Цит. по: Алёхин, 1986, с. 146–147).

«Значение степных заповедников в общих чертах, конечно, такое же, как и заповедников вообще. Но устройство степных заповедников требует особого внимания ещё и потому, что исчезновение последних остатков степей происходит крайне быстро, и мы можем потерять безвозвратно ценнейшие образцы ненарушенной дикой природы (что уже отчасти и имеет место – Лотаревская степь). Степной заповедник, помимо того что он даёт возможность видеть подлинное «дикое поле», даёт возможность видеть те природные ландшафты, с которыми связана вся история русского народа; он, кроме того, позволит глубоко заглянуть в самую жизнь степи, в те сложные взаимоотношения, которые существуют между степным растительным ковром, с одной стороны, и почвой, строением поверхности, животным миром и пр., – с другой» (Алёхин, 1986, с. 147).

«Раньше мы указывали, что чернозём – наше богатство, наш капитал – образовался за счёт степной растительности, но как это происходит? Какие растения здесь имеют особое значение? Как восстановить утраченные ценные свойства чернозёма при длительной распашке? Можно поставить ещё ряд вопросов, но основное состоит в том, что, изучая степные заповедники с их ненарушенными отношениями, мы сможем восстановить, поднять плодородие земель, истощённых распашкой. Несомненно, что поднять чернозём мы сможем лишь в тесной связи с целинной растительностью, а понимание чернозёма – это прямой шаг к поднятию урожайности» (Алёхин, 1986, с. 147–148).

«Изучение степей в заповедниках даст ответы на важнейшие теоретические вопросы, связанные со «степной» проблемой. Многие вопросы, связанные с безлесьем степей, например, и до сих пор возбуждают споры, и естественно, что только в заповедниках, при длительных стационарных наблюдениях мы сможем разрешить их окончательно. Заповедники имеют огромное значение и потому, что здесь создаются условия, при которых возможны длительные наблюдения, которые во многих случаях только и могут дать необходимые и достаточные материалы. При этом, конечно, уже нужно думать о создании в заповедниках биологических научных станций, ведущих непрерывную научную работу и связанных в своей работе с окружающими производственными учреждениями и опытными станциями» (Алёхин, 1986, с. 148–149).

Не будем подробно комментировать эти цитаты. Они были написаны тогда, когда уже ушли из жизни классики отечественного заповедного дела И.П. Бородин,

Г.А. Кожевников, В.И. Талиев, отошли от активной деятельности из-за болезни В.П. и А.П. Семёновы-Тян-Шанские. Пришли другие времена, и принципы экологического подхода к охране природы были в нашей стране преданы забвению на несколько десятилетий (Реймерс, Штильмарк, 1978; Вайнер (Уинер), 1991). Однако и сегодня задачи степных заповедников, поставленные В.В. Алёхиным, остаются актуальными. Но решить их будет невозможно, если мы не сохраним в «полной неприкосновенности и на вечные времена» образцы первозданного степного разнообразия.

Несмотря на то что идея создания заповедных эталонов дикой природы родилась (Докучаев, 1895) и впервые была реализована в степях, развитие сети государственных особо охраняемых территорий в зоне интенсивного земледелия до конца XX века проходило очень сложно. Мало того, активизация распашки целинных земель в 1930-е и 1950-е годы привела к утрате как существующих, так и перспективных степных заповедников. Недолго просуществовал заповедник в Хреновской луговой степи в Воронежской области площадью около 1 тыс. га. В 1951 г. утратили статус заповедника Попереченская и Кунчеровская степи в Пензенской области. Уже в середине 1950-х годов были отторгнуты и распашаны степные территории Наурзумского и Кургальджинского заповедников в Северном Казахстане. В большей степени уцелели миниатюрные степные заповедники на Украине. Через 63 года, после того как благодаря В.В. Докучаеву из «степного вопроса» родилось классическое представление о заповедном деле и заповедниках как эталонах природы, один из разработчиков перспективного плана географической сети заповедников СССР Е.М. Лавренко писал: «С горечью нужно признать, что завет В.В. Докучаева об организации ряда заповедников в степной зоне не выполнен: ни в донских, ни в поволжских, ни в приуральских, ни в кубанских, ни в казахстанских степях в настоящее время нет ни одного заповедника, а на Украине остались лишь мелкие клочки заповедных целинных степей» (Лавренко, 1956, с. 597).

В 1989 г. авторы новой многотомной серии о заповедниках СССР писали: «Организацию крупного «единого» степного заповедника следует, видимо, признать нереальной. Возможность создания степных заповедников традиционного отечественного образа, к сожалению, безвозвратно утрачена» (Соколов, Сыроечковский, Штильмарк, 1989, с. 297). Но именно в 1989 г. вновь стали заповедными Попереченская и Кунчеровская степи в Пензенской области, был создан первый настоящий степной заповедник России «Оренбургский» площадью более 22 тыс. га. За два года до этого появился озёрно-степной заповедник «Даурский», а в 1995 г. образован степной заповедник «Ростовский», который был создан, по сути дела, вместо Донского степного заповедника, проект которого возник ещё в начале XX века.

Проекты степных заповедников на Дону и в Оренбургской области

Идея организации степного заповедника в бассейне Дона появилась в те же годы, когда вопросы заповедания стала поднимать Постоянная Природоохранительная комиссия РГО. Эту цель поставило перед собой примерно в 1916 г. Новочеркасское отделение Русского ботанического общества. У истоков этой идеи стояли К.М. Залесский (1918) и И.В. Новопокровский (1928). Тогда же были выбраны шесть эталонов типичных богаторазнотравно-ковыльных, разнотравно-типчаково-ковыльных, песчаных, петрофитных меловых и кустарниковых степей на плакорных, склоновых и балочных местонахождениях. Предложения К.М. Залесского и И.В. Новопокровского уже 70–80 годы прошлого столетия активно развивал Г.М. Зозулин (1961, 1973). Казалось, что именно в Ростовской, «самой степной области», вот-вот появится первый в России полноценный степной резерват. И заповедник появился, но не сразу, а в 1995 г., и далеко не там и не в том виде, как предлагался. Все четыре участка госзаповедника «Ростовский», получившего статус биосферного, расположены в долине реки Западный Маныч в подзоне дерновинно-злаковых степей в значительной степени опустыненных и солонцеватых. Здесь же в районе Маныча ведёт свою активную природоохранную работу Ассоциация «Живая природа степи» (Миноранский и др., 2010). Примечательно, что и в настоящее время, спустя сто лет после инициатив К.М. Залесского и И.В. Новопокровского, ростовские ботаники вновь поднимают вопрос о реализации проекта Донского степного заповедника (Дёмина, 2013).

Судьба предложений по созданию Донского заповедника – это наиболее яркий пример того, как далеки бывают в России реализованные проекты от научно-обоснованных предложений.

Первый частный степной заповедник на территории Оренбургской области площадью около 600 десятин появился примерно в 1906 г. в имении А.Н. Карамзина в междуречье Мочегая и Большого Кинеля близ г. Бугуруслан. Однако после 1917 г. степной участок исчез бесследно. В январе 1914 г. при Оренбургском отделе ИРГО была создана Природоохранительная комиссия. Уже 18 февраля 1914 г. она обратилась к заведующему Переселенческим управлением Тургайско-Уральского района с просьбой выделить отделу площадь в Кустанайском уезде не менее 15 тыс. десятин «для обращения в заповедник». 9 июля 1914 г. был получен ответ, в котором сообщалось, что для нужд Географического общества в северной части уезда выделяется 5 тыс. десятин земли (ГБУ «ГАОО», Ф. 94. Оп. 1. Д. 104. Л. 2, 3). Но реализовать эти планы помешала начавшаяся война.

Об огромных просторах первозданных степей писал С.С. Неуструев: «Но в Оренбургской губернии есть еще мало затронутые плугом уголки, ещё кое-где разнотравная степь пестреет цветами, а ковыльные степи в Зауралье ещё простираются на десятки верст... Было бы хорошо сохранить обломки этой древней растительности как памятники природы на вечные времена...» (Неуструев, 1918, с. 72–73). Мысли о необходимости создания степного заповедника в Оренбургском крае были высказаны в Трудах Оренбургского общества изучения Киргизского края (Смирнова, 1921). Были названы два места нахождения островов редкой степной растительности: гора Сулак под Оренбургом и гора Олимп на южной окраине горно-сыртового массива Малый Накас. На рубеже 20–30 годов прошлого века, когда Оренбургская область входила в состав Средне-Волжского края, изыскания по выявлению перспективных заповедных территорий проводил И.И. Спрыгин. Были выделены для заповедания степные участки на Общем Сырте, в Урало-Илекском междуречье, Губерлинских горах и Зауралье.



В заповеднике
«Даурский».
Выходы гранитных
скал



**Лесостепной
ландшафт
Заволжья**

Однако эти проекты не были реализованы. Идея создания нового степного заповедника в Оренбургской области родилась в 1974 г., а окончательно закрепились в экстремально засушливое лето 1975 г., во время экспедиции лаборатории мелиорации ландшафтов Оренбургского политехнического института (после ряда преобразований в 1996 г. стала Институтом степи УрО РАН) под руководством автора этих строк (Хоменковский, Чибилёв, Баканин, Рябинина, 1980; Чибилёв, 1980, 1987, 2009, 2014а).

В течение десяти лет вёл поиск вариантов создания Оренбургского степного заповедника на остатках нераспаханных степей Общего Сырта, Приуралья и Зауралья. С 1987 г. работы по проектированию заповедника стала вести вновь созданная Оренбургская лаборатория ландшафтной экологии Института экологии растений и животных УрО РАН.

В ускоренном режиме удалось согласовать с землепользователями и региональными властями не один, а четыре достаточно крупных (общей площадью 21,7 тыс. га) по европейским меркам степных участков в подзоне настоящих степей в четырех ландшафтных провинциях области – на Общем Сырте, в Предуралье, низкогорной части Южного Урала и Зауралье – на западной окраине Тургайской физико-географической страны (Чибилёв, 2014а).

Впервые в истории заповедного дела в России в течение одного года удалось выполнить рекогносцировочные, поисковые, проектные работы, провести необходимые согласования. Время создания заповедника совпало с формированием первых в истории СССР и Российской Федерации государственных органов по охране окружающей среды. В 2013 г. Институтом степи УрО РАН было выполнено обоснование расширения территории госзаповедника «Оренбургский» путём создания пятого участка «Предуральская степь» для реализации проекта по реинтродукции лошади Пржевальского. В соответствии с проектом Института степи УрО РАН общая площадь Оренбургского степного заповедника в 2015 г. составила 38,1 тыс. га. В 2014 и 2015 гг. в район пятого участка заповедника «Оренбургский» были завезены первые особи лошадей Пржевальского.

Однако решение организационных вопросов по созданию степного заповедника кластерного типа в Оренбургской области не гарантирует поддержания заповедного режима. Это связано с неумением природоохранных служб противостоять опустошительным степным пожарам, антропогенным воздействиям на заповедную степь, «хозяйственной деятельности» самого заповедника и другим факторам.

Три основных направления заповедного дела

Практически все 100 лет заповедной истории России не утихают дискуссии о том, что такое заповедник, каким должен быть заповедный режим. В этом участвуют учёные РАН, деятели природоохранных органов и экологического движения, средства массовой информации. Эти споры охватили интернет-ресурсы, особенно в связи с инициативами МПР России по развитию в заповедниках экологического туризма и принятием в 2016 г. поправок в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», ослабляющих режим охраны заповедников. Принятые поправки позволяют уменьшать площади заповедников, строить гостиницы и горнолыжные курорты на их территории, а значит уничтожать наиболее ценные экосистемы.

Практика государственного управления заповедниками России последних лет и новые инициативы по ослаблению охранного режима федеральных ООПТ свидетельствуют о необходимости принятия новых подходов при решении вопроса о будущем заповедного дела. Обобщая известные представления об основных тенденциях развития территориальной охраны природы (Вайнер, 1991; Штильмарк, 1996; Чибилёв, 1998; Борейко, 2001; Борейко, 2005), можно выделить три основных направления развития системы ООПТ: *утилитарно-прагматическое, экоцентрическое, основанное на этике дикой природы, и научное экологическое, основанное на концепции классических заповедников*. За каждым из этих направлений стоят солидные научные школы и каждое из них в той или иной степени востребовано государством и обществом.

Утилитарно-прагматическая идеология природоохраны направлена на сохранение биологического и ландшафтного разнообразия в процессе природопользования, развитие природоподобных технологий, создание продуктивных управляемых экосистем, постановку экспериментов с целью изучения природных процессов и их оптимизации. Это направление обеспечивает экономическое развитие социума. Все эти виды деятельности, включая реинтродукцию видов, регулирование их численности, любые виды рекреационно-туристской деятельности, несовместимы с понятиями «заповедный», «заповедник» и должны быть выведены за пределы природных заповедников и заповедных зон других категорий ООПТ. Именно на этих территориях, за пределами заповедников, может быть открыт широкий простор для проведения прикладных научных исследований. Территории и объекты управляемого природопользования должны называться своими именами, но только не заповедными.

Безусловно, заслуживает уважения экоцентрическая идеология природоохраны, основанная на этике дикой (на наш взгляд, правильнее сказать девственной, нетронутой природы, что больше соответствует традициям русской литературы) природы. Данная идеология присутствует в работах многих зарубежных и отечественных деятелей природоохраны и наиболее полно обобщена В.Е. Борейко (Борейко, 2005). Зоны абсолютного покоя, полного отсутствия следов воздействия человека, по сути, священная девственная природа, являются вершиной деятельности, к которой обязан стремиться каждый заповедник. Но требовать, чтобы каждый заповедник отвечал бы этим критериям – не реально, потому что тогда многие существующие заповедные территории утратят право называться таковыми.

Остается вариант третий – научно-экологическое направление, основанное на концепции классических заповедников, заложенное В.В. Докучаевым, Г.А. Кожевниковым, И.П. Бородиным, В.П. Семёновым-Тян-Шанским и развитое Ф.Р. Штильмарком. Практически все заповедники СССР и России до 2000 г. проектировались на основе этой концепции, которая предусматривала полное прекращение хозяйственной деятельности, экологическую

автономность территории и единственную законную продукцию – научную, в т.ч. «летопись природы» и результаты многолетнего ландшафтно-экологического мониторинга. Далее можно повторять уже цитированные слова Г.А. Кожевникова (Кожевников, 1909). Воздействие научных исследований на природные комплексы должно быть минимальным, без изъятия из природы живых организмов и их регулирования, что для нужд науки с успехом можно делать в охранной или специальных зонах за пределами основного заповедника.

Таким образом, необходимо развести по разные стороны две основные концепции природоохраны – первую и третью, а не совмещать и сталкивать их на одной и той же территории. Заповедники должны оставаться заповедниками, а разнообразные, в том числе биосферные полигоны и зоны рекреации и туризма, – хозяйственными субъектами за пределами заповедников. То же самое следует осуществить и в пределах национальных природных парков. В специально выделенных, особо охраняемых зонах должен осуществляться полный заповедный режим. Экоцентрическая концепция, основанная на этике девственной природы, должна стать путеводной звездой отечественного заповедного дела. Таким нам видится соломоново решение длительных споров сторонников различных взглядов на то, каким должен быть режим заповедников России.

Необходимо раз и навсегда, следуя коренной русской мудрости «заповедного не трогать», отказаться от разнообразной экспансии на острова выживания девственной природы, уже ставшие заповедниками или ждущими от нашей власти милости и спасения. Нельзя сказать про всю планету, но на территории России есть достаточно места для всех категорий особо охраняемых и просто охраняемых природных территорий, которые обозначаются в наши дни бездушными аббревиатурами ООПТ и ОПТ.

Необходимо раз и навсегда отказаться от элитного и экологического туризма в заповедниках, не губить священные места России, оставить в покое последние уголки вольного обитания исчезающих биологических видов, не осквернять техногенным вмешательством самые красивые пейзажи страны и каждого из её регионов.

Разнообразие современных представлений о заповедниках

Разнообразие форм особо охраняемых природных территорий в странах и регионах Северной Евразии поражает. И это неудивительно. Учёные-естествоиспытатели, деятели охраны природы и чиновники природоохранных и природно-ресурсных служб находятся в постоянном поиске, противоборстве, что в условиях политической и экономической неустойчивости регионов Евразии не позволяют выработать оптимальные подходы к формированию сети ООПТ и придать ей стабильность. Еще в 1918 г. в последнем печатном издании Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества под названием «Типы организаций, способствующих охране природы» (Соловьёв, 1918) было выделено до 33 самых разнообразных форм ООПТ. Но заповедниками Д.К. Соловьёв считал только территории, «объявленные неприкосновенными навсегда». Через 60 лет после этого проекта Н.Ф. Реймерс и Ф.Р. Штильмарк (Реймерс, Штильмарк, 1978) разработали эколого-целевую классификацию ООПТ, охватившую более 20 их разновидностей. К высшей форме территориальной охраны природы авторы относят только одну – заповедные эталоны.

В свете представлений о заповедном деле основателей Постоянной Природоохранительной комиссии РГО (И.П. Бородин, Г.А. Кожевников, В.П. и А.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.И. Талиев и др.) и классиков советской природоохраны (Н.Ф. Реймерс, Ф.Р. Штильмарк)

Название категории ООПТ	Краткое описание
Классический заповедник	Основан на классических представлениях о заповедниках, сложившихся в России и СССР в XX в.
Асканийский	Заложен Ф.Э. Фальц-Фейном на юге Украины, сочетающий заповедание отдельных участков степи и вольерное содержание диких копытных животных.
Агроландшафтный, парковый	Предусматривает музеефикацию агроландшафта, пастбищной культуры и пастбищного животноводства.
Микрозаповедный Экстенсивно-мегазаповедный	Направлен на сохранение уцелевших фрагментов степных ландшафтов и локальных местообитаний редких видов биоты в условиях интенсивного хозяйственного освоения в виде степных памятников природы, имеющих статус заповедника.
Пастбищно-заповедный (пастораль заповедник по А. Чибилёву, 1992)	Создаются в малонаселённых степных и пустынно-степных регионах с целью охраны диких копытных и хищных животных в местах их обитания и миграции.
Кластерно-заповедный	Предусматривает сохранение степных ландшафтов с помощью выпаса копытных, включая реинтродукцию степных животных и сохранение генофонда степных пород скота.
Заповедник, трансформированный в научный стационар и экспериментальную агрофирму	Получил распространение на Украине и в России (возможны кластеры однородных и разнородных ООПТ). Характерен для ряда степных ООПТ, имеющих статус заповедника.

возникает вопрос: какие из многочисленных ООПТ, созданных в регионах Евразии, действительно являются заповедниками. Нами разработана пока очень предварительная классификация форм ООПТ, сложившихся к началу XXI века в лесостепи, степи и пустынной степи Евразии, которые приведены в таблице (табл. 1) (Чибилёв, 2014а, 2014б, 2015).

Хронология основных событий в истории заповедного дела России в XX в.

Год	Название события
1895	Идея заповедных научных станций впервые высказана В.В. Докучаевым.
1898	Создан частный заповедник «Аскания-Нова» им. Ф.Э. Фальц-Фейна.
1908	Доклад Г.А. Кожевникова на юбилейном Акклиматизационном съезде «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы».
1910	Доклад И.П. Бородина на XII Всероссийском съезде естествоиспытателей «О сохранении участков растительности, интересных в ботанико-географическом отношении».
1912	Создание Постоянной Природоохранительной комиссии ИРГО.
1916/1917	Создан первый российский заповедник «Баргузинский».
1917	Первый проект заповедной сети России, представленный В.П. Семёновым-Тян-Шанским.
1922	Докладная Г.А. Кожевникова «О нуждах охраны природы РСФСР» получает поддержку в Народном Комиссариате и Академии наук.
1923	Создан Комитет по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР.
1930	<i>Чистка Главнауки, уволены и репрессированы видные деятели охраны природы.¹</i>
1933	<i>Первый Всесоюзный съезд по охране природы СССР призывает «сорвать фетиш неприкосновенности с заповедников, заселить всю страну полезной фауной и вредную изжить».</i>
1930-1940	Учреждено 42 новых заповедника.

¹Курсивом выделены события, сыгравшие негативную роль в заповедном деле.

1951	<i>Закрыто 88 заповедников, сокращена территория 20 заповедников. Из 130 оставлено 40 заповедников. Площадь заповедников сократилась в 11,3 раза.</i>
1960	Общее количество заповедников достигло 85. Принят закон «Об охране природы РСФСР».
1961	<i>Закрыто 16 лесных заповедников, на территории которых начинаются лесозаготовки. Площадь заповедников сократилась в два раза.</i>
1962	Принято Положение о государственных заповедниках – восстановлен их статус как научно-исследовательских учреждений.
1980-е	Число заповедников в СССР достигло 200. Создаются первые национальные парки.
1988	Создается Министерство охраны окружающей среды СССР, а затем и РСФСР.
2000	<i>Упразднено федеральное ведомство – Государственный комитет по охране окружающей среды, в непосредственном подчинении которому находились заповедники.</i>
2012	Воссоздание Постоянной Природоохранительной комиссии РГО.
2015	В Российской Федерации действуют 104 государственных природных заповедника и 47 национальных природных парков.
2016-2017	100-летие со дня организации первого государственного заповедника в России (Баргузинского).
2017	Год особо охраняемых природных территорий России.

За столетнюю историю взгляды на то, каким должен быть заповедник, прошли сложную эволюцию. С самого начала их становления (Докучаев, 1895; Семёнов-Тян-Шанский, 2012; Соловьёв, 1918; Алёхин, 1934) были заложены противоречия, которые позволяли государственным органам менять правила заповедания, ликвидировать «навечно созданные» запретные территории, изымать заповедные территории для целей «социалистического строительства», а в последние годы по запросу структур бизнеса.. К 100-летию юбилею Постоянной Природоохранительной комиссии нами была сделана попытка дать хронологию основных событий в заповедном деле с их качественной оценкой (табл. 2).

И сегодня, в год столетия начала формирования заповедной системы России, вопросов больше, чем ответов. На примере заповедников и заповедных зон национальных парков России мы установили, что не более 20% (по количеству функционирующих структур, а по занимающей площади многократно меньше) отвечают критериям классических заповедников, сформулированным Г.А. Кожевниковым (Кожевников, 1909), И.П. Бородиным (Бородин, 1914), В.П. Семёновым-Тян-Шанским (Семёнов-Тян-Шанский, 2012), Н.Ф. Реймерсом и Ф.Р. Штильмарком (Реймерс, Штильмарк, 1978).

В коллективном труде специалистов заповедного дела в России (Кревер, Стишов, Онуфреня, 2009) была сделана попытка провести классификацию заповедников страны по пяти критериям: площади, степени нарушенности, характера окружения, полноты природных комплексов и наличия редких и уникальных природных объектов. По итогам этой оценки заповедники были разбиты на категории: А, В, С, D, E. Неудивительно, что большинство заповедников земледельческой полосы России попали в категорию E – «наименее полноценных с существенно преобразованными территориями, которые находятся под постоянным антропогенным воздействием» и ни один не попал в категорию А. Это лишь подтверждает тезис о том, что аграрно-земледельческая полоса России – наиболее пострадавшая от антропогенного воздействия. И не вина этих заповедников в том, что они, с огромным трудом изъятые из агрессивно-экстенсивного аграрно-промышленного природопользования, уступают по показателям «природности» горным, арктическим, тундровым или таёжно-болотным ООПТ – заповедникам, которые располагаются в малонаселённых регионах, значительно превышая при этом по площади чудом сохранные осколки степных ландшафтов. Для того чтобы классификация (а по сути, комплексная оценка) заповедников была более объективной, необходимо добавить по крайней мере ещё два критерия: во-первых, оценку эффективности функционирования заповедника (насколько в расчёте на единицу площади сохраняет ландшафтное и биологическое разнообразие региона); во-вторых, оценку заповедника не только «снаружи», т.е. окружающих ландшафтов, но и «изнутри» (насколько деятельность конкретного заповедника обеспечивает «неприкосновенность» охраняемых экосистем). Это касается пожаров, частота и масштабы которых полностью зависят от грамотности действий самих заповедников. Сюда же следует отнести «научную нагрузку» – непомерное изъятие объектов биоты для научных целей, туристическую нагрузку – очень разнообразную и очень губительную для степных экосистем. И наконец, деятельность самого заповедника (наличие инфраструктуры, кордонов, ЛЭП, визит-центров, использование вертолётов, моторных лодок, снегоходов, вездеходов и т.д.), которая может свести к нулю все усилия учёных и государства по развитию природно-заповедного фонда страны. Не вызывает никаких сомнений, что все виды «производственной деятельности» небольших по площади заповедников должны быть выведены за его пределы, в охранную зону. То же самое касается и туризма (отдых в заповеднике вообще должен быть запрещён). Кроме заповедных земель, в России остаётся немало территорий, пригодных для организации рекреационно-туристической деятельности, а современные технологии позволяют рассказать о самых сокровенных тайнах дикой природы в визит-центре заповедника, а также с помощью фото- и видеопродукции.

Напрашивается вывод, что природные парки (национальные и региональные) должны спасти наши заповедники. Необходимо полностью запретить трансформацию заповедников в рекреационно-туристические объекты и изъятие единожды заповеданных территорий для производственных нужд. Спасти заповедный фонд России может только мораторий на изъятие его земель.

Указанные подходы имеют значение в первую очередь для относительно небольших по площади (до 15–20 тыс. га) степных заповедников. Что касается огромных по площади ООПТ в Арктике и Евразии, то это не заповедники, а природные резерваты, созданные для сохранения или восстановления популяций конкретных видов животных.

Так что же такое заповедник России в XXI веке на самом деле? Ответы могут быть разными и далеко не теми, что закреплены в нашем законодательстве, энциклопедических справочниках и «Википедии». Например, заповедники – это:

- участки дикой природы, которые «неприкосновенны на вечные времена и существуют без вмешательства человека»;
- научно-экспериментальные стационары, созданные для изучения и мониторинга окружающей природной среды, где моделируются различные виды природопользования;
- природные территории, изъятые из обычного природопользования, на которых руководители заповедников делают всё, что хотят, и на которых фактор беспокойства выше, чем на обычных ландшафтах;
- природные территории с широким развитием туризма и музеефикацией природного и исторического наследия;
- многофункциональные природные территории с выделением зон с различной антропогенной нагрузкой, включённые в международную сеть т.н. биосферных заповедников (резерватов).

Таким образом, чтобы устранить противоречия в заповедном деле и чтобы заповедники выполняли роль реальных «неприкосновенных» эталонов природы, созданных «на вечные времена», НЕОБХОДИМО ОБРАЗОВАТЬ самостоятельный, а не подведомственный государственный орган, объединяющий и направляющий деятельность заповедников и других ООПТ. Образцы нетронутой природы, лаборатории природы, которые вмещают в себя наши классические заповедники, – это не ресурс и не недвижимое имущество, а уникальные природные системы и сообщества живых организмов как важные гаранты нашей экологической и национальной безопасности.

О создании (или восстановлении) государственного органа по управлению федеральной системой ООПТ говорится уже много лет. Мы не знаем, можно ли считать обнадёживающими слова фактического руководителя заповедников и национальных парков России В.Б. Степаницкого на Международной конференции в г. Сочи 5 декабря 2016 г. «Заповедное дело. Итоги столетия»: «Эффективное управление федеральной системой ООПТ в масштабах страны возможно только при наличии специализированной и обособленной государственной структуры, обладающей достаточными ресурсами и уполномоченной осуществлять государственное управление этой специфичной отраслью. В отсутствие такой госструктуры на протяжении последних 65 лет государственное управление системой федеральных ООПТ осуществляется неэффективно в силу неверно выбранной управленческой модели». И его же вывод: «...необходимо Федеральное агентство по особо охраняемым природным территориям» (Международная конференция..., 2017). От того, как будет уже в ближайшее время решён вопрос об управлении федеральными и региональными ООПТ, зависит судьба заповедного дела России.

Вместо заключения

На заре человечества все ландшафты Земли можно было считать условно заповедными. Дикая природа развивалась по своим законам и, казалось, ничто не угрожало её процветанию в бесконечном будущем. Постоянные космические и геологические катаклизмы, климатические изменения способствовали эволюции живых организмов, разнонаправленному и динамичному развитию природных ландшафтов. Однако в начале неолита в этот процесс вмешался человек, овладевший огнём и научившийся убивать животных с помощью метательного оружия. Уничтожение крупных травоядных

вынудило человека заняться земледелием и скотоводством, то есть создать для себя новую экологическую нишу. Так, человек не только преодолел неолитический экологический кризис, но и выделился из остальной природы, перестав жить так, как живут другие живые организмы. Занимаясь земледелием, скотоводством, а затем и добычей полезных ископаемых, человек установил свою монополию над остальным миром. Однако для того чтобы сохранить свою монополию, человек стал самым агрессивным, жестоким и бескомпромиссным существом на планете. Монополия по отношению к Природе и агрессивная суть человеческой деятельности закрепились многочисленными известными философскими доктринами. Например, утверждение Ф. Бекона о том, что наши знания и наше могущество имеют своей целью служить покорению Природы, поставить её силы на службу человека. Практически о том же самом говорится в якобы мичуринском «нам нечего ждать милости от Природы». В настоящее время невозможно установить, когда это произошло, но большинство современных жителей Земли, в том числе политиков, бизнесменов и простых потребителей, ведут себя агрессивно по отношению к природе. Эту агрессию, к сожалению, очень часто стимулирует современная наука, для неё это основной источник финансового благополучия.

Разумная и неразумная деятельность человека (на мой взгляд, различить эти два понятия невозможно) привела к коренным изменениям ландшафтов Земли. Естественные науки в конце XVIII и XIX веков стали изучать ландшафты уже в сильно изменённом состоянии в результате длительного воздействия на них различных культур. С середины XIX века в первую очередь в странах Запада начались процессы осознания необходимости сохранения островов выживания дикой природы.

В России эти идеи развивали В.В. Докучаев, И.П. Бородин и другие классики заповедного дела. Этическую заповедь «охранять первобытную дикую природу ради неё самой» последовательно развивал Г.А. Кожевников (Кожевников, 1909, 1928 а). Но одновременно с термином «дикая природа» для обозначения первобытных ландшафтов в России применяется понятие «девственная природа». Его содержание одним из первых в отечественной литературе раскрыл А.Н. Бекетов: «Говоря о природе тех стран, куда ещё не проникала гражданственность, где сам человек является как бы неизменным со времён создания, природу эту часто называют *девственной* (курсив мой – А.Ч.), и этим выражением нередко желают указать на какое-то осквернение природы человеком» (Бекетов, 1858, с. 499). Эти слова были написаны почти 160 лет назад, и их автор ещё не мог предвидеть, что в начале XXI века мы будем по крупицам собирать осколки, а точнее редкие жемчужины девственной природы на фоне обезображенных, уничтоженных, осквернённых степных ландшафтов. А.Н. Бекетов писал: «Чем образованнее страна, чем менее препятствий человек встречает в климате и других физических причинах, тем естественно меньше в этой стране девственных мест» (Бекетов, 1858, с. 500). В середине XIX века учёные ещё не осознавали до конца опасность утраты девственной природы для духовной жизни. Острее чувствовали необходимость созерцания и общения с девственной природой поэты и писатели. Эти мотивы мы прослеживаем в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и многих других, которые считали, что только при общении с первозданной природой человек может ощущать себя по-настоящему свободным, как, например, Е.А. Баратынский:

«Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь».

Или С.Т. Аксаков (Аксаков, 1975):

«Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы».

Как остро Аксаков чувствовал происходящие у него на глазах изменения в природе: «Боже мой, как, я думаю, была хороша тогда эта дикая, девственная, роскошная природа!... Нет, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я зазнал тебя – свежую, цветущую, не изменяющую отовсюду набравшим разнородным народонаселением!» (Аксаков, 1975, с. 374). Следует признать, что русские писатели и поэты задолго до учёных-естествоиспытателей осознали важность уголков нетронутой природы, которые в России стали называться заповедниками, для существования самого человека.

Настоящим завещанием для заповедной деятельности XXI века могут быть следующие слова из неопубликованной статьи В.П. Семёнова-Тян-Шанского, хранящейся в архиве РГО: «Чем больше власть человека над природой, тем к более бережному обращению с ней она обязывает, либо иначе неизбежно происходит ничем не восстанавливаемое расхищение естественных производительных сил страны. Единственным способом избежать таких нежелательных явлений представляется созидание живых музеев нетронутой человеком природы для наиболее ярких, полных и типичных природных сообществ... Никакая правильная индустриализация страны немыслима без планомерной постановки охраны её естественных производительных сил в виде заповедников» (Столетие..., 2012, с. 36–39).

В заключение бы хотелось дать своеобразный современный ответ на цитату замечательного учёного, профессора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова: чем образованнее общество и страна, чем больше потерь понесли первозданные ландшафты от воздействия человека, тем больше усилий должны прилагать наука, власть и бизнес к сохранению и воссозданию уникальных уголков дикой, а по-русски правильнее сказать – девственной природы. В этом мне видится миссия экологов, географов, биологов, объединённых Природоохранительной комиссией Русского географического общества.

Информация подготовлена по теме РАН: «Степи России: ландшафтно-экологические основы устойчивого развития, обоснование природоподобных технологий в условиях природных и антропогенных изменений окружающей среды» (№ ГР АААА-А17-117012610022-5).

2. Развитие заповедной сети Северной Евразии и академическая наука

(А.А. ТИШКОВ)

С первых шагов развития заповедной сети России академическая наука в лице отдельных ее представителей, научных учреждений, комитетов и комиссий АН СССР и Российской Федерации включилась в его научно-методическое обеспечение. Наиболее эффективно это осуществлялось в 1920-х гг. в рамках деятельности Главнауки Наркомпроса РСФСР, в 1930-х гг. – в Научно-методическом бюро Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК (Управления по заповедникам при Совнарком РСФСР), Комиссии по заповедникам АН СССР (1952–1955), Комиссии по охране природы АН СССР (1955–1963), Комиссии по координации научных исследований в государственных заповедниках СССР (1982–2002) и Секции по заповедникам Комиссии РАН по сохранению биологического разнообразия (с 2002 г.). Помимо научно-методической поддержки и координации научной деятельности заповедников, через перечисленные структуры проводились идеи формирования их географической сети и интеграции в пространственное развитие наравне с другими отраслями хозяйства.

Введение

В 1957 г. решениями бюро Отделения биологических наук АН СССР (Протокол № 21, п. 1 от 18 июня 1957 г.) и Президиума АН СССР (№677 от 13 сентября 1957 г.) было принято постановление «О рациональной сети заповедников СССР». Подчеркивалось, что *«...существующая сеть заповедников не отражает огромного разнообразия природных условий территории СССР, и в силу этого не решаются многие актуальные задачи охраны природы нашей страны. Проведенное в 1951 г. сокращение количества заповедников и их площадей во многих случаях было необоснованным»* (Охрана природы..., 1958, с. 112).

Этому событию предшествовало создание при Президиуме Академии наук СССР в 1954 г. Комиссии АН СССР по охране природы и при ней в 1956 г. – Рабочей группы по заповедникам, которая, помимо научно-методического руководства заповедниками, стала заниматься подготовкой «Перспективного плана географической сети заповедников СССР» (Лавренко и др., 1958; Тишков, 2005). Рабочая группа под председательством известного ленинградского геоботаника, работавшего в период Великой Отечественной войны в составе особой группы по составлению военно-географических описаний и карт при Институте географии в Москве, тогда еще члена-корреспондента Е.М. Лавренко, включала Г.Е. Бурлина, П.И. Веласкална, А.Г. Воронова, В.Г. Гептнера, И.П. Герасимова, Н.Е. Кабанова, С.В. Кирикова (заместитель председателя), А.Н. Формозова. Половина состава группы была из Института географии АН СССР. При подготовке плана за основу брались предложения по организации заповедников, полученные от республиканских академий и филиалов АН СССР. Был учтён также и проект географической сети заповедников, составленный для Российской Федерации Главохотой РСФСР (в 1955 г. значительная часть заповедников России была передана именно Главохоте РСФСР).

Результаты работы группы были оформлены в виде известной статьи (Лавренко и др., 1958), а сам документ утверждён постановлением Президиума АН СССР, но имел чисто рекомендательный характер.

Академическая наука всегда считала своим долгом заниматься не только теорией и методологической поддержкой, но и практикой охраны природы страны. Научно-организационные детали становления заповедного дела в нашей стране вслед за Ф.Р. Штильмарком (1996) и Д. Вайнером (1991) применительно к истории создания и первым годам функционирования Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества (РГО) были освещены нами с А.А. Чибилёвым ранее (Чибилёв, Тишков, 2012; Тишков, 2012 а) в книге, посвящённой её столетию.

Еще до создания Природоохранительной комиссии РГО в сознании российского общества укрепилось понимание, что заповедование участков природного наследия страны – дело общегосударственное, требующее добротной законодательной основы и финансирования. Комиссия ставила своей целью «...возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охране памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых местностей, важных в ботанико- и зоогеографическом отношении, охране отдельных видов растений, животных и пр.» (Чибилёв, Тишков, 2012, с. 12–13). К её работе были привлечены ведущие учёные Г.В. Кожевников, Н.И. Кузнецов, А.П. и В.П. Семёновы-Тян-Шанские, В.Н. Сукачёв, Г.Н. Высоцкий, Л.С. Берг и др. С первых дней своего существования она организовывала экспедиции к местам будущих заповедников, печатала природоохранные брошюры, участвовала в подготовке проектов природоохранных законов и первых списков объектов, нуждающихся в охране (Борейко, 1987; Штильмарк, 1996).

После создания Природоохранительной комиссии РГО уже в 1913 г. Отдел рыбных промыслов и охоты Департамента земледелия начал работы по организации соболиных заповедников на Байкале и в Саянах. В это же время работала и Камчатская экспедиция по организации Кроноцкого заповедника. В 1916 г. был принят первый российский закон в области территориальной охраны природы – «Об охотничьих заповедниках». Итогом этой деятельности стала организация 29 декабря 1916 г. (11 января 1917 г. по новому стилю) первого отечественного заповедника – Баргузинского. С этого момента и ведётся отсчет развития заповедной сети в нашей стране.

Природоохранительная комиссия РГО подготовила свои предложения по развитию сети заповедников России, а 2 октября 1917 г. (по старому стилю) известный русский географ В.П. Семёнов-Тян-Шанский представил комиссии первый проект географической сети заповедников, озаглавленный «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» с обязательной в таких случаях картой, озаглавленный «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (Чибилёв, Тишков, 2012). Этот документ готовился по заказу Департамента земледелия. В.П. Семёнов-Тян-Шанский предложил «на площадях в десятки и сотни тысяч квадратных вёрст» создать «не менее 46 национальных парков» – аналогов современных государственных природных заповедников и национальных парков.

Становление заповедной сети России

Столетняя история заповедного дела в нашей стране может быть разбита на пять этапов, каждый из которых в той или иной степени осуществлялся с участием и при непосредственно методологическом сопровождении со стороны академической науки:

(1) 1890–1917 гг., *дореволюционный*, связанный с первыми попытками создания частных заповедников, организацией в РГО Постоянной Природоохранительной комиссии, принятием Закона об охотничьих заповедниках (1916), подготовкой первого проекта географической сети заповедников «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (1916) и учреждением первого отечественного заповедника – Баргузинского (1917); у истоков заповедного дела в России в конце XIX – начале XX вв. стояли известные географы и биологи академики В.В. Докучаев, И.П. Бородин, А.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, Г.Ф. Морозов, В.Н. Сукачёв, профессора Г.А. Кожевников, В.В. Алехин, Н.В. Насонов, В.И. Талиев и др.;

(2) 1918–1951 гг., *активной интеграции заповедной сети в пространственное развитие страны*; формирование государственной сети охраняемых природных территорий со строгим режимом охраны живой природы, первые Декреты молодого советского государства – о правилах установления «заповедных мест» (май 1919), создании Астраханского и Ильменского заповедников (1919), о Байкальских заповедниках (1921), «Об охране памятников природы...» (1921), «О Крымском государственном заповеднике...» (1923); Н.И. Кузнецов, В.П. Семёнов-Тян-Шанский и С.А. Бутурлин представляют новый развернутый план заповедной сети СССР (см. Борейко, 1995б); организация Комитета по заповедникам (1932; с 1938 г. – Главное управление по заповедникам при Совете Народных Комиссаров РСФСР); определение специальным постановлением Президиума ВЦИК заповедников как «участков земли, навсегда подлежащих полной охране и изъёмлемые из какого бы то ни было хозяйственного использования» (Цит. по: Охрана природы..., 1958, с. 96-97); формирование сети заповедников в РСФСР и других республиках СССР (всего более 100 на 0,6; территории страны; внедрение «Летописи природы» как прообраза мониторинга состояния охраняемой биоты и экосистем; инициативы и обоснования учреждения практически всех созданных в этот период заповедников исходили от учёных, в т.ч. В.Н. Сукачёва (Стрелецкая степь (Курская область), Лес на Ворксле), В.В. Станчинского (Центрально-Лесной и др.), Ю.А. Исакова (Дарвинский и др.), А.П. Протопопова (Пензенский, Московский, Сихотэ-Алинский, Мордовский, Денёжкин Камень, Висимский), И.И. Пузанова (Крымский), С.А. Северцова и С.В. Кирикова (Башкирский и др.), И.И. Спрыгина (Жигулёвский, Бузулукский, Средне-Волжский) и т.д.;

(3) 1951–1966 гг., *деструктивный*, масштабного разрушения и начала восстановления заповедной системы страны; «сталинский» (1951) – число заповедников было сокращено в 2,4 раза, а площадь – почти в десять раз и «хрущевский» (1961) – разгромы заповедников; создание Комиссии по заповедникам при Президиуме Академии наук (1952), реорганизованной в Комиссию по охране природы (1954); её инициативами были восстановлены ранее закрытые Алтайский, Башкирский, Лапландский и Судзухинский заповедники (1957) и подготовлен новый проект развития и восстановления географической сети заповедников СССР (Лавренко и др., 1958); принятие закона «Об охране природы в РСФСР» (1960); публикация книги Д.Л. Арманда «Нам и внукам»; работа Комиссии по охране природы АН СССР;

(4) 1967–1982 гг., *восстановительный, изоляционистский*; в 1979 г. Госплан РСФСР утвердил «Схему рационального размещения государственных заповедников, заказников, спортивных и промысловых охотничьих хозяйств в РСФСР на период до 1990 года»; в 1982 г. сессия Верховного Совета РСФСР принимает решение о создании Красной книги РСФСР; созданы заповедники: «Байкальский» (1969), «Большехехцирский» (1963), «Висимский» (1971), «Дальневосточный морской» (1978), «Кабардино-Балкарский» (1976), «Магаданский» (1982), «Нижне-Свирский» (1980), «Пинежский» (1974), «Таймырский» (1979) и др.;

(5) 1983–наст. время, *современный, интеграционный*; Комиссия по охране окружающей среды Президиума Совета Министров СССР в 1986 г. одобрила «Перспективную сеть организации государственных заповедников и национальных парков в СССР на период до 2000 года»; в этот период идет активное развитие сети федеральных и региональных особо охраняемых природных территорий, в т.ч. такой демократичной формы, как национальные парки; в 1983 г. организованы первые в России национальные парки – «Сочинский» и «Лосиный остров»; заповедная система России начинает интегрироваться в международную сеть охраняемых территорий, в т.ч. в сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО, ратифицируются основные экологические международные конвенции (О биологическом разнообразии и др.), принимаются важнейшие природоохранные законы (Об охране окружающей среды, Об особо охраняемых природных территориях, О животном мире и др.); с 1992 г. в России создано более 30 новых заповедников, 30 национальных парков и десять федеральных заказников, а площади почти 25% заповедников расширены; разработаны «Методические

указания по формированию программы развития ООПТ в сфере экологического туризма» и др.; самый плодотворный в отношении развития заповедной сети период – созданы и воссозданы заповедники: Азас (1985), Байкало-Ленский (1986), Бастак (1997), Болоньский (1997), Большая Кокшага (1993), Большой Арктический (1993), Верхне-Тазовский (1986), Вишерский (1991), Воронинский (1994), Даурский (1987), Денежкин Камень (восстановлен в 1991 г.), Калужские засеки (1992), Джергинский (1992), Джугджурский (1990), Керженский (1993), Кологривский лес (2006), Катунский (1991), Командорский (1993), Корякский (1995), Кузнецкий Алатау (1989), Курильский (1984), Норский (1998), Нургуш (1994), Оренбургский (1989), Пасвик (1992), Полистовский (1994), Путоранский (1988), Рдейский (1994), Тигирекский (1999), Тунгусский (1995), Усть-Ленский (1985), Хакасский (1999), Ханкайский (1990), Чёрные Земли (1990), Шульган-Таш (1986), Шайтан-Тау (2014), Эрзи (2000) и др.

Итогом столетней истории заповедного дела стало создание одной из лучших в мире систем особо охраняемых природных территорий, обеспечивающей сохранность биологического и ландшафтного разнообразия России. При этом в период перестройки и становления новой России *заповедная сеть России выросла почти в два раза по числу заповедников и более чем в два раза по площади (с 15 млн га до 34 млн га).*

По данным Минприроды России², в Российской Федерации на 1 января 2016 г. функционирует более 13 тыс. особо охраняемых природных территорий различных категорий. Их общая площадь составляет 207 млн га – около 11,5% площади России. Как реальное воплощение идей интеграции заповедного дела в пространственное развитие страны в 56 регионах России функционируют «региональные дирекции», которые управляют сетями охраняемых природных территорий. В основе этих географических сетей: 103 государственных природных заповедника общей площадью 34 млн га; 48 национальных парков общей площадью 14 млн га; 64 федеральных заказника общей площадью 12 млн га; 64 природных парка площадью 14 млн га; 2300 региональных заказников общей площадью 47 млн га; 8360 памятников природы (включая 17 федеральных) общей площадью 3 млн га; 2360 иных охраняемых территорий регионального и местного значения общей площадью 82 млн га. По мере становления заповедной сети на современном этапе появляются и новые категории охраняемых территорий (например, «городские леса» Новой Москвы).

Наибольшие площади заповедники и другие охраняемые природные территории занимают в Севастополе – 30,4%, Республике Саха (Якутия) – 29,8%, Кабардино-Балкарской Республике – 26,6%, Республике Алтай – 26,3%, Карачаево-Черкесской Республике – 26,0%, Республике Ингушетия – 23,9%, Приморском крае – 21,0%, Чеченской Республике – 20,3%, Республике Северная Осетия–Алания – 19,8% и Астраханской области – 17,7%. В новой Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий России до 2020 г. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации планирует создать ещё 11 новых заповедников и 20 национальных парков. Некоторые уже открыты и функционируют. И, по-видимому, этим мы приблизимся к 100% исчерпанию списка предложений В.П. Семёнова-Тян-Шанского (в 1917 г.) и его последователей по развитию географической сети заповедников России – плана заповедной системы, подготовленного в стенах Института географии РАН 60 лет назад (Лавренко и др., 1958; Чибилёв, Тишков, 2012).

Перспективы и резервы развития заповедной сети России огромны и связаны с сохранением *глобального Евразийского массива* участков природных ландшафтов (от Фенноскандии до Тихого океана), включающего такие углеродоёмкие (глобального климаторегулирующего значения) экосистемы, как тундры, бореальные леса, болота, в т.ч. крупнейший в мире Западно-сибирский болотный массив, степи с чернозёмными почвами. Евразийский природный массив – эффективный в отношении выполнения биосферных функций и экосистемных услуг элемент экологического каркаса (Соболев, 2015), охраняемые природные территории которого требуют оптимизации статуса и расширения. И если в отношении репрезентативности биомного, ландшафтного, экосистемного

и биологического разнообразия заповедная сеть страны приближается к 70–80% покрытию (Особо охраняемые..., 2009), то в соответствии с рекомендациями Конвенции о биологическом разнообразии (17% от площади страны) резерв увеличения площади, занимаемой ООПТ в России, составляет не менее 6%.

В 2017 г. Минприроды России планировало создать 11 новых особо охраняемых природных территорий: национальные парки в Ульяновской, Мурманской, Челябинской областях, Карелии, Якутии и Ставропольском крае, заповедники в Томской, Новосибирской, Ленинградской областях, а также федеральные заказники в Архангельской области и Якутии. Кроме того, будут расширены национальный парк «Русская Арктика» и Кавказский государственный биосферный заповедник, международный участок Всемирного наследия ЮНЕСКО – «Даурский» (Год экологии..., 2017).

В 2017 году были созданы четыре ООПТ федерального значения: национальные парки «Сенгилеевские горы» (Ульяновская область) и «Ладожские шхеры» (республика Карелия), Васюганские заповедники (Томская и Новосибирская области) и «Восток Финского залива» (Ленинградская область). Также в 13 регионах России были организованы 47 ООПТ регионального значения. В феврале 2018 г. наконец-то был организован национальный парк «Хибины». В целом планы по развитию заповедной сети России в год ее 100-летия не были выполнены, хотя площадь ООПТ федерального значения увеличилась в 2017 г. на 794,586 тыс. га, а регионального значения – на 1,3 млн га.

Всего в России на начало 2018 г. – 105 государственных природных заповедников, 52 национальных парка, 57 федеральных заказников, 17 памятников природы, 67 ботанических садов. Общая площадь ООПТ федерального значения составляет 63,3 млн га, а вместе с региональными территориями площадь ООПТ в России составляет 209,5 млн га.

Ф.Р. Штильмарк (Штильмарк, 1996; Штильмарк, Аваков, 1979; Штильмарк и др., 1990), один из ведущих отечественных историографов заповедного дела, провёл более детальную периодизацию его истории в России, выделив периоды по ключевым процессам и трендам: (1) «заповедники Российской империи» (1895–1917); (2) «Ленинский этап» (1918–1925); (3) «Компромисс или капитуляция?» (1926–1933); (4) «Заповедное хозяйство на исходных позициях» (1934–1940); (5) «Заповедники в годы войны СССР с Германией» (1941–1945); (6) «Под влиянием целеустремленности» (1946–1951); (7) «Заповедно-охотничье хозяйство» (1952–1960); (8) «Соревнование ведомств» (1961–1969); (9) «Время поисков и надежд» (1970–1976); (9) «Дитя подросло – одёжка жмёт» (1977–1985); (10) «Количество и качество» (1986–1991); (11) «Заповедники на новых рубежах» (1992–1995). Автор, стоя на принципиально жёстких и бескомпромиссных позициях в отношении соблюдения на территории заповедников режима невмешательства, обращал внимание на то, как в тот или иной период истории государство строит свои отношения с этими учреждениями природоохранного назначения. Поэтому в его периодизации есть и романтизация ранних этапов, и разочарование при возврате к «ресурсно-охотничьему» направлению деятельности заповедников в конце 1930-х и 1960-х гг., и увиденное «изнутри» соревнование двух ведомств – Главприроды при Министерстве сельского хозяйства СССР и Главохоты РСФСР, которые занимались в 1960-х гг. заповедниками в стране.



**Заповедник
«Вишерский».
Средний Урал**



**Скальные останцы
на хребте Молебный
Камень**

Гуманитарная и ресурсная составляющие территориальной охраны природы в России

Применительно к пространственному развитию страны сопоставление *гуманитарных и ресурсных целей* территориальной охраны природы в научной литературе практически не рассматриваются. Хотя ещё к середине XIX века в развитых странах гуманитарные идеи (сохранить природу для потомков) уже доминировали над идеями сохранения и восстановления биологических ресурсов посредством заповедывания территорий и акваторий. В работе одного из основоположников охраны природы – академика И.П. Бородина (в 1915 г.) – было специально подчеркнуто, что, интегрируясь в международную природоохранную систему, «... Россия, занимающая шестую часть земного шара, вполне сознает свои обязанности по отношению к природе и человечеству» (Цит: Чибилёв, Тишков, 2012, с. 25).

Заметим, что в начале становления заповедного дела в России оно уже шло двумя путями. *Путь* – ответ на трансформации территориальных структур России как экспортера пушного сырья в период последней «волны», захлестнувшей Сибирь и Дальний Восток после полного истощения пушных ресурсов в Европейской части России и на Урале. И то, что первые создаваемые до революции 1917 г. заповедники (Баргузинский, Саянский, Кроноцкий) были «охотничьими», решающими проблемы воспроизводства промысловой фауны, как раз свидетельствует о том, что это направление заповедного дела лоббировалось на первых этапах сильнее. Ими с первых лет были получены выдающиеся результаты по восстановлению популяций многих видов животных, стоявших на грани полного уничтожения. Недаром в начале Воронежский заповедник назывался Бобровым, Хоперский – Выхухолевым, Баргузинский – Соболиным, Кандалакшский – Гагачьим.

Второй путь лучше всего прослеживался на призывах создания сети степных заповедников, первым из которых в России еще в 1898 г. стал заповедник Аскания-Нова на землях имения Фальц-Фейна (ныне Украина). Сохранение редких, уникальных, «бесценных», по сути, памятников природы и объектов природного наследия, в т.ч. ставших таковыми из-за нарастающей хозяйственной деятельности – идея исключительно гуманитарная, до сих пор трудно воспринимаемая населением развивающихся (бедных) стран.

Уже на первых этапах реализации плана В.П. Семёнова-Тян-Шанского летом 1922 г. Г.В. Кожевников обратился в Правительство с докладной запиской «О нуждах охраны природы РСФСР», в которой писал «*Перед Российской республикой лежит задача мировой важности – сохранить целый ряд животных форм, которых нет нигде за пределами нашего отечества и за судьбой которых с интересом следит ученый мир всего света. При суждении об этом деле полезно иметь перед собой пример Западной Европы и в особенности Соединенных Штатов Америки, которые в интересах государственной пользы не жалеют средств на охрану природы*» (Цит. по: Тишков, 2012а, с. 23). Можно ещё раз подчеркнуть, что в этом документе идеи «географической сети» заповедных территорий и мысль об интеграции её в систему планового хозяйствования («государственной пользы») получили полное развитие. Как тут не вспомнить гуманитарные цели, сформулированные спустя 70 лет в международной Конвенции о биологическом разнообразии, которую Россия ратифицировала в 1996 г.

Академический план развития географической сети заповедников СССР 1957 года

Спустя 40 лет после появления первого Плана развития географической сети заповедников, подготовленного в недрах Постоянной Природоохранительной комиссии РГО и представленного В.П. Семёновым-Тян-Шанским в Департамент земледелия Временного Правительства в октябре 1917 г. (Чибилёв, Тишков, 2012), в нашей стране появился второй План, подготовка которого проводилась в том числе на базе Института географии АН СССР и Комиссии по охране природы АН СССР.

Автору статьи посчастливилось работать и находиться в творческих контактах со многими выдающимися деятелями заповедного дела России XX в. – А.Н. Формозовым, Е.М. Лавренко, Д.Л. Арманом, Ю.А. Исаковым, С.В. Кириковым, А.А. Насимовичем, Т.П. Герасимовым, А.Г. Вороновым, Л.К. Шапошниковым, В.Е. Флинтом, Е.Е. Сыроечковским, Ф.Р. Штильмарком, В.В. Дежкиным. Некоторым из них были посвящены очерки в книге «Люди нашего племени» (Тишков, 2012б) и ряд других публикаций (Тишков, 2005, 2012б и др.).

В данном разделе кратко остановимся на значении для развития заповедной сети России «Перспективного плана географической сети заповедников СССР», составленного в 1957 г. и опубликованного в бюллетене № 3 Комиссии по охране природы АН СССР «Охрана природы и заповедное дело в СССР» в 1958 г. (Лавренко и др., 1958).

План, представленный в формате развернутой статьи, занимал почти 90 страниц (из 114) и завершался «списком заповедников по союзным республикам», состоящим из 99 заповедных территорий (существующих, восстанавливаемых и проектируемых), составленным Л.В. Денисовой. Для РСФСР список включал 50 заповедников с 21 филиалом (71 территория), среди которых можно выделить и такие заповедники, в дальнейшем получившие самостоятельный статус, как «Кедровая падь» и Супутинский (филиалы Судзухинского заповедника), «Галичья гора» и Лес на Ворксле (два из десяти филиалов Центрально-Чернозёмного заповедника).

Цель статьи, как отмечали авторы, заключалась в том, чтобы «дать общее представление о проектируемой сети заповедников» (Лавренко и др., 1958, с. 4). Они использовали материалы, собранные группой специалистов Комиссии по охране природы АН СССР в составе Е.М. Лавренко (председатель), Г.Е. Бурдина, П.И. Валескална, А.Г. Воронова, В.Г. Гептнера, И.П. Герасимова, Н.Е. Кабанова, С.В. Кирикова (зампредседателя), А.Н. Формозова. Как было отмечено в статье, «В основу настоящего проекта сети заповедников для всей территории СССР положены предложения..., полученные от республиканских академий и филиалов Академии наук СССР...» (Лавренко и др., 1958, с. 7).

До «сталинского разгрома» заповедной системы в СССР было создано 128 заповедников, занимавших 12,5 млн га – 0,56% площади страны. После упразднения большинства из них система заповедников страны включала только 40 заповедников с площадью 1,466 млн га. Предлагалось расширить сеть до 16–17 млн га, из которых львиная доля приходилась на заповедники РСФСР. Среди аргументов в пользу восстановления и расширения заповедной сети страны авторы выделяли: (1) необходимость сохранения и изучения, в т.ч. круглогодичного и на стационарной основе, природы страны; (2) сохранение редких видов растений и животных и среды их обитания; (3) развитие заповедников как «баз народного туризма»; (4) необходимость развития репрезентативной, «хорошо продуманной географической сети заповедников, которая охватила бы основные типы ландшафтов СССР и их региональные модификации» (Лавренко и др., 1958, с. 5); (5) крайне низкую долю охраняемых природных территорий в СССР по сравнению с другими странами Европы, Азии и Америки (по количеству и доле в площади охраняемых природных территории СССР в 1957 г. отставал, например, от Чехословакии почти в десять и 50 раз соответственно).

Принцип географической репрезентативности для восстанавливаемой и расширяющейся заповедной сети в рассматриваемом проекте реализовывался прежде всего посредством использования в качестве основы созданной в 1956 г. «Геоботанической карты СССР» (М 1 : 4 000 000), которая наиболее полно отражала разнообразие природных условий страны. Последовательно рассмотрены существующие, восстанавливаемые и проектируемые (предлагаемые для создания) заповедники арктических пустынь, тундр и лесотундры, таежной зоны, зоны широколиственных лесов Дальнего Востока и Европейской части СССР, гор Крыма и Кавказа, степи и лесостепи, пустынь и полупустынь, гор Средней Азии, севера Дальнего Востока.

Отмечая стратегические аспекты проблемы, в первую очередь – срочность создания заповедников, авторы указывают на *первоочередность заповедывания сохранившихся участков степи и лесостепи. Они пишут: «С горечью нужно признать, что завет В.В. Докучаева об организации ряда заповедников в степной зоне не выполнен: ни в донских, ни в поволжских, ни в уральских, ни в кубанских... степях в настоящее время нет ни одного заповедника...» (Лавренко и др., 1958, с. 8).* В отношении очередности (не позднее 1958 г.) предлагалось организовать заповедники в степях Казахстана и лесостепи Новосибирской и Куйбышевской (Самарской) областях, что связано и с развернутым в 1950-х гг. освоением целины.

Остановимся кратко на «побиомных» предложениях Плана географической сети заповедников и его реализации в последующие годы.

Полярные пустыни и тундры. Авторы пишут «На Крайнем Севере СССР нет заповедников» (Лавренко и др., 1958, с. 9). С этим следует согласиться – на момент создания Плана Российская Арктика была вне интересов территориальной охраны природы, хотя предложения были еще в 1930-х гг. В данный раздел вошли четыре «проектируемых» заповедника – Новоземельский (юго-западное побережье Южного острова, восточное побережье Северного острова Новой Земли), Таймырский (центральная часть полуострова, оз. Таймыр, лесотундра, в т.ч. самый северный в мире лесной массив Ары-Мас), «Остров Врангеля», Чукотский (в долине р. Амгуема). Три из четырех предложений реализованы спустя десятилетия. Планируемый ещё 60 лет назад Чукотский заповедник, отличающийся уникальностью флоры и фауны, наличием лежбищ моржа и разнообразием птиц, так и не создан.

Таёжная зона. Для Европейской России в Плане отмечались шесть существующих (Кандалакшский, Печоро-Илычский, Лапландский, Кивач, Дарвинский, Окский), два «восстанавливаемых» после закрытия в 1951 г. (Центрально-Лесной, Московский) и три «проектируемых» (Костромской, Татарский, Кунгурский). Отметим, что Лапландский заповедник был восстановлен к моменту публикации статьи в 1957 г., а Московский заповедник в предлагаемом виде (с Приокско-Террасным, Верзнецклязьминским, Глубокоистринским и другими участками) так и не был воссоздан. Из «проектируемых» – Костромской и Татарский созданы в несколько иных конфигурациях: первый в виде двух кластеров заповедника «Кологривский лес» (Кологривский и Мантуровский участки), второй – как Волжско-Камский заповедник, включивший не только Раифский лес, но и водно-болотные угодья Саралинского участка с акваторией Куйбышевского водохранилища. Кунгурский заповедник (без уникальной ледяной пещеры) на двух берегах р. Сылва на площади 2 тыс. га так и не был воссоздан.

Тайга Западной Сибири и Урала в Плане была представлена семью заповедниками, в т.ч. четырьмя существующими (Денежкин Камень, Печоро-Илычский, Башкирский и Горноалтайский), одним восстанавливаемым (Кондинский) и двумя проектируемыми (Васюганский и Кузнецкий). Башкирский заповедник изменил свою конфигурацию за эти годы – сначала в качестве филиала (как было рекомендовано Планом) присоединил участок Шульган-Таш с Каповой пещерой на р. Белой, а затем филиал получил полную самостоятельность. Кондинский (Кондо-Сосьвинский) заповедник существовал с 1929 г.,

а в 1976 г. для сохранения и изучения природных комплексов Кондо-Сосьвинского Приобья здесь был создан заповедник «Малая Сосьва» на 225,6 тыс. га. Из проектируемых – Кузнецкий Алатау создан только в 1989 г. на площади 412,9 тыс. га, а Васюганский заповедник на границе Томской и Новосибирской областей создан в 2017 г.

Восточносибирская и дальневосточная тайга в Плате была представлена двумя существующими (Столбы, Баргузинский), одним восстанавливаемым (Восточносибирским) и четырьмя проектируемыми заповедниками (Красночикойский, Верхоянский, Джугджур и Комсомольский). Для Баргузинского заповедника, который на 1957 г. занимал всего 52,0 тыс. га в Плате отмечалась необходимость расширения (на 2017 г. он занимает площадь 374,3 тыс. га). В отношении планов создания Красночикойского заповедника отметим, что они частично реализовались в 1973 г. при создании Сохондинского заповедника (211 тыс. га) и также будут реализованы при создании в Забайкальском крае национального парка Чикой. Проектируемый в 1957 г. Комсомольский заповедник на 500 тыс. га в 50–60 км от г. Комсомольска так и не был создан в предлагаемом виде. В 1963 г. ближе к городу на 64,4 тыс. га организовали одноименный заповедник, который, несомненно, играет важную роль в сохранении охотской фауны и флоры, но не способен, как это было задумано первоначально, сохранить горные леса в верховьях притоков р. Амур, что привело к их полному сведению и росту частоты катастрофических паводков на реке.

Джугджурский заповедник планировалось создать на 300,0 тыс. га. Спустя более 30 лет в 1990 г. он был создан на 860 тыс. га, в т.ч. 52,7 тыс. га акватории Охотского моря. Проектируемый Верхоянский заповедник площадью 1,2 млн га в пределах южных отрогов Верхоянского хребта (Томпонский район) так и не создан. В планах 1970–1990-х гг. он фигурирует как Китчанский, а затем как Якутский горный, Черский, Индигирский.

Европейские широколиственные леса. В данном разделе на 1957 г. упоминаются для Европейской части России только Мордовский (существующий), который за годы своего существования практически не изменил свою площадь (32,1 тыс. га; было 30,0 тыс. га) и Тульские засеки им. В.В. Докучаева (восстанавливаемый, но так и не восстановленный – в настоящее время ботанический памятник природы). Однако за последние более 50 лет для сохранения биотопа созданы как минимум 3 заповедника с фрагментами широколиственных лесов – Калужские засеки, Брянский лес, Воронинский.

Крым. В Плате отмечен только один – Крымский заповедник (30,0 тыс. га). Однако предложено в качестве его филиалов создать заповедные территории в среднегорье и низкогорье южного склона Главной гряды Крымских гор, заповедать рощи сосны Станкевича и древовидного можжевельника на южном берегу полуострова, район горы Карадаг. Сейчас в Крыму, помимо старейшего Крымского, площадь которого, включая филиал «Лебяжьих островов», составляет 88,6 га, функционирует еще пять заповедников – Карадагский, Мыс Мартыан, Ялтинский и др. Так что планы 1957 г. реализованы полностью.

Северный Кавказ России. Здесь важно обратить внимание на то, что среди существующих указаны только Кавказский (208,0 тыс. га; предложено расширить на 33,0 тыс. га за счет Лазаревского лесничества) и Тебердинский (ок. 70,0 тыс. га). Сейчас площадь Кавказского заповедника после расширения в 2017 г. составляет 284,8 тыс. га. В 2018 г. новый Министр природных ресурсов Российской Федерации Дмитрий Кобылкин отложил реорганизацию его объединения с Сочинским национальным парком и преобразование в государственный природный заповедник «Заповедный Кавказ». К Тебердинскому заповеднику добавлен Архызский участок и его площадь теперь составляет 85,1 тыс. га. Из проектируемых в 1957 г. созданы: Кабардинский высокогорный на 79,1 тыс. га (в 1976 г., сейчас – Кабардино-Балкарский на 53,3 тыс. га), Тляртинский и Самурский (как федеральные заказники площадью 39,0 тыс. га и 12,0 тыс. га соответственно), а Гунибский так и не создан. В Генеральную схему организации государственных заповедников на территории РСФСР 1979 г. от Дагестана был включен только Гутонский заповедник, но в итоге



**Заповедник
«Вишерский».
Средний Урал**



Заповедник
«Хакасский».
Менгиры
в Камызякской
степи

странным образом в 1987 г. для сохранения акватории и прибрежной части Кизлярского залива был организован Дагестанский заповедник. Предложения Дагестанского филиала АН СССР по созданию в восточной части Северного Кавказа заповедной сети не учтены до сих пор. В 1967 г. на Центральном Кавказе создан Северо-Осетинский заповедник, в 2000 г. – «Эрзи» (Ингушетия), а на Западном Кавказе – в 2010 г. – «Утриш».

Дальневосточные широколиственные леса. На момент составления Плана (Лавренко и др., 1958) в данном геоботаническом районе были представлены: один существующий (Сихотэ-Алинский), один восстановленный (Судзухинский в 1957 г.) и один проектируемый (Ханкайский). Заповедники «Кедровая падь» и Супутинский являлись филиалами Судзухинского заповедника и принадлежали Дальневосточному отделению АН СССР. Сихотэ-Алинский заповедник занимал площадь всего около 100,0 тыс. га, сейчас он расширен до 401,4 тыс. га, в т.ч. морской акватории – 2,9 тыс. га. Судзухинский заповедник с 1961 по 1965 г. был филиалом Сихотэ-Алинского заповедника, а в 1970 г. переименован в Лазовский заповедник имени Л. Г. Капанова. Он занимает сейчас площадь 121 тыс. га (несколько меньше, чем в 1957 г.). Кедровая падь – один из старейших заповедников России (организован в 1916 г.) – сейчас занимает 18,0 тыс. га. А Ханкайский заповедник, который проектировался на 70,0 тыс. га, создан только в 1990 г. на площади 39,3 тыс. га.

Степная зона. Данный раздел занимает в Плате почти 20 страниц. Здесь отмечается, что в стране остались «буквально клочки степной целинной растительности» (Лавренко и др., 1958, с. 51). Ни в Заволжье, ни в Западной Сибири и в Забайкалье степных заповедников не было.

В Европейской части отмечены как существующие степные заповедники: Центрально-Чернозёмный (около 4,0 тыс. га, но требует расширения), Воронежский (30,0 тыс. га), Хопёрский (16,0 тыс. га). Проектируемый только один – Шайтан-Тау (24,0 тыс. га), который создан в 2014 г. на площади всего 6,7 тыс. га. В качестве филиалов (участков) Центрально-Чернозёмного заповедника фигурируют: существующие – Казацкий, Стрелецкий, Ямской, проектируемые – Галичья Гора, Лес на Ворксле, участки в верховьях р. Оскол, Таллермановское лесничество, Шипов Лес, Хреновская степь.

Для юга Западной Сибири представлены Троицкий лесостепной (1,5 тыс. га) в Челябинской области (восстанавливаемый) и Западно-сибирский лесостепной (50,0 тыс. га) в Новосибирской области (проектируемый). Ни тот ни другой не созданы. Планируется в ближайшее время создать Барабинский лесостепной заповедник в Новосибирской области на четырёх участках общей площадью более 22,0 тыс. га. Лесостепным является и созданный в 1999 г. на Западном Алтае Тигирекский заповедник (41,4 тыс. га).

Для сохранения Южно-Сибирских и Забайкальских степей рекомендовано Восточно-Сибирскому филиалу АН СССР (Иркутск) наметить для организации пять-шесть заповедников, в т.ч. в бассейнах рек Селенга, Онон, Аргун, а также в Хакасии, Туве и Минусинской котловине. Эти пожелания частично реализованы – в разные годы созданы: Байкальский (1969 г.), Саяно-Шушенский (1976 г.), Хакасский (1991 г.), Убсунурская котловина (1993 г.),

Север Тихоокеанского побережья. На момент подготовки Плана в данном регионе заповедников не было. Кроноцкий заповедник на площади около 1,0 млн га (восстанавливаемый) был закрыт 1951 г. из-за надуманной причины – наличие перспектив нефтеразведки на его территории, а заповедник на острове Медном (проектируемый) предлагалось создать, ликвидировав существовавший там Командорский зверосовхоз (на о. Беринга). Первый восстановлен на площади 1142,1 тыс. га, а второй создан в 1993 г. на площади 3648,7 тыс. га, в том числе 3463,3 тыс. га – морская акватория. В разделе упоминаются и Курильские острова как перспективные для создания заповедника.

В настоящее время здесь создана целая сеть заповедников, среди которых, помимо упомянутых выше «миллионников», Курильский (65,4 тыс. га), Магаданский (883,8 тыс. га),

Корякский (327, 1 тыс. га), Национальный парк Берингия (1 819,5 тыс. га).

Итого, как и в первом Плате географической сети заповедников (Чибилёв, Тишков, 2012), во втором Плате (Лавренко и др., 1958) представлены предложения по сравнительно небольшому для такой крупной страны, как Россия, числу заповедных территорий (71 с филиалами), из которых на момент их подготовки только 25 было существующих, 26 – проектируемых и десять – восстанавливаемых. Из этого можно заключить, что количественно за последние 60 лет в России число заповедников выросло более чем в два раза. Около 90% предложений 1957 г. Комиссии АН СССР по охране природы (Лавренко и др., 1958) к 100-летию заповедной системы России реализованы в формате создания именно заповедников (правда, не всегда в предлагаемых масштабах и конфигурациях). Отметим, что именно тогда были продолжены традиции участия Российской академии наук в разработке предложений по развитию заповедной сети Российской Федерации, которые в настоящее время сохраняют свою актуальность.

Академическая Комиссия по координации научных исследований в государственных заповедниках СССР, ее предшественники и последователи в РАН

После 1917 г. развитие заповедного дела с самых первых лет становления нашей страны находилось непосредственно под «научным» крылом. Это были Научно-технический отдел ВСНХ и Главнаука Народного комиссариата просвещения, декретами которых создавались первые заповедники – «неприкосновенные памятники природы», имеющие «научную и культурно-историческую ценность» (Охрана природы..., 1958). Уже в 1925 г. Главнаука начала издавать «Труды по изучению заповедников», тем самым подчеркивая приоритет научных исследований. Но заметим, что уже в те годы на волне «новой экономической политики» заповедники вынуждены были заниматься и организацией туризма на своей территории, созданием зооферм, мероприятиями по «обогащению» фауны, поддержкой традиционного хозяйства местного населения (водопой, выпас скота, заготовка сена и пр.). Угроза перевода заповедной системы на «ресурсную» колею в 1920–1930-х гг. исходила от Народных комиссариатов по лесу и земле. Дошло до того, что было намечено создание при Наркомземе специального Главка или Управления по заповедникам (Штильмарк, 1996). Но Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20 августа 1933 г. был создан *Комитет по заповедникам* при Президиуме ВЦИК под председательством П.Г. Смиловича и В.Н. Макарова в качестве его заместителя. Среди членов Комитета было много выдающихся учёных, в т.ч. В.В. Алёхин, А.А. Борзов, П.А. Мантейфель, А.Н. Формозов, А.П. Протопопов, С.А. Новиков, Б.К. Фортунатов, Д.Н. Кашкаров, Б.М. Келлер, Б.М. Козо-Полянский, В.Н. Сукачёв и др. В Комитете работал А.А. Насимович, сотрудничали С.В. Кириков и репрессированный в те годы Ю.А. Исаков (Тишков, 2012а). В 1939 г. Комитет был преобразован в Главное управление по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при Совнарком РСФСР, в котором было создано *Специальное научно-методическое бюро*. Оно сыграло заметную роль в становлении научных исследований в заповедниках и формировании в их системе состава специалистов высокой квалификации (Штильмарк, 1996). В состав Научного совета управления входили лидеры отечественной биологии, географии, почвоведения и геологии тех лет: В.Н. Сукачёв, В.В. Алёхин, А.А. Григорьев, Д.Н. Кашкаров, Б.М. Козо-Полянский, Г.В. Никольский, И.И. Пузанов, А.А. Роде, С.С. Туров, А.Е. Ферсман, А.Н. Формозов, С.А. Северцов. Это сближает его с деятельностью будущих

академических комиссий по заповедникам. В 1942 г. на собрании научно-методического бюро, на котором присутствовали, помимо постоянных членов научного совета, ещё и Е.М. Лавренко, Б.М. Житков, С.П. Наумов, по инициативе А.Н. Формозова было принято решение о ведении заповедниками «Летописей природы» – мониторинговых наблюдений за состоянием природного комплекса (Тишков, 2005).

После «сталинского разгрома» заповедников в 1951 г. остатки системы были переданы во вновь учрежденное Главное управление по заповедникам при Совете Министров СССР, которое в 1953 г. было ликвидировано. Так заповедная система страны оказалась фактически без единого «хозяина» и без научно-методического обеспечения. Но если первое не решалось сравнительно долго (заповедники в итоге принадлежали десяткам министерств и ведомств), то второе фактически сразу было решено АН СССР. По инициативе академика В.Н. Сукачёва Постановлением Президиума АН СССР от 23.03.1952 г. № 69 п. 7 «О заповедниках» была создана Комиссия по заповедникам АН СССР, которая взяла на себя обязательства осуществлять научно-методическое руководство научной работой государственных заповедников. Примечательно, что это Постановление распространяло на сотрудников заповедников права на оплату научных степеней.

В составе Комиссии были академики В.Н. Сукачёв и А.А. Григорьев, а также А.М. Гиляров, В.Г. Гептнер, С.В. Кириков, Г.П. Деметьев, Н.П. Дубинин, Н.В. Дылис, А.В. Живаго, А.Н. Формозов, Л.В. Шапошников, В.Н. Макаров и др.

Комиссия по охране природы АН СССР, как было отмечено ранее, была организована в марте 1955 г. на базе Комиссии по заповедникам АН СССР, существовавшей с 1952 г. и возникшей на волне защиты заповедников от произвола власти и необходимости восстановления разрушенной в 1951 г. заповедной сети страны. В период Хрущевской оттепели она была единственной в СССР общесоюзной (не общественной) природоохранной организацией. В 1956 г. Комиссия внесла в Правительство предложение о создании Государственного комитета по охране природы СССР, т.е. выступала как инициатор государственных решений в природоохранной сфере. Ликвидирована в 1963 г. по личному указанию Н.С. Хрущёва (Борейко, 1995).

Спустя почти 20 лет после ликвидации Комиссии по охране природы АН СССР в 1982 г. при Отделении Общей биологии Решением Президиума АН СССР была создана *Комиссия по координации научных исследований в государственных заповедниках СССР* для оказания научно-методической помощи заповедникам в проведении научных исследований и координирования этих исследований. В состав Комиссии входили ведущие учёные страны – биологи, географы, почвоведы и иные специалисты. Первым председателем Комиссии стал академик В.Е. Соколов, ученым секретарем – Т.М. Корнеева. Среди членов Комиссии преобладали сотрудники Института проблем экологии и эволюции АН СССР и Института географии АН СССР – Е.Е. Сыроечковский, В.М. Неронов, Ю.Г. Пузаченко, Ю.А. Исаков, А.А. Тишков и др.

Необходимость организации такой Комиссии именно в академии была продиктована тем, что к началу 1980-х годов около 140 заповедников СССР подчинялись 32 ведомствам союзного и республиканского подчинения, в т.ч. Министерству сельского хозяйства СССР, Главохоте РСФСР, Госкомитетам и министерствам лесного хозяйства союзных республик, АН СССР, вузам и т.п. Требовалась чёткая межведомственная координация деятельности и научных исследований. АН СССР на тот момент являлась таким же элементом исполнительной власти в стране, как и другие министерства и ведомства. Это сейчас, при возникновении ФАНО, РАН и все её структурные составляющие потеряли статус государственного органа исполнительной власти, а в те годы Академия наук и её Президиум, отделения, комитеты, советы, комиссии составляли весомый научный потенциал для определения государственной политики, экспертизы и управленческих решений в стране.

Созданию комиссии также предшествовали два процесса. Один из них был начат

в 1972 г. А.Н. Формозовым, Ю.А. Исаковым, А.А. Насимовичем и С.В. Кириковым в Институте географии РАН, инициировавшим большую академическую тему по оценке современного состояния и уточнения «научного профиля» заповедников – «Заповедники СССР», завершившуюся изданием коллективной монографии «Опыт работы и задачи заповедников СССР» (1979) под редакцией А.А. Насимовича и Ю.А. Исакова. В полевые сезоны 1973–1974 гг. автор – участник работ по данной теме – посетил более 20 заповедных территорий в составе междисциплинарного полевого отряда, целью которого было уточнение научного профиля заповедников (Отчёт по результатам..., 1973; Насимович, Тишков, 1981; Тишков, Утехин, 1975, 1980). Ведомства, которым подчинялись заповедники, практически не взаимодействовали, а научные исследования не имели методологической поддержки и не координировались. Институт географии АН СССР возглавил подготовку предложений по межведомственному сопровождению этой деятельности.

Второй процесс подробно описан Ф.Р. Штильмарком (1996) и связан с событиями, происходящими в то время во Всесоюзном научно-исследовательском институте охраны природы и заповедного дела при Минсельхозе СССР, только-только организованном в 1979 г. на базе Центральной научно-исследовательской лаборатории охраны природы. Вполне естественно было ожидать, что этот институт с его научным потенциалом (А.Г. Банников, Л.К. Шапошников, Е.Е. Сыроечковский, С.М. Успенский, В.Е. Флинт, П.П. Второв, А.А. Кищинский, Т.В. Кошкина, Ю.П. Язан, В.Л. Рашек и др.) и возглавит в стране все работы по координации деятельности заповедников. Однако Главприрода Минсельхоза СССР, до этого активно поддерживающая члена-корреспондента ВАСХНИЛ Е.Е. Сыроечковского в организации института, не утвердила его в должности директора и, по сути, вынудила уйти в Институт экспериментальной морфологии и экологии животных АН СССР, где он с почти 20 сотрудниками, перешедшими вслед за ним из ВНИИ охраны природы, создал Лабораторию научных основ охраны экосистем и управления популяциями животных. В итоге значительная часть тематики по методологии заповедного дела переместилась в Академию наук.

Работа Комиссии АН СССР в те годы проходила на фоне реализации новой Генеральной схемы заповедников и национальных парков СССР (1979), совершенствования природоохранного законодательства, процесса создания Красной книги СССР и РСФСР, разработки новых типовых положений о заповедниках, становления в России сети биосферных резерватов ЮНЕСКО и др. Уже на первом же крупном совещании в Львове в 1985 г. были утверждены «Основные направления научных исследований в заповедниках». На основе этих рекомендаций составлялись планы НИР в заповедниках. Впервые был подготовлен координационный план исследований заповедников СССР. Академическими институтами велись научно-методическое обеспечение исследований и подготовка научных кадров, в заповедниках создавались научные стационары институтов. За 20 лет работы Комиссии проведено около 30 совещаний, семинаров, школ и пленумов, материалы которых опубликованы.

Следует отметить большой объём издательской деятельности Комиссии. Она включала: издание научно-методических пособий для сотрудников заповедников, публикации результатов научных исследований, специальные тематические сборники серии «Проблемы заповедного дела» – всего десять книг в издательстве «Наука», в т.ч. «Итоги и перспективы заповедного дела в СССР» (1986), «Проблемы инвентаризации живой и неживой природы» (1987), «Теория и практика заповедного дела» (1993), «Изучение беспозвоночных животных в заповедниках» (2001) и др. В серии «Флора и фауна заповедников», организованной для публикации аннотированных списков видов животных и растений заповедников, за период существования Комиссии вышло более 100 выпусков конкретных флор и фаун заповедников СССР, России и стран бывшего СССР (от четырёх-пяти до десяти–12 в год). Тематическими экспертами этих изданий были: член-корреспондент

М.В. Горленко (низшие растения), член-корреспондент В.Н. Тихомиров (высшие растения), д.б.н. Н.Н. Смирнов (водные беспозвоночные), д.б.н. О.Л. Крыжановский (энтомофауна), д.б.н. М.И. Шатуновский (рыбы), д.б.н. И.С. Даревский (амфибия; рептилии), д.б.н. Л.С. Степанян (птицы), академик В.Е. Соколов (млекопитающие). Аннотированные списки видов животных и растений заповедников продолжают выходить, но уже с новыми кураторами и экспертами. Потребность в них исключительно высокая – завершается инвентаризация биоты «старых» заповедников, но создаются новые заповедные территории, знание флоры и фауны которых необходимо для эффективной охраны природного комплекса, и здесь РАН сохраняет свои позиции лидера.

С 1996 г. Комиссия выпускала Научно-методические записки «Заповедное дело». На протяжении 10 лет (1982–1992 гг.) Комиссия выполняла прямые функции научно-методического центра заповедников всех республик СССР. В 1992 г. она была переименована в «Комиссию РАН по заповедному делу» и обновила состав: в работе Комиссии принимали участие только российские специалисты, а председателем после В.Е. Соколова стал член-корреспондент РАН В.Н. Тихомиров. Позже в 1998 г. его сменил академик Д.С. Павлов.

В своей деятельности Комиссия использовала алгоритм деятельности Научных Советов Академии наук, что помогало выполнять функции научно-методического и консультативного органа, связывающего заповедники с академической наукой. С созданием Управления по заповедному делу Министерства по охране окружающей среды Российской Федерации, преобразованного затем в Государственный Комитет Российской Федерации по охране окружающей среды, а в 2000 г. – Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (МПР) сняло с Комиссии по заповедному делу функцию межведомственной координации. А 26 марта 2002 г. Постановлением Бюро отделения общей биологии Комиссия РАН по заповедному делу была преобразована в Комиссию РАН по сохранению биологического разнообразия. Издательскую деятельность и другие функции Комиссии РАН по заповедному делу выполняет *Секция заповедного дела*. Она продолжает координацию не имеющей мировых аналогов работы по инвентаризации биоты заповедников России. Результаты этой работы отражены в четырех томах 2003 г. «Состояние биологического разнообразия на заповедных территориях России».

Методология территориальной охраны природы как элемента пространственного развития страны

Возникшая в начале XX века на волне «равноправного» с другими отраслями хозяйства включения в пространственное развитие страны территориальная охрана природы сравнительно долгое время (с середины 1920-х до начала 1980-х гг.) развивалась стихийно и имела скорее «академические» корни, чем государственные. В.Б. Степаницкий (2006, 2009) аргументированно заключает: «Началом периода легитимизации планирования развития системы заповедников ... можно считать 2 ноября 1979 года, когда Госпланом РСФСР была утверждена «Схема рационального размещения государственных заповедников, заказников, спортивных и промысловых охотничьих хозяйств в РСФСР на период до 1990 года» (Степаницкий, 2009, с. 188).

Многие забывают, что план развития географической сети заповедников («О типах местностей...») готовился не для научного сообщества, а для Департамента земледелия и землеустройства Правительства и по его заказу. Готовился он как вполне обоснованный государственный «стратегический документ», который очень пригодился в первые годы

советской власти, например для подготовки планов создания новых заповедников, которые готовил Подотдел охраны природы Музейного отдела Главнауки Наркопроса РСФСР.

Представление о территориальном развитии страны как о полимасштабном и полисистемном процессе, преобразующем территориальные структуры общества, на наш взгляд, вполне логично. Но, исходя из той же логики, в территориальном развитии меняются (преобразуются) не только территориальные структуры общества, но и соответствующие структуры природы. Итогом пространственного развития страны становится дихотомия, формирование пар пространственных категорий, вовлечённых в хозяйственное освоение и не вовлечённых в него (природных) территорий, урбанизированные – неурбанизированные, старого освоения – нового освоения, «обратимо измененная» территория – «необратимо измененная территория» и пр. Территория выступает в данном случае не только материалом развертывания процесса, оставляющего «след», но и своего рода «хранителем инвариантных свойств» – потенциала того самого территориального развития (природного, социального, если в ней уже представлены инфраструктурные и институциональные элементы, производственного и др.).

В отношении природной составляющей и места территориальной охраны природы вполне к месту относится вопрос о синхронизации стадий урбанизации и развития сетей охраняемых природных территорий. Методологически трудно определить место заповедников в системе территориальной организации общества и пространственного развития страны. Почему? Потому что нельзя руководствоваться в понимании территориального развития только «производственно-сырьевым» принципом. Идеи подойти к территориальной охране природы как к непроизводственной сфере и искать пути органичного включения её в систему пространственного развития страны наряду с промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, населением прослеживались уже в 1920–1950-х гг. Правда, для СССР с его, с одной стороны, плановым и централизованным хозяйством, а с другой – с бескрайними и малозаселёнными просторами, с целыми регионами нетронутой природы, идеи самоорганизации хозяйства в пространстве, поиск пространственных закономерностей в размещении хозяйственных объектов, в т.ч. сырьевых, и объектов непроизводственной сферы, не поддавались формализации.

Отражение места «нематериальной» структуры, которую представляет «заповедное хозяйство», в территориальной организации страны и её регионов, являлось задачей сверхсложной. Тем более оно периодически рассматривается как регламентирующий экономическое развитие фактор, особенно остро в таких «антагонистических парах» как: «степные заповедники и аграрное производство на чернозёмах», «заповедная сеть и развитие линейных сооружений», «заповедные старовозрастные леса и перспективы лесного хозяйства», «абсолютная заповедность и развитие туризма на охраняемых природных территориях» и т.д. На самом деле в конфликт вступают периодически все составляющие пространственного развития: промышленность, транспорт, энергетика, лесное, сельское, рыбное и охотничье хозяйство, инфраструктура национальной безопасности, туризм и рекреация. Но только природоохранная деятельность, ограничивающая в пространстве и во времени развитие практически всех этих отраслей, должна иметь превентивное и опорно-каркасное воплощение. Особенно это касается региональных заповедных сетей, которые и количественно, и по площади существенно опережают федеральную заповедную систему. Именно в недрах Академии наук (Лавренко и др., 1958; Опыт работы..., 1979; Зыков и др., 1981; Исаков, 1983; Тишков, 1995, 1996; Соболев, 1997, 2015; Охраняемые природные территории..., 1999; Сыроечковский, Штильмарк, 2000 и мн. др.) и были разработаны новые принципы территориальной охраны природы как элемента пространственного развития страны, преимущественно внедряемые практически во все государственные планы, схемы, стратегии формирования заповедной системы.



**Заповедник
«Шайтан-Тау»
на Южном Урале**



**Национальный
парк «Зюраткуль»**

Заключение

Вопрос о приоритете академической науки (географии, биологии и др.) в развитии заповедного дела в России, ранее фактически даже не рассматриваемый в научной литературе, актуален сейчас, накануне старта крупных мегапроектов освоения новых регионов страны и масштабного развития транспортной сети (включая и перспективы Великого шелкового Пути, трансарктических и транссибирских магистралей). Только географическая методология смогла исходно увести заповедное дело от ограниченных по целям направлений территориальной охраны природы – ресурсно-промыслового (создание заповедников и заказников для сохранения и воспроизводства промысловой фауны) и локально-объектного (заповедывание мелких по площади памятников природы и «островков» дикой природы в аграрном и индустриальном ландшафтах). В итоге буквально с первых лет становления заповедники в России организовывались в соответствии с формированием национальной «географической сети» охраняемых природных территорий. Кроме того, заповедная система нуждалась постоянно в научно-методическом и методологическом сопровождении, что обеспечивалось участием академических учреждений в 1920-х гг. в деятельности группы по заповедникам Главнауки Наркомпроса РСФСР, в 1930-х гг. – в Научно-методическом бюро Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК (Управлении по заповедникам при Совнаркоме РСФСР), созданием Комиссии по заповедникам АН СССР (1952–1955), Комиссии по охране природы АН СССР (1955–1963), Комиссии по координации научных исследований в государственных заповедниках СССР (1982–2002) и Секции по заповедникам Комиссии РАН по сохранению биологического разнообразия (с 2002 г.). Удалось сохранить и восстановить заповедную систему страны после её разрушения в 1951 и 1961 гг., сформировать эффективную систему фонового мониторинга состояния биоты и экосистем на базе заповедников, реализовать концепцию биосферных резерватов в России, провести инвентаризацию флоры и фауны, сформировать эффективно работающую плеяду высококвалифицированных научных сотрудников заповедников. И во всём этом большая заслуга академической науки, которая вот уже 100 лет бескорыстно служит заповедному делу.

Информация подготовлена по теме РАН: 0148-2014-0017 «Выявление биотических индикаторов устойчивого развития и оптимизации природопользования, создание биогеографических основ территориальной охраны природы» (№ 01201352483).

Очерки о деятелях заповедного дела



**ДОКУЧАЕВ
ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Докучаев Василий Васильевич (1846–1903) – русский естествоиспытатель, основатель современного генетического почвоведения, создатель учения о широтных и вертикальных «естественно-исторических зонах, положенного в основу русской научной школы в физической географии». В книге «Наши степи прежде и теперь» (1892) заложил основы степеведения и разработал комплекс агрономических, лесомелиоративных и водномелиоративных мероприятий, соответствующих природной зоне. В 1882–1898 годах возглавил три комплексных экспедиции в земледельческие регионы страны с целью выяснения причин снижения плодородия и засух. В ходе экспедиций заложил основы стационарных исследований на опытных участках (стационарах). В их числе – Хреновской (Каменная степь в Воронежской губернии), Деркульский (в Харьковской), Великоанадольский (в Приазовье). Развивая идею создания научных опытных станций, впервые

пришёл к выводу о необходимости выделения заповедных участков (1895). Некоторые из выделенных учёным экспериментальных степных стационаров сохранились до наших дней.

Основные идеи В.В. Докучаева о значении заповедных территорий для науки и практики, изложенные в трудах его экспедиции в 1895 году, по мнению Ф.Р. Штильмарка (1996), положили начало заповедного дела в России. Суть докучаевского взгляда на заповедное дело была изложена на примере судьбы степного ландшафта: «...девственные черноземные степи... с их оригинальными обитателями – серебристым ковылём, дерезой, байбаком, дрофью и проч. – с удивительной быстротой исчезают с лица земли русской... И это тем обиднее, тем нежелательнее, что наши степи, с их в высшей степени своеобразной природой, никогда не подвергались систематическим исследованиям и более или менее продолжительному непрерывному (из года в год, изо дня в день) учёту, что представляет, помимо научного, и высокий, общепризнанный практический интерес и что, безусловно, необходимо как для понимания степи, так и овладения её силами и особенностями – достоинствами и недостатками... Чтобы реставрировать степь, по возможности, в её первобытном виде; чтобы воочию убедиться в том могущественном влиянии, какое может оказывать девственный травяной покров на жизнь и количество грунтовых и поверхностных вод; чтобы не дать возможность окончательно обеставить наши степи (как обезлесили лесостепную Россию); чтобы сохранить этот оригинальный степной мир потомству; чтобы спасти его для науки (а частью и практики); чтобы не дать безвозвратно погибнуть в борьбе с человеком целому ряду характернейших степных растительных и животных форм – государству следовало бы заповедать... на юге России большой или меньший участок девственной степи и представить его в исключительное пользование первобытных степных обитателей, каковы вышеупомянутые, ныне вымирающие, организмы. И, если на таком участке будет устроена постоянная научная станция..., то нет сомнения, затраты..., сопряжённые с устройством такой заповедной дачи и станции, быстро окупятся, и притом сторицею» (Докучаев, 1895, с. 23–25).

Важнейшее значение для современного заповедного дела имеет следующая мысль ученого: «Вековой опыт народов и государств и простой, но здравый смысл... свидетельствуют, что только

то прочно и устойчиво, только то и жизненно, только то и имеет будущее, что сделано в согласии с природой» (Докучаев, 1895, с. 25).

Докучаев В.В. Труды экспедиции, снаряжённой Лесным департаментом под руководством проф. Докучаева. – СПб., 1895. – 217 с.
Штильмарк Ф.Р. Историография российских заповедников (1895–1995). – М.: ТОО «Лотага», 1996. – 340 с.

А.А. Чибилёв



**БОРОДИН
ИВАН
ПАРФЕНЬЕВИЧ**

Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) – русский ботаник, академик Петербургской академии наук (1902). Основные труды в области физиологии, анатомии и систематики растений. Основатель и председатель Русского ботанического общества (1915). В 1910 году в докладе «Охрана памятников природы» писал, что сохранение участков нетронутой

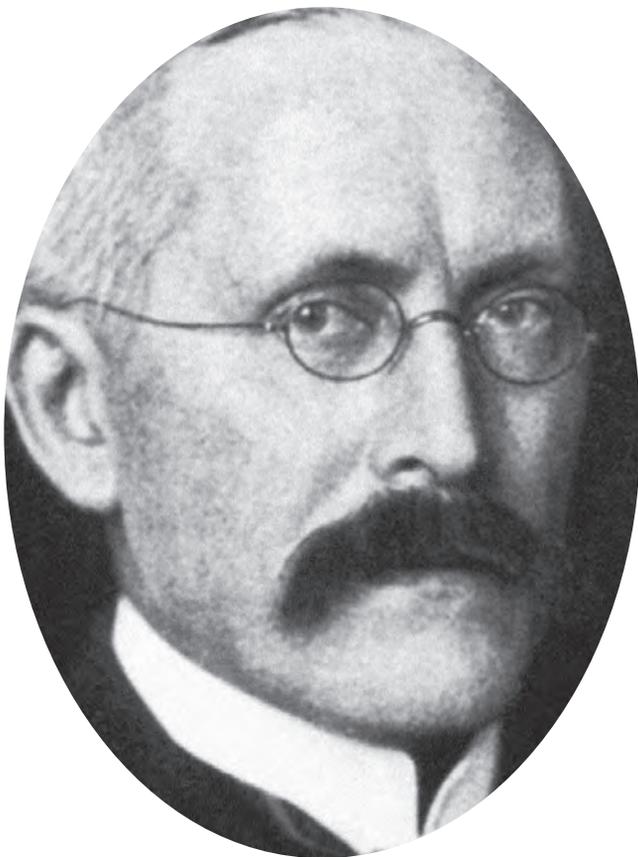
природы – «это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой. Пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши предки. Растерять эти остатки было бы преступлением». В своем докладе И.П. Бородин обратил внимание на то, что Русское географическое общество с его разветвлённой сетью отделов во всех, в том числе отдаленных губерниях, располагает уникальной возможностью организовать «центральный природоохранительный комитет с участием в нём представителей различных заинтересованных ведомств». Именно после этого доклада началась работа по созданию Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества.

В этом же докладе И.П. Бородин отметил первоочередную важность сохранения последних осколков девственных степей: «Наиболее неотложным представляется... образование степных заповедных участков. Степные вопросы – это наши чисто русские вопросы, между тем именно степь, девственную степь, мы рискуем потерять скорее всего» (Бородин, 1914, с. 22). В 1915 году он становится руководителем биологической станции на базе степного заповедника в имении графини С.В. Паниной в Воронежской губернии.

В 2013 году вместе с Г.А. Кожевниковым представлял Россию на международной конференции по охране природы в г. Берне. Завершая свое выступление, И.П. Бородин выразил уверенность, «что Россия, занимающая шестую часть земного шара, вполне осознает свои обязанности по отношению к природе и человечеству» (Мировая охрана..., 1915, с. 96).

Бородин И.П. Охрана памятников природы. – СПб.: Типогр. Стасюлевича, 1914. – 31 с. – (Император. Рус. геогр. о-во, Постоян. Природоохранит. комис.; № 1).
Мировая охрана природы.
Отчет академика И.П. Бородина о командировке в Берн на конференцию по международной охране природы. ИРГО, Постоян. Природоохранит. комис., № 2. – Петроград, 1915. – 106 с.

А.А. Чибилёв



**КОНВЕНЦ
ГУГО**

Конвенц Гуго (1855–1922) – немецкий учёный, выпускник естественного факультета Бреславского университета, директор естественного музея в Данциге. В 1906 году возглавил первую в Европе (в Восточной Пруссии) Государственную комиссию по охране памятников природы. По мнению В.Е. Борейко, реанимировал важное понятие «памятник природы» (Naturdenkmaller), впервые введённое Александром Гумбольдтом. Основные идеи охраны памятников природы изложил в монографии «Практика охраны памятников природы» (1904), которая стала широко известна во всех европейских странах.

Главная идея Конвенца заключалась в необходимости введения особой категории памятников природы, которые «пользуются абсолютной защитой» (Convents H., 1911, русс. перевод: Конвенц, 2000). Конвенц пришёл к выводу о невозможности реализации в Западной Европе проектов создания национальных парков по типу североамериканских,

и отдавал предпочтение организации охраны нетронутых антропогенным воздействием участков местности, представляющих выдающийся общий или региональный, научный или эстетический интерес. Он писал: «...часто господствует мнение, что необходимо по примеру Северной Америки организовать в некоторых областях национальные парки, чтобы сберечь нетронутую природу. Но не говоря о том, что у нас (в Европе) невозможно экономически использовать для этого области крупных размеров, вопрос заботы о памятниках природы не решится с основанием пары национальных парков. Более правильно и практически более выполнимо рассредоточить по всей территории, по возможности в каждой части страны, маленькие площади с различными свойствами – здесь озеро или старица, там пойменный луг, приморская зона, залитый солнцем холм, здесь эрратический блок, экземпляр конечной морены или фунта скал, там маленькое болото, вересковый луг или лесной массив и т.п.» (Цит. по: Черных, 2014, с. 19–20).

Идеи г. Конвенца нашли широкую поддержку в России и были развиты Г.А. Кожевниковым.

Конвенц впервые высказал идеи о необходимости заповедания больших территорий в Антарктиде. Ему принадлежат предложения о создании полных резерватов, предусматривающих запреты борьбы с «вредными» животными, вырубку старых деревьев, посещение людьми нетронутых уголков природы и т.д. Именно Г. Конвенц добился создания заповедной зоны в Беловежской Пуще на территории современной Польши. В своих взглядах учёный отождествлял охрану природы с охраной родины.

Convents H. Die defahrung der Naturdenkmaller und Vorschlage zu ihrer Erhaltung, Berlin (русский перевод: Конвенц г., 2000. Практика охраны природы. – К.: Киевский эколого-культурный центр. – 88 с.)
Черных Д.В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 227 с.

А.А. Чибилёв



**КОЖЕВНИКОВ
ГРИГОРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Кожевников Григорий Александрович (1866–1933) – российский зоолог, географ, охотовед, специалист в области биологической эволюции. По признанию современных экологов и историков науки, является основоположником современных российских представлений о заповедном деле. В 1888 году окончил Московский университет, с 1904 года профессор и директор Зоологического музея МГУ. 4 сентября 1908 года на Юбилейном акклиматизационном съезде сделал доклад «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы», который определил следующие классические представления о заповедном деле в отечественной науке: «Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере, на далёких от края частях их. Участки

эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования. Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы. По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и, уж конечно, всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты. Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство их должно быть, прежде всего, делом государственным» (Цит. по: Черных Д.В., 2014, с. 22).

В статье «Монастыри и охрана природы» (1913) Кожевников сопоставляет идею заповедания с устройством монастырей: «Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой даёт превосходную почву созерцания и самоуглубления, а хозяйственная эксплуатация природы, наоборот, вводит в круг мирской суеты, от которой бежит монашествующий, соприкасает его с денежными интересами, с вопросами продажи, прибыли, наживы, столь чуждыми идее иночества».

Г.А. Кожевников был активным членом Постоянной Природоохранительной комиссии РГО. Его представления о заповедниках оказали большое влияние на других членов комиссии и в целом на идеологию природоохраны в России. В 1917 году он становится одним из организаторов Московского общества охраны природы. И до революции 1917 года, и после неё учёный пишет десятки статей в прессе, выступает с популярными лекциями по охране природы.

Летом 1918 года Кожевников обращается в правительство республики с докладной запиской «Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России», которая сыграла важную роль при принятии решения по созданию первых заповедников в Советской России. После окончания Гражданской войны Кожевников вместе с другими учёными готовит докладную записку «О нуждах охраны природы РСФСР», в которой говорилось: «Природа является для нас, с одной стороны, источником материального благополучия, а с другой – неисчерпаемым источником для изучения и поучения..!»



**Выходы гранитных
скал в заповеднике
Убсунурская
котловина. Тува**



Аксаковская
лесостепь.
Заволжье

Перед Российской республикой лежат задачи мировой важности – сохранить целый ряд животных форм, которых нет за пределами нашего отечества, и за судьбой которых с интересом следит учёный мир всего света...» Но основе этой записки был подготовлен документ, который подписали народные комиссары и академики, – всего 34 подписи. По поручению председателя ВЦИК М.И. Калинина в июле 1923 года группа учёных во главе с Кожевниковым входит в состав Комитета по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР. 3 декабря 1924 года состоялось организационное собрание Всероссийского общества охраны природы, – Кожевникова избрали председателем Временного совета общества. Являясь фактическим руководителем общества, он выступает с основными докладами на Первом Всероссийском съезде по охране природы, Всероссийском съезде охотников, секции охраны природы Госплана РСФСР, участвует в работе Комитета по охране памятников природы при Госплане РСФСР. Он одним из первых высказался о необходимости введения природоохранных знаний в школьные предметы: «Дело охраны природы станет прочно только тогда, когда оно станет народным делом, когда народ поймет, что охрана эта делается в его же интересах, в интересах народного достоинства. Естественным путем для привития народу правильных взглядов на охрану природы является, конечно, школа. То, что умело привито в школе, сохраняется на всю жизнь, руководит всем поведением человека» (Кожевников, 1926, Цит. по: Борейко, 1996а, с. 131).

Однако золотая пора природоохраны в Советской России вскоре закончилась. В газетах и журналах начинается травля самого института охраны природы и тех, кто охранял памятники культуры и природы. В 1929 году Кожевникова лишают должности на кафедре зоологии и директора Зоологического музея МГУ, где он прослужил около 40 лет. 25 января 1933 года в Москве открылся I Всесоюзный съезд по охране природы. Его ждали с нетерпением и те, кто надеялся отстоять идеи самоценности природы, и те, кто стремился «сорвать фетиш неприкосновенности» с заповедников.

29 января 1933 г. в перерыве между заседаниями съезда Г.А. Кожевников скончался. И хотя в трудах I Всесоюзного природоохранного съезда было записано, что в лице учёного «Общество и Комитет по охране природы потеряли одного из ревностных поборников этой идеи и активного общественника», официальная наука, писатели

и журналисты, чиновники государственных органов, реальные заповедники всё больше и больше стали подменять понятие «охраны природы» «рациональным природопользованием» (Вайнер (Уинер), 1991).

Можно с уверенностью сказать, что в XX веке в России и СССР не было более последовательного, более принципиального, более активного деятеля природоохраны, чем Г.А. Кожевников. И тем более обидно, что заслуги учёного, по сути «погибшего на поле боя», до сих пор не оценены по достоинству и в XXI веке. На стене одного из парадных вестибюлей МГУ до сих пор красуется изречение: «Мы не можем ждать милостей от природы – взять их у неё наша задача». Но никак не отмечен вклад выдающегося российского охранителя природы профессора МГУ Григория Александровича Кожевникова. В 2012 году Русское географическое общество учредило золотую медаль имени И.П. Бородина – основателя Постоянной Природоохранительной комиссии. Было бы справедливым учредить специальные награды (медаль, диплом, премия) МПР Российской Федерации и МГУ за заслуги в сфере охраны природы имени Г.А. Кожевникова.

Борейко В.Е. Колокол Кожевникова // Очерки о пионерах охраны природы. – Киев, 1996а. – Т. 1, Вып. 9. – С. 123–135.
Вайнер (Уинер) Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. – М.: Прогресс, 1991. – 400 с.
Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны природы // Труды Всерос. юбилейного акклиматизационного съезда. Вып. 1. – М., 1909. – 220 с.
Кожевников Г.А. Монастыри и охрана природы // Птицеведение и птицеводство. – 1914. – № 2.
Кожевников Г.А. Школьный учитель и охрана природы. – М., 1926. – 34 с.
Кожевников Г.А. Задачи охраны природы СССР // Охрана природы. – 1928. – № 1. – С. 6–7.
Кожевников Г.А. Как вести научную работу в заповедниках // Охрана природы. – 1928. – № 2. – С. 12–19.
Черных Д.В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 227 с.

А.А. Чибилёв



**СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
АНДРЕЙ
ПЕТРОВИЧ**

Семёнов-Тян-Шанский Андрей Петрович (1866-1942) – русский зоолог, президент Русского энтомологического общества. Основные труды по систематике, зоогеографии и фаунистике насекомых. Как ценитель поэзии, музыки и живописи развивал этико-эстетичное направление в охране природы. Принимал участие в разработке первого проекта развития географической сети заповедников России, который был доложен на заседании Постоянной Природоохранительной комиссии РГО его братом В.П. Семёновым-Тян-Шанским в октябре 1917 года.

В 1919 году в журнале «Природа» была опубликована статья «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения», ставшая классической работой, развившей этические подходы к охране природы и заповедному делу: «Ведь есть ещё одна сторона в деле охраны очагов свободной природы на которой мне

хочется хотя бы на минуту, остановиться. Напомнить о ней особенно уместно в наше время разгара чисто материалистических стремлений и, несмотря на высоту подъёма волны социалистических идей, всё же, увы, эгоистических настроений. Это – сторуна вопроса чисто этическая. Не говоря о том, что нетронутая человеком природа даёт ему ничем незаменимые эстетические наслаждения, возвышая его душу, – на нас лежит и большой нравственный долг перед природой, сыновий долг перед матерью.

Природа не только выкормила нас; она нас в свое время развила и воспитала; она нас и ныне кормит, учит и воспитает.

Создавая и уважая законы всякого разумного общежития, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободно существования всё на ней от века живущее» (Из литературного наследия..., 1996).

Развивая этико-эстетические основы природоохраны, Андрей Петрович подчас оставался в одиночестве. Его взгляды были отвергнуты властью, прессой, писателями, официальной наукой. В литературном наследии учёного сохранились следующие строки: «Как бы не было прискорбно настоящее отношение в России человека к природе, хочется умереть в светлой уверенности, что будет некогда день – что уже близок этот день, когда «человечество» и «человечность» станут одним понятием, когда человек облагородится настолько, что для него станет священным право на жизнь как всех ему подобных, так и всего того, чему предуказано жить на земле наряду с человечеством не стеснённой в своём творчестве природой».

Борейко В.Е. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 1. Серия: История охраны природы. Вып. 9. – 1996. – 208 с.
Борейко В.Е. Этика и менеджмент заповедного дела. – Киев: Киев. экол.-культур. центр, 2005. – 328 с.
Из литературного наследия Андрея Петровича Семёнова-Тян-Шанского (1866–1942). Проза, стихи, эпиграммы / Сост. В. Берлин, В. Борейко. – К.: КЭКЦ, 1996. – 160 с.

А.А. Чибилёв



**МОРОЗОВ
ГЕОРГИЙ
ФЁДОРОВИЧ**

Морозов Георгий Фёдорович (1867–1920) – русский лесовед, ботаник и географ. Профессор Петербургского лесного института и Таврического университета. Редактор «Лесного журнала». Создал современное учение о лесе как биоценотическом, географическом и историческом явлении. Разработал учение о типах насаждений. Его труды оказали большое влияние на развитие биогеоценологии и лесоведения. Изучал самые знаменитые лесные массивы России, в т.ч. Хреновский и Бузулукский боры, которые были включены в проект заповедников 1917 года В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

В 1910 году на XII Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей при обсуждении доклада академика И.П. Бородина «О сохранении участков растительности, интересных в ботанико-географическом отношении» высказал принципиально новые мысли о планомерности выделения заповедных мест, их

размещении на основе ботанико-географического районирования, необходимости выделения заповедных территорий, представляющих характерные типы флоры в каждой ботанико-географической области. Активно участвовал в организации Крымского заповедника.

Главный труд Г.Ф. Морозова «Учение о лесе» (СПб, 1912) является классическим произведением, которое определило развитие лесной науки на весь XX век. К сожалению, лесоохранные идеи Г.Ф. Морозова в годы социалистического строительства были нарушены и многие уникальные лесные массивы были вырублены, а взамен старовозрастных коренных лесов стали создаваться нежизнеспособные лесные культуры. В 1917 году в одной из последних статей в «Лесопромышленном вестнике» он говорил: «Не дай бог возникнут аграрные беспорядки, или темные силы начнут нашёптывать невежественные лозунги, сеять неприязнь, страх, и в результате с разных сторон может быть прописан смертный приговор лесу. Нашей первой обязанностью является всеми достигнутыми нами способами провести широкую пропаганду о необходимости сберечь леса, все равно, кому бы они ни принадлежали» (Цит. по: Филоненко, 1993, с. 19–20).

Морозов г.Ф. Учение о лесе. – СПб., 1912. – 83 с.
Филоненко И. Воспоминания о русском лесе. – М., 1993. – 238 с.

А.А. Чибилёв



**КОМАРОВ
ВЛАДИМИР
ЛЕОНТЬЕВИЧ**

Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – русский ботаник и географ, общественный деятель, академик АН СССР (1920), вице-президент (1930–1936), президент (1936–1945) АН СССР. Президент Всесоюзного ботанического общества (с 1930). Профессор Петербургского университета (с 1918). С 1899 года работал в Петербургском ботаническом саду (с 1931 – Ботанический институт АН СССР). В 1932 году возглавил работу над 30-томной «Флорой СССР» (1934–1964). В трудные для функционирования общественных организаций годы возглавил Центральный совет Всесоюзного общества охраны природы (1938) и стал почетным президентом Географического общества СССР (1940). По инициативе В.Л. Комарова созданы Уссурийский (1932) и Дарвинский (1945) заповедники. В архиве РАН сохранились многочисленные документы в защиту заповедников, подписанные В.Л. Комаровым. В январе 1941 года Наркомстрой

СССР выступил с предложением о проведении сплошных рубок в Воронежском, Ильменском заповедниках и Бузулукском бору. В письме В.Л. Комарова, направленном в Совнарком СССР, говорилось: «Академия наук констатирует, что все три заповедника, как другие заповедники РСФСР, расположенные в густо заселённых областях, были выделены с учётом их научного и народно-хозяйственного значения. Неоднократные попытки хозяйственных ведомств добиться отмены заповедности и разрешения рубок до сих пор не имели успеха... Ходатайство Наркомата строительства, являясь попыткой пересмотреть постановление Правительства об упомянутых заповедниках, не может считаться обоснованным» [Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 82, лл. 1–4].

Как президент АН СССР В.Л. Комаров в 1940 году обратился к заместителю председателя Совнаркома СССР Н.А. Булганину с предложением, которое остается актуальным и в год столетия заповедной системы страны: «Наши заповедники проходят путь при недостаточном понимании или полной недооценке их пользы для страны и поэтому нуждаются в заботливой опеке и поддержке. Для этого, я считаю, в первую очередь необходимо издание общесоюзного положения о заповедниках и во вторую – учреждение единого общесоюзного Управления по заповедникам» (Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 78, лл. 1–3).

В течение всего 20 века Академия наук нашей страны, её руководители и члены были основными поборниками заповедного дела и защитниками эталонов природы. Об этом свидетельствуют примеры активной позиции не только В.Л. Комарова, но и И.П. Бородина, В.Н. Сукачёва, Е.М. Лавренко, А.А. Григорьева и других.

Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 82, лл. 1-4
Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 78, лл. 1-3

А.А. Чибилёв



**СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
ВЕНИАМИН
ПЕТРОВИЧ**

Семёнов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942) – русский советский физико-географ, страновед, экономико-географ, статистик. Профессор Ленинградского университета (1919–1937). В 1899 году под его редакцией начало выходить многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Автор книг «Торговля и промышленность Европейской России» (1900–11, 12 томов), «Город и деревня Европейской России» (1910), «Типы местностей Европейской России и Кавказа» (1915), «Район и страна» (1928).

В 1919 году по его инициативе в Ленинграде, в особняке графа Бобринского, был открыт Центральный географический музей. По замыслу В.П. Семёнова-Тян-Шанского, он должен был стать Музеем-парком мировой географии. Специальный раздел был посвящён охране природы. До 1938 года учёный проработал директором уникального музея, но вынужден был уйти с этого поста из-за

непрекращающихся нападков со стороны местной власти. С уходом директора-основателя Центральный Географический музей сначала утратил большую часть своих экспозиций, а затем был окончательно закрыт. Закрытие этого музея является огромной утратой для отечественной географии и природоохраны.

С первых лет создания Постоянной Природоохранительной комиссии РГО В.П. Семёнов-Тян-Шанский является активным её членом. По его предложению в различные регионы страны были разосланы специальные анкеты с просьбой сообщить, есть ли где участки нетронутой природы, достойные заповедания. На основании собственных исследований и поступивших предложений от членов комиссии и корреспондентов РГО В.П. Семёнов-Тян-Шанский сам вычертил большую карту России, отобразив перспективные участки для создания заповедников. Обстоятельный доклад учёного «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» стал первым проектом создания сети заповедников в России. Записка с таким названием была написана 2 октября, а сам доклад сделан 19 октября 1917 года. Несмотря на то что авторство первого проекта сети заповедников, принадлежащего В.П. Семёнову-Тян-Шанскому, на долгие годы было предано забвению, именно этот проект следует считать отправной точкой долгого и многотрудного пути развития заповедной сети в СССР и современной России.

Доклад В.П. Семёнова-Тян-Шанского с картой впервые полностью был опубликован только в 2012 году в юбилейном альманахе возрожденной Постоянной Природоохранительной комиссии РГО (Столетие..., 2012).

В фондах РГО сохранилась пояснительная записка к докладу, в которой представляются чрезвычайно важными следующие мысли учёного: «...В природоохранении следует различать две цели: одна, более мелкая, заключается в охране отдельных естественноисторических предметов: редких видов растений и животных и одиночных геологических объектов. Другая, значительно более грандиозная, заключается в охране их естественных, величавых сочетаний на известных пространствах, в охране сразу тех комплексов их, из которых свободным, ничем не стесненным действием природных сил слагается лик Земли в данной стране... На нашей обязанности лежит

сохранить для потомства, где только можно, в полной неприкосновенности, полностью черты лика матери-Земли, дабы оно имело всегда возможность в них вглядываться и поучаться в натуре тому, о чем оно только слышало из книг и чего поэтому не сможет себе представить вполне реально. Сохранение нетронутым естественного цельного географического ландшафта от далёких предков поможет потомкам легче критически разобраться во всей той сложной искусственной обстановке, в которой им придется жить и действовать...» (Столетие..., 2012, с. 36–38).

Столетие Постоянной
Природоохранительной Комиссии
ИРГО. Юбилейная книга-альманах /
Авт.-сост. А.А. Чибилёв, член-корр.
РАН, вице-президент РГО,
А.А. Тишков, доктор
географических наук. – М.: Рус.
геогр. о-во, 2012. – 94 с.

А.А. Чибилёв



**СПРЫГИН
ИВАН
ИВАНОВИЧ**

Спрыгин Иван Иванович (1873–1942) – русский ботаник, представитель ботанической школы Казанского университета, доктор биологических наук, профессор. С 1896 года проводил исследования флоры и растительности Пензенского края. Организатор Пензенского общества любителей естествознания, с 1911 года – его бессменный председатель. В 1912 году общество ходатайствует перед Постоянной Природоохранительной комиссией РГО о заповедании черырёх степных участков в Пензенской губернии. В 1919 году была объявлена заповедником «Попереченская степь». В 1925 году вместе с ещё двумя участками «Сосновый бор» и «Сфагновые болота» был создан Пензенский заповедник, директором которого стал И.И. Спрыгин. В 1926 году он возглавил экспедицию в Жигули, которая завершилась в августе 1927 года организацией нового Средне-Волжского заповедника. В результате



Кавказский
заповедник.
Адыгея



**Заповедник
«Хакасский».
Участок «Оглахты»**

деятельности И.И. Спрыгина Средне-Волжский заповедник к 1 октября 1930 года включал 11 участков. Был подготовлен беспрецедентный для СССР проект сети заповедников в Средне-Волжском крае, включающий 41 участок. До 1931 года И.И. Спрыгин являлся директором заповедника, а до 1938 года – возглавлял научный отдел заповедника. После расформирования Средне-Волжского края, уникальный заповедник раскололся на отдельные части, входившие в состав Пензенской, Куйбышевской (Самарской) и Оренбургской областей. В 1977 году имя И.И. Спрыгина присвоено Жигулёвскому государственному заповеднику.

В 1929 году по заданию Главнауки Наркомпроста И.И. Спрыгин возглавлял экспедицию по выбору участков для большого степного заповедника в Северном Казахстане, где в 1931 году был создан Наурзумский заповедник.

В уникальном научном наследии И.И. Спрыгина и архивных материалах его экспедиций содержатся богатейшие сведения о флоре и растительности обширного региона, протянувшегося с запада на восток от Приволжской возвышенности до Тургая более чем на 1500 км. К сожалению, многие предложения И.И. Спрыгина по созданию кластерных заповедных участков не были реализованы. Многие из них были утрачены во время целинной кампании.

Борейко В.Е. Иван Иванович Спрыгин // Популярный биографо-библиографический справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860–1960) (Сер. История и охрана природы. Вып. 5). – Киев-Москва: Центр охраны дикой природы, 1995. – Т. 2 (М-Я). – С. 115–118.

Саксонов С.В. Истоки заповедного дела в Самарской области // Заповедное дело России: принципы, проблемы, приоритеты: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Жигулевского гос. природного заповедника им. И.И. Спрыгина (Жигулёвск – Бахилова Поляна, 4–8 сент. 2002 г.) / Науч. ред. С.В. Саксонов. – Бахилова Поляна, 2003. – Т. 1. – С. 55–62.

Спрыгин И.И. Охрана природы в Средне-Волжском крае // Известия Центрального бюро краеведения. – 1929. – Вып. 10. – С. 42–44.

Спрыгин И.И. Жигулёвский заповедник // Охрана природы. – 1930. – Вып. 1. – С. 7–14.

А.А. Чибилёв



СУКАЧЁВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Сукачëв Владимир Николаевич (1880–1967) – российский ботаник, лесовед и географ, академик АН СССР (1943; чл.-корр., 1920). Ученик И.П. Бородина и Г.Ф. Морозова. В 1944 году организовал Институт леса СО АН СССР, лабораторию лесоведения АН СССР (1959) и лабораторию биогеоценологии при Ботаническом институте (1965). В 1946–1953 годах профессор МГУ, заведующий кафедрой ботанической географии. В.Н. Сукачëв – основоположник биогеоценологии, один из авторов учения о фитоценозе. В 1955–1967 году – президент Московского общества испытателей природы, член-учредитель Всероссийского ботанического общества (1915), с 1946 года его президент.

В 1912 году по приглашению И.П. Бородина вошёл в состав Постоянной Природоохранительной комиссии РГО. В 1910 году на XII съезде естествоиспытателей и врачей выступил

с предложениями об охране Жигулей и Стрелецкой степи.

После 1917 года принимает активное участие в природоохранном движении и организации научных исследований в заповедниках. Работает в Аскании-Нова, Крымском и Кавказском заповедниках, Бузулукском бору, с 1935 по 1941 год руководит научной работой в заповеднике «Лес на Ворскле». С 1936 года входит в состав научного совета по заповедникам Всероссийского общества охраны природы. В 50-е годы активно работает в составе Комиссии по заповедникам, преобразованной в Комиссию по охране природы АН СССР.

После разгрома заповедников 1951 года, 30 апреля 1954 года вместе с группой учёных обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву и председателю Совмина СССР Г.М. Маленкову с просьбой улучшить дело охраны природы и поднять статус заповедников в стране. В письме были высказаны предложения, которые остаются актуальными и в год 100-летия заповедной системы страны:

1) Учредить комплексную комиссию, которой поручить представить в кратчайший срок проект реорганизации системы научно-исследовательских заповедников с учётом и исправлением ошибок, допущенных при реорганизации системы в 1951 году.

2) Рассмотреть вопрос об исключении заповедников из ведения министерств, имеющих главной задачей разработку и эксплуатацию природных богатств, с возложением дальнейшего руководства заповедниками на Министерство культуры СССР или на особый межведомственный Комитет при Совете Министров СССР.

В разные годы В.Н. Сукачёв защищал от рубок Воронежский заповедник, от распашки – целинную степь в Аскании-Нова. Эталонные леса в Бузулукском бору, выделенным В.Н. Сукачёвым, не вырубались даже в годы Великой Отечественной войны, но их некому было защитить после смерти академика вплоть до организации в нём национального парка в 2007 году. В.Н. Сукачёв был последним из «могучей кучки заповедного дела» – членов дореволюционной Постоянной Природоохранительной комиссии РГО, кто отстаивал её принципы в период «лысенковщины».

Сукачёв В.Н. Растительные сообщества. – Введение в фитосоциологию. – Изд. 4-е доп. – М.-Л., 1928. – 232 с.

Сукачёв В.Н. О направлении и содержании ботанической работы в заповедниках // Советская ботаника. – 1936. – № 3. – С. 3–9. Основы лесной биогеоценологии / Под ред. В.Н. Сукачёва, Н.В. Дылиса. – М.: Наука, 1964. – 574 с.

А.А. Чибилёв



**АЛЁХИН
ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Алëхин Василий Васильевич (1882–1946) – российский ботаник, основатель московской геоботанической школы. Внёс крупный вклад в учение о растительных сообществах. Развивал основы фитоценологии и степеведческое направление в геоботанике. Исследования растительности Центрально-Чернозёмных областей привели к открытию для науки Стрельцовской (1907) и Казацкой (1909) степей. В 1933 году возглавил особую экспедицию для выделения наиболее крупных степных участков для будущего

заповедника. Эталонные луговые степи, открытые В.В. Алёхиным, составили основу Центрально-Чернозёмного заповедника, организованного в 1935 году, которому позднее было присвоено имя учёного. В монографии «Центрально-чернозёмные степи» (1934), в главе «Заповедники и их значение», развивал классические представления о заповедном деле с учётом «задач социалистического строительства».

«Нельзя не сказать о значении заповедников вообще и о значении организуемого нашего степного заповедника в частности. В прежнее время основной целью заповедников было сохранение остатков первобытной природы на вечные времена и их изучение: эти участки были изъяты из какого-либо хозяйственного использования и охранялись как особые природные музеи. В настоящее время заповедники хотя и исключены из прямого хозяйственного оборота, но по существу непосредственно служат задачам социалистического строительства, решая вопросы производственного характера, что связано также и с планомерной сетью самих заповедников. Заповедники имеют своей целью не только охранять те или иные растительные типы, редких животных и растения, но и обогащать истощённую природу ценными для хозяйственных целей породами животных и растений (сюда относятся вопросы акклиматизации и др.). В задачи заповедников входит всестороннее изучение самих заповедных участков, причем изучение их и сопоставление с окружающими пространствами, находящимися с давних пор в хозяйственном использовании, даёт целый ряд научных указаний для восстановления на эксплуатируемых участках их природных богатств» (Алёхин, 1934; цит. по: Алёхин, 1986, с. 146–147).

«Изучение степей в заповедниках даст ответы на важнейшие теоретические вопросы, связанные со «степной» проблемой. Многие вопросы, связанные с безлесьем степей, например, и до сих пор возбуждают споры, и естественно, что только в заповедниках, при длительных стационарных наблюдениях, мы сможем разрешить их окончательно. Заповедники имеют огромное значение и потому, что здесь создаются условия, при которых возможны длительные наблюдения, которые во многих случаях только и могут дать необходимые и достаточные материалы. При этом, конечно, уже нужно думать о создании в заповедниках биологических научных станций, ведущих непрерывную научную

работу и связанных в своей работе с окружающими производственными учреждениями и опытными станциями» (Алёхин, 1986, с. 148–149).

Алёхин В.В. Центрально-чернозёмные степи. – Воронеж: Коммуна, 1934. – 96 с.
Алёхин В.В. Теоретические проблемы фитоценологии и степеведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 216 с.

А.А. Чибилёв



**СОЛОВЬЁВ
ДМИТРИЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

Соловьёв Дмитрий Константинович (1886–1931) – русский биолог-охотовед, путешественник. С 1925 года – заведующий кафедрой охотоведения Лесного института в Ленинграде.

В 1913 году был назначен старшим специалистом по промысловой охоте в отделе рыболовства и охоты Департамента Земледелия. В 1914 году был назначен руководителем экспедиции

по проектированию Саянского соболиного заповедника площадью около 600 тысяч га. В мае 1915 года на основании постановления иркутского генерал-губернатора лесная площадь была изъята из пользования населения и объявлена заказной дачей. Полученный опыт по проектированию Саянского соболиного заповедника позволяет считать Д.К. Соловьёва одним из первых практиков заповедного дела в России. В работе «Типы организаций, способствующих охране природы» (1918), изданной Постоянной Природоохранительной комиссией РГО, Соловьёв делает первую попытку классификации особо охраняемых природных территорий. Он допускает многообразие форм ООПТ. Наряду с полными и частичными заповедниками, «объявленными неприкосновенными навсегда», выделяются «временные заповедники» – заказники. К природоохранительным учреждениям он относит и различные типы хозяйств – лесные, охотничьи, рыбные, питомники, зоофермы, парки, ботанические сады – научные станции. Выделяются также «инородческие резерваты». Д.К. Соловьёв придавал большое значение регулируемому природопользованию как важному средству территориальной охраны природы.

Соловьёв считал, что «условие заповедности навсегда» является очень важным в деле сохранения первобытной природы. «Следует отметить, – писал учёный, что абсолютной заповедности даже в общих заповедниках нельзя достигнуть, так как это доводило бы нас до абсурда. Некоторые участки могут быть предоставлены сами себе без малейшего касательства человека, но вообще невозможно совершенно изолировать заповедники от внешней жизни, а можно только ослабить её бдительной охраной» (Соловьёв, 1921).

Будучи приверженцем промыслово-охотничьих заповедников сформулировал условия их организации: «1) захватить в границы заповедника места, обитаемые наиболее ценным и сохранившимся в достаточном количестве зверем; 2) по возможности захватить наибольшее количество видов промысловых животных; 3) иметь в его пределах естественные станции для различных видов; 4) легкость (сравнительную) охранения от пожаров и посторонних вторжений; 5) отсутствие поселений на территории заповедника и пр.» (Соловьёв, 1921).

В 1918–1923 годах Соловьёв редактировал научно-просветительский журнал «Охота для всех».

Внёс большой вклад в разработку проекта декрета об охоте. Важнейшим научным трудом Д.К. Соловьёва является капитальный труд «Основы охотоведения» (Соловьёв, 1922–1929).

Соловьёв Д.К. Типы организаций, способствующих охране природы // Сельское хозяйство и лесоводство. – Пг., 1918. – Т. 256 (переизд.: Охота и охрана природы (из классических работ). – М.: ЦНИЛ Главохоты, 1992. – Т. 1. – С. 76–111).
Соловьёв Д.К. Заповедники, их выделение, значение, организация и пр. // Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нём: Отчёт Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д.К. Соловьёва. – Шт., Гос. изд-во, 1920. – С. 267–310.
Соловьёв Д.К. Основы охотоведения. П.; М.; Л., 1922–1929. Ч. 1–5.

А.А. Чибилёв



**ТАЛИЕВ
ВАЛЕРИЙ
ИВАНОВИЧ**

Талиев Валерий Иванович (1892–1932) – российский ботаник, профессор Харьковского университета, организатор заповедного дела в Харьковской губернии. Автор Определителя высших растений Европейской части СССР, выдержавшего много изданий. В 1911 г. по его инициативе было создано Харьковское общество любителей природы (ХОЛП) с печатным органом «Бюллетень ХОЛП» (1912–1918), на страницах которого публиковались сведения о редких и исчезающих видах растений и животных. Общество провело беспрецедентную по своим масштабам работу по выявлению и описанию участков первозданной природы для заповедания не только в Харьковской губернии, но и за её пределами. В январе 1914 г. Общество организовало первую в мире выставку по охране природы.

В брошюре «Охраняйте природу» (1913) раскрыл особенности природоохранительного

движения в России: «...В России благодаря меньшей густоте населения, большой площади угодий, находящихся во владении государства и крупных владельцев, и малой интенсивности землепользования, до сих пор является легко возможной не только охрана по мелочам, отдельных памятников природы, но и выделение более значительных заповедных участков или резерватов. Уже вышеприведённые факты дают полное право рассчитывать, что идея охраны природы, при достаточной агитации, встретит полное сочувствие и у нас, среди как органов правительства, так и частных лиц. Но необходимо помнить, что если сейчас у нас имеется ещё сравнительно много участков с более или менее хорошо сохранившейся первоначальной природой, то с каждым годом число их быстро уменьшается. Следовательно, с проведением идеи охраны природы в жизнь нельзя медлить!

Практическое осуществление охраны природы в России наталкивается на многие затруднения, кроющиеся в общих условиях страны. Из них на первом плане стоят: 1) величина расстояний нашей родины, делающая крайне затруднительным фактическое наблюдение для каких-либо центральных охранительных организаций, и 2) малая культурность народной массы, для которой, конечно, в большинстве случаев смысл охраны природы представляется не понятным. Не менее важным затруднением является также малая изученность природы России, при которой в большинстве случаев невозможно даже дать точные определенные указания для каждой отдельной местности...»

В.И. Талиев уделял большое внимание природоохранительному просвещению и воспитанию: «...Школа, особенно нижняя и средняя, должна не только давать теоретические естественно-исторические знания, но и развивать любовь к природе. При этом родная природа должна лежать в основании преподавания и учебных пособий. Правильно поставленные экскурсии, входящие как постоянный элемент преподавания, являются обязательными. Еще в детском возрасте необходимо воспитывать привычку к бережному отношению к природе. Нужно приучать не уничтожать бесцельно животных и растения, хотя бы и в форме коллекционирования, раз последнее не осмыслено более сознательным интересом...»

Придавал большое значение эстетической ценности первозданной природы: «Красота природы имеет собственную высокую ценность: она должна быть охраняема независимо от узкопрактических задач».

А.А. Чибилёв



**КИРИКОВ
СЕРГЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Кириков Сергей Васильевич (1899–1984) начал свою научную деятельность у лидера отечественной экологии 1920–1930-х гг. В.В. Станчинского. Помимо заметного вклада в развитие отечественной зоологии, биогеографии и исторической географии, внес заметный вклад и в заповедное дело, отдав многие годы работе в заповедниках, выступив инициатором создания некоторых из них (например, Шайтан-Тау), после «сталинского разгрома» заповедников принял активное участие в деятельности Комиссии по заповедникам АН СССР (1952)

и создании «Перспективного плана географической сети заповедников СССР» (1958) – был заместителем председателя рабочей группы, которая создавала этот План, оказывал методическую помощь научным сотрудникам заповедников. Несмотря на то что уже в 1960-х гг. он сменил, как он сам говорил, «следопытство в природе» на «следопытство в архивах», эта связь не прерывалась всю жизнь до самой смерти.

С.В. Кириков родился в 1899 г. в крестьянской семье в селе Алексине Дорогобужского уезда Смоленской губернии. После окончания в 1918 г. средней школы был призван в Красную Армию и служил в ней по ноябрь 1920 г. Затем два года работал учителем. Осенью 1922 г. поступил на лесной факультет Горецкого сельхозинститута, преобразованного в 1925 г. в Белорусскую сельскохозяйственную академию, которую окончил в 1926 г. Слушал лекции выдающегося лесоведа, почвоведа и географа Г.Н. Высоцкого – ученика и сотрудника В.В. Докучаева. Под руководством известного зоолога А.В. Федюшина подготовил дипломную работу по птицам Дорогобужского уезда. Дальнейший интерес, подходы и методы исследований С.В. Кирикова складывались под влиянием В.В. Станчинского, который в 1920-х гг. на Смоленщине занимался изучением птиц. Учитель участвует в организации Березинского заповедника, а Сергей Васильевич в конце 1920-х гг. после кратковременного периода работы в Канском опытном лесничестве в Предуралье возвращается в Белоруссию и становится директором биологической станции Березинского заповедника. В 1929 г. В.В. Станчинский возглавил научный отдел заповедника Чапли (Аскания-Нова), а позднее – созданный там же Степной институт, который за короткий период стал центром отечественной и мировой экологии. С.В. Кириков в начале 1930-х гг. приехал к В.В. Станчинскому в Чапли, где работал в молодом коллективе экологов. Учитель 6 ноября 1933 г. перед своей поездкой в США был арестован. Позже арестовали и 21 сотрудника Степного института, закрыли «Журнал экологии и биоценологии». Можно предположить, что В.В. Станчинский, предчувствуя свой арест, отправил молодого учёного назад, в Белоруссию.

В дальнейшем С.В. Кириков учился в аспирантуре Московского пушно-мехового института, проходил подготовку на биологическом факультете Московского университета

под руководством А.Н. Формозова, а с 1937 г. по 1945 г. с небольшим перерывом работал в Башкирском заповеднике, где заведовал научной частью. В 1945 г. он поступил в докторантуру Института эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова, в 1947 г. защитил докторскую диссертацию и был приглашён в лабораторию биогеографии Института географии АН СССР. Здесь сложился уникальный коллектив с многолетним опытом работы в заповедниках, интересом к проблемам охраны природы и заповедного дела. С приходом С.В. Кирикова, а затем А.А. Насимовича и Ю.А. Исакова, прошедших школу заповедной науки, лаборатория стала одним из центров разработки научных основ заповедного дела и создания сети заповедников в стране.

В подготовленном Перспективном плане развития географической сети заповедников СССР есть ряд предложений Сергея Васильевича по уникальным территориям Южного Урала, в т.ч. по созданию лесостепного заповедника Шайтан-Тау (Дзяютюбе). Заповедник создан в 2014 г. благодаря титанической работе коллектива Института степи УрО РАН под руководством академика А.А. Чибилёва. Теперь осталось присвоить ему имя С.В. Кирикова, посвятившему почти полвека жизни изучению и охране природы Южного Урала.

Чибилёв А.А. Заповедник «Шайтан-Тау» – эталон дубравной лесостепи на Южном Урале / отв. ред. П.В. Вельмовский, Т.Н. Савинова; Ин-т степи УрО РАН, РГО, Постоян. природоохранит. комис. – Оренбург: Печ. дом «Димур», 2015. – 164 с.

А.А. Тишков



ЛАВРЕНКО ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987) – выдающийся геоботаник, многие годы проработавший в Ботаническом институте АН СССР. Под влиянием известного деятеля охраны природы В.И. Талиева начинал как специалист в области охраны природы. Именно благодаря Е.М. Лавренко ещё в 1920-х гг. формировались кластеры будущего Украинского степного заповедника.

Е.М. Лавренко родился в 1900 г. в городе Чугуеве Харьковской губернии в семье ветеринарного врача. В 1918 г. окончил харьковскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Харьковского университета, участвовал в деятельности Харьковского общества любителей природы, возглавляемом выдающимся деятелем охраны природы – профессором В.И. Талиевым. С 1921 г. работал в гербарии Харьковского университета, с 1922 г. учился в аспирантуре, а с 1926 г. по декабрь 1929 г. возглавлял Харьковскую

инспектуру по охране природы. Именно в эти годы Евгений Михайлович участвовал в организации заповедников «Хомутовская степь», «Михайловская целина» и др., публиковал статьи «Охрана природы на Украине» (1927), «Растительность целинных степей Украины и их охрана» (1928), «Лесные памятники природы на Украине и их охрана» (совместно с П. Погребняком, 1929 г.). С 1930 г. Е.М. Лавренко работал заместителем центрального инспектора Украинского комитета охраны памятников природы. В архиве Санкт-Петербургского отделения РАН в фонде академика Е.М. Лавренко хранится его отчёт Украинскому комитету охраны природы от 31 мая 1928 г., в котором он отмечает, что «по поручению Бюро Украинского комитета охраны природы закончил составление списка целин всей Украины (в списке всего 264), и составил карту степных целин и степных заповедников (предлагаемых и существующих)».

С 1934 г. работал в Ботаническом институте АН СССР, а с 1935 г. еще и профессором Ленинградского государственного университета. В этом же году Президиум АН СССР присуждает ему учёную степень доктора биологических наук без защиты диссертации, а с 1938 г. он занимает должность заведующего отделом геоботаники Ботанического института АН СССР. В период войны работает в составе специальной картографической группы при Институте географии АН СССР по подготовке карт и географических описаний для фронта и тыла. В 1946 г. Евгений Михайлович избирается членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 г. становится академиком. С 1963 г. Е.М. Лавренко – президент Всесоюзного ботанического общества.

Он сыграл большую роль в развитии заповедного дела в период после «сталинского разгрома» заповедников, когда вошел в состав Комиссии по заповедникам АН СССР (с 1955 – Комиссия по охране природы АН СССР), возглавил её рабочую группу по подготовке нового плана развития географической сети. Именно ему принадлежит руководящая роль в подготовке и публикации совместно с В.Г. Гептнером, С.В. Кириковым и А.Н. Формозовым «Перспективного плана географической сети заповедников СССР (проект)» в книге «Охрана природы и заповедное дело в СССР». План был представлен в формате статьи и завершился списком заповедников по союзным республикам, состоящим из 99 заповедных территорий

(существующих, восстанавливаемых и проектируемых). В качестве основы для учёта репрезентативности предложения использовалась созданная при участии Е.М. Лавренко в 1956 г. «Геоботаническая карта СССР» (М 1 : 4 000 000 млн), которая наиболее полно отражала разнообразие природных условий страны.

А.А. Тишков



**ГЕПТНЕР
ВЛАДИМИР
ГЕОРГИЕВИЧ**

Гептнер Владимир Георгиевич (1901–1975) – выдающийся учёный-зоолог, деятель охраны природы, крупный исследователь фауны Центральной Азии, ученик профессора Г.А. Кожевникова, в 1930–1950-х гг. – активный деятель Всесоюзного общества охраны природы (ВООП), инициатор восстановления популяции зубра в СССР и создания Зубрового питомника в Приокско-Тerrasном заповеднике, один из разработчиков

«Перспективного плана географической сети заповедников СССР», деятельный член Комиссии по заповедникам АН СССР и Комиссии АН СССР по охране. В 1960–70-х годах – член научно-технических советов Главохоты РСФСР и Главприроды МСХ СССР.

В.Г. Гептнер родился в 1901 г. в Москве. Отец и мать были обрусевшими немцами. В 1919 г. поступил на естественное отделение физмата Московского университета, которое окончил в 1925 г. Обучался в аспирантуре у известных зоологов С.И. Огнева и Г.А. Кожевникова. С 1929 г. – доцент университета, а еще с 1925 г. – учёный хранитель коллекции позвоночных животных Зоологического музея МГУ, а в 1932–1950 гг. (с перерывом) – заведующий его отделом млекопитающих. В 1933 г. Владимир Георгиевич был арестован на три года по статье 58-11 УК РСФСР. Отбывал заключение в Мариинских и Новосибирских лагерях Сиблага. Досрочно освобождён в 1933 г. В 1938 г. был назначен заместителем председателя секции охраны млекопитающих Всесоюзного общества охраны природы, а в 1943 г. выбран председателем общества, вплоть до 1955 г. оставался членом президиума ВООП. С 1952 г. по 1964 г. был членом Комиссии по заповедникам (охраны природы) АН СССР. Был избран представителем от СССР в Международном Союзе Охраны Природы (МСОП).

Для развития заповедного дела в России им сделано многое. Во-первых, как председатель секции охраны млекопитающих ВООП он немало сделал для охраны зубра, сайгака, выхухоли, пятнистого оленя, белого медведя, соболя, атлантического моржа, амурского тигра, в т.ч. в заповедниках. В.Г. Гептнер долгие годы возглавлял в МСОП советскую комиссию по восстановлению зубра. По его инициативе в Приокско-Террасном заповеднике был создан первый зубровый питомник, начаты работы по восстановлению вымирающего вида на других заповедных территориях.

Во-вторых, совместно с В. Макаровым, Г. Дементьевым и другими членами Президиума ВООП ещё в 1946 г. он подготовил докладную записку в Совмин РСФСР о нуждах охраны природы, в результате обсуждения которой было принято первое послевоенное постановление Совмина РСФСР «Об охране природы на территории РСФСР».

В-третьих, он был одним из немногих, кто защищал заповедную систему СССР от «сталинского разгрома» в 1951 г., а затем – от «хрущёвского

разгрома» в 1961 г. В апреле 1954 г. подписывает коллективное письмо учёных на имя Г.М. Маленкова с просьбой восстановить закрытые заповедники, а в апреле 1957 г. опубликовал в «Известиях», совместно с другими биологами и географами статью «В защиту заповедников». В.Г. Гептнер был редактором одного из первых справочных изданий по заповедникам – двухтомник «Заповедники СССР» (1951).

Он был, наравне с А.Н. Формозовым, С.В. Кириковым, А.А. Насимовичем, ведущим разработчиком «Перспективного плана географической сети заповедников СССР» (1958), который был подготовлен Комиссией АН СССР по охране природы под руководством академика Е.М. Лавренко в 1957 г., и помогал восстановлению закрытых в 1951 г. и созданию новых заповедников СССР. А в начале 1950-х гг. выступил в защиту видного деятеля охраны природы В.Н. Макарова, по поводу которого писал в 1952 г.: «Деятельность Макарова всем известна, имя В.Н. Макарова войдет в историю охраны природы...» Общеизвестно, что он много помогал созданию первой в СССР студенческой Дружине по охране природы на биолого-почвенном факультете МГУ.

Среди его научных публикаций можно выделить:
 Гептнер В.Г. Общая зоогеография. М.-Л.: Биомедгиз, 1936. – 548 с.
 Гептнер В.Г. Пустынно-степная фауна Палеарктики и очаги её развития // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1945. – Вып. 1–2. – С. 17–38.
 Лавренко Е.М., Гептнер В.Г., Кириков С.В., Формозов А.Н. Перспективный план географической сети заповедников в СССР // Охрана природы и заповедное дело в СССР, – 1958. – № 3. – С. 5–96.
 Гептнер В.Г. Динамика ареала некоторых копытных и антропокультурный фактор // Вопр. географии. – 1960. – Вып. 48. – С. 24–54.
 Млекопитающие Советского Союза. В 3-х тт. – М.: Высшая школа, 1961–1976.

А.А. Тишков



**АРМАНД
ДАВИД
ЛЬВОВИЧ**

Арманд Давид Львович (1905–1976). Его имя знакомо не только географам, но и большинству деятелей охраны природы и заповедного дела. Он увлекался литературным творчеством и пропагандой международного языка эсперанто, разработками в области техники, внёс огромный вклад в развитие отечественной физической географии, ландшафтоведения и природопользования, популяризацию географической и экологической науки. С его именем связано принятие первого в нашей стране закона об охране природы (1960), деятельность комиссии по заповедникам АН СССР в 1950-х гг. и начало создания сети научных стационаров в заповедниках. Д.Л. Арманд был исключительно одарённым человеком, оставил большое научное и литературное наследие – свыше 760 публикаций, среди которых – знаменитая книга «Нам и внукам» 1964 г., сделавшая переворот в умах населения

СССР, строившего «коммунистическое будущее» без оглядки на природу.

Д.Л. Арманд родился в апреле 1905 г. в семье известного фабриканта, имевшего французские корни. За участие в революции 1905 г. его родители были высланы из России. Они вместе с маленьким сыном жили во Франции, Швейцарии, Италии, много путешествовали, что возможно и побудило его стать географом. В Россию семья Арманд вернулась в 1913 г. В книге воспоминаний Д.Л. Арманда «Путь теософа в стране Советов: воспоминания» (2009) подробно описываются молодые годы будущего географа.

В 1927–1929 гг. Д.Л. Арманд за отказ от воинской службы по религиозным и философским убеждениям был осуждён. Он инициировал судебный процесс сам, демонстративно отказавшись служить в армии, за полтора года прошёл «тюремную школу», затем окончил машиностроительный институт, работал на заводе «Динамо», пройдя путь до главного инженера, учился на заочном отделении географического факультета сначала Ленинградского, а потом и Московского университетов.

С 1940 г. до конца жизни он трудился в Институте географии АН СССР, занимался внедрением физико-математических и экспериментальных методов в географию, теорией физической географии и ландшафтоведения. Его книгу «Физико-географические основы проектирования сети защитных лесных полос» (1961) Географическое общество СССР отметило золотой медалью П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Выходу в свет знаменитой книги Д.Л. Арманда «Нам и внукам» предшествовали почти 20 лет беспрецедентной общественной и научной деятельности в области охраны природы и заповедного дела. Этот период в жизни страны характеризовался реализацией масштабных планов преобразования природы, освоения целины, «сталинским» и «хрущевским» разгромами заповедной системы, подготовкой и принятием первого закона об охране природы России, развитием природоохранного движения. В книге «Нам и внукам» одним из первых в нашей стране заговорил об экологическом воспитании и образовании, об ответственности науки за сохранение природы, поднял важный вопрос о создании в стране сети национальных парков. С присущей ему остротой писал: «Уже более пяти лет назад Академия наук СССР разработала предложения по созданию сети заповедников,



Заповедник
«Опукский». Крым

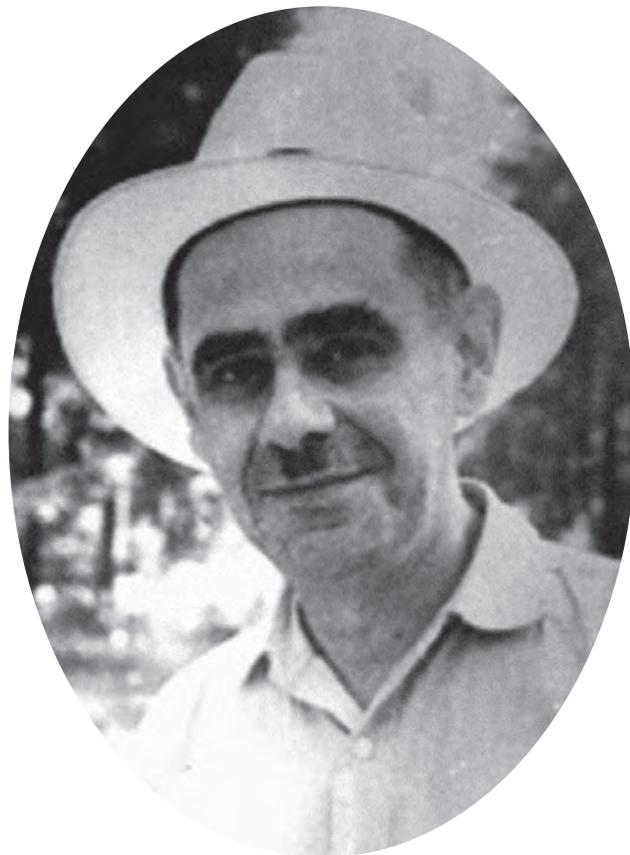


**Национальный парк
«Бузулукский бор»**

представляющих основные типы ландшафтов СССР. Однако после этого не было открыто почти ни одного нового заповедника».

Д.Л. Арманд был среди тех, кто боролся с «покорителями природы», отстаивал заповедники, создавал движение за охрану природы, сражался за принятие закона об охране природы СССР и РСФСР. Вместе с А.Н. Формозовым, А.А. Насимовичем, С.В. Кириковым, Е.М. Лавренко в период «оттепели» выступил в защиту заповедников, а потом сразу после закрытия многих из них участвовал в подготовке Перспективного плана развития географической сети заповедников СССР (1958). С самого начала, с 1952 г., участвовал в работе Комиссии по заповедникам АН СССР, преобразованной в 1955 г. в Комиссию по охране природы АН СССР.

А.А. Тишков



**НАСИМОВИЧ
АНДРЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Насимович Андрей Александрович (1909–1983) – крупный учёный-зоогеограф и эколог, деятель охраны природы и заповедного дела, доктор географических наук. Его вклад в развитие заповедного дела в СССР и России недооценен. Правда, его портрет висит в коридоре Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации среди тех, кто создавал заповедную сеть нашей страны. Но возникает ощущение, что многие молодые коллеги воспринимают работу наших выдающихся зоологов и биогеографов в период «сталинской инквизиции» в заповедниках как своего рода бегство от репрессий. Да, и такое было, в т.ч. в отношении Андрея Александровича, когда возникла реальная угроза ареста, а от неё лучше «спрятаться», что он и сделал, уехав в Кавказский, а потом и Лапландский заповедник. В период работы в Главном управлении охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров

РСФСР и в Комиссии по заповедникам АН СССР в 1940–1950-х гг. он занимался поддержкой заповедной науки, обоснованием создания новых заповедников, выступал в их защиту, участвовал в подготовке «Перспективного плана географической сети заповедников СССР» (1958).

Он родился в Москве в 1909 г. в семье учителей. На выбор профессии повлияла увлекательная лекция знаменитого путешественника П.К. Козлова о мёртвом городе Хара-Хото, после которой подросток обратился к лектору с просьбой взять его с собой в очередную экспедицию. В 1927 г. он поступил на биологическое отделение физико-математического факультета МГУ. В студенческие годы ему довелось познакомиться и слушать лекции молодого А.Н. Формозова, который оказал влияние на формирование научного мировоззрения студента. Важным событием в студенческой жизни была трехмесячная экспедиционная практика в Кавказском заповеднике, которую он проходил под руководством проф. С.С. Турова в 1930 г. В этот период он приобрёл интерес к полевой работе и заповедному делу, которым посвятил всю свою жизнь. После окончания университета А.Н. Формозов пригласил Андрея Александровича на работу в сектор пернатой дичи НИИ птицеводства и птицепромышленности Наркомснаба СССР.

Летом 1933 г. А.А. Насимович устроился на работу в Кавказский заповедник, где в течение пяти лет проводил уникальные круглогодичные наблюдения по экологии крупных млекопитающих. По итогам работы в заповеднике он опубликовал более 30 работ, в т.ч. пионерных по зимней экологии животных. Для сбора материалов он дважды пересёк хребты Большого Кавказа: первый раз на снегоступах, второй – на горных лыжах. Опыт этих походов А.А. Насимович использовал через 15 лет при пересечении Уральских гор вместе с директором и старшим лесничим заповедника «Денежкин Камень» зимой 1950 г. Кандидатскую диссертацию по теме «Зима в жизни копытных Западного Кавказа» успешно защитил весной 1938 г. и сразу переехал с Кавказа на Кольский полуостров, где заведовал научной частью Лапландского заповедника. Работа в Лапландском заповеднике была прервана войной, но и после войны, службы в армии и демобилизации ему удалось работать в заповеднике в 1947–1948, 1956, 1960 и 1973 гг.

В 1946 г. А.А. Насимович поступил на работу в Главное управление по заповедникам при Совете

Министров СССР старшим научным сотрудником, но занимался в основном организационной работой. В 1947 и 1949 гг. по материалам работы в Главном управлении совместно с В.А. Арсеньевым он публикует серию обзорных материалов по зоологическим исследованиям в заповедниках. А в 1949 г. вместе с ботаником Т.М. Трофимовым проводит обследование высокогорий Кабардино-Балкарии и готовит обоснование создания здесь заповедника (идея реализовалась только в 1976 г.).

В начале 1950-х гг., в период «сталинского разгрома», А.А. Насимович поддержал позицию защитников заповедников. В этот период Андрей Александрович подготовил немало статей, посвящённых заповедному делу. В 1956 г. на первом заседании Комиссии по биогеографии Географического общества СССР выступил с докладом «Охрана природы и заповедное дело за рубежом», но многое в нём было о положении дел в СССР. Тогда он отметил, что на 1 января 1956 г. в СССР имелось только 28 союзных заповедников общей площадью 1344,6 тыс. га и 12 ведомственных – 122,8 тыс. га (лишь 0,066% площади страны). Но до 1951 г. в СССР было 128 заповедников общей площадью 12,5 млн га (0,6% территории страны). По докладу А.А. Насимовича Комиссия по биогеографии приняла решение о необходимости создания специальной Службы охраны почв и растительности на правах комитета при Совете Министров СССР и увеличении площади действующих и создании новых заповедников, придавая им статус научных стационаров.

В 1963 г. после многих лет работы в отделе географии Всесоюзного института научно-технической информации он перешёл на работу в лабораторию биогеографии Института географии АН СССР, возглавляемую А.Н. Формозовым, а затем Ю.А. Исаковым. В эти годы он готовил первый национальный доклад СССР для Международной конференции по ресурсам биосферы под эгидой ЮНЕСКО, занимался сохранением и публикацией научного наследия А.Н. Формозова после смерти последнего в 1973 г., не прерывал связей с заповедной наукой – вёл огромную переписку, участвовал в конференциях, консультировал начинающих зоологов, периодически публиковал новые материалы по заповедникам и живо интересовался их научной жизнью. В 1962 г. опубликован свой курс лекций по программе «Охрана природы и заповедное дело»

для географического факультета МГУ, а в 1966 г. в книге «Охрана природы» написал главу «Наши заповедники». В 1957 и в 1968 гг. он подписал вместе с А.Н. Формозовым, Ю.А. Исаковым, С.В. Кириковым и другими учёными статьи с одинаковым названием «В защиту заповедников» в газете «Известия» и в журнале «Охота и охотничье хозяйство». В 1973–1974 гг. под его и Ю.А. Исакова руководством работала комплексная экспедиция по обследованию заповедников и уточнению тематики их научных исследований. В работах по обследованию заповедников (Лапландский, Кандалакшский, Кивач, Дарвинский, Центрально-Лесной, Башкирский, Жигулёвский, Кавказский, Печоро-Илычский и др.) приняли участие: сам А.А. Насимович, Ю.А. Исаков, Д.В. Панфилов, С.В. Кириков, Н.А. Караваева, В.К. Рахилин, М.А. Вайсфельд, М.В. Глазов, А.А. Тишков, Н.Ю. Тишкова и другие сотрудники Института географии РАН. Одним из результатов этих поездок и работы экспедиций стала монография «Опыт работы и задачи заповедников СССР» (1979), положения которой актуальны и в наши дни.

Из публикаций А.А. Насимовича выделим:
 Научные основы заповедного дела // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1974. – Т. 79, Вып. 5. – С. 113–119.
 Основные подходы к управлению экосистемами в заповедниках // Опыт работы и задачи заповедников СССР. – М., 1975. – С. 106–112.
 Опыт работы и задачи заповедников СССР / Отв. ред. А.А. Насимович, Ю.А. Исаков. – М.: Наука, 1979. – 198 с.
 Сохранение эталонных экосистем в заповедниках: возникающие трудности и возможности их преодоления // Концепция биосферных заповедников СССР: Первый Междунар. конгр. по биосферным заповедникам: Докл. – Минск, 1983. – С. 92–105 (совм. с Ю.А. Исаковым).

А.А. Тишков



**ИСАКОВ
ЮРИЙ
АНДРЕЕВИЧ**

Исаков Юрий Андреевич (1912–1988) – выдающийся орнитолог, зоогеограф, один из крупных деятелей охраны природы и заповедного дела нашей страны во второй половине XX века, профессор, доктор биологических наук. Он почти 20 лет проработал в заповедниках СССР, создавал новые заповедники, стоял у истоков ведения Летописей природы, был одним из инициаторов разработки и принятия Рамсарской конвенции по сохранению водно-болотных угодий как наиболее действенной формы международной кооперации в сохранении водоплавающих птиц, разрабатывал методологию территориальной охраны природы и организации науки в заповедниках. Был среди организаторов I Международного конгресса по биосферным резерватам в Минске в 1983 г.

Ю.А. Исаков родился в Москве в семье школьного учителя математики дворянского происхождения. Занимался в одном из самых

известных московских юннатских кружков – Клубе юных биологов зоопарка (КЮБЗ). Имел ограничения для учёбы в университете. После школы работал в Московском зоопарке, участвовал в экспедициях по пополнению его коллекции. В 1934 г. поступил на биологический факультет МГУ, но в этом же году был арестован ОГПУ по статьям 58–10 (антисоветская агитация) и 58–11 (организационная деятельность). Отбывал срок в Карелии, в Белбалтлаге, где руководил бригадой охотников по добыче белки, в 1937 г. по окончании срока работал зоологом в степях Среднего и Нижнего Дона, старшим научным сотрудником заповедника Гасан-Кули, в 1939 г. – в экспедиции по обследованию ложа будущего Рыбинского водохранилища и создания Дарвинского заповедника, в Барабинской степи, на туляремийной станции в Ханты-Мансийске, учился в Томском университете, затем в 1944 г. заочно окончил биологический факультет МГУ, находящийся в эвакуации в Ашхабаде. С 1945 г. работал заведующим научной частью Астраханского заповедника. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую зимовкам птиц на Каспии. С 1947 г. заведовал наукой Дарвинского заповедника. В 1956 г. вернулся в Москву, с 1958 г. работал в Институте географии АН СССР, где в 1962 г., после ухода А.Н. Формозова с поста заведующего Отдела биогеографии, сменил его на этом посту. В мае 1963 г. в Зоологическом институте АН СССР защитил докторскую диссертацию «Ареал и популяция у птиц и млекопитающих». В 1967 г. стал профессором.

Последние 20 лет жизни он посвятил любимому делу – орнитологии и зоогеографии. Но не забывал и заповедники, которым отдал многие годы жизни. В начале 1970-х гг. активно участвовал в подготовке и принятии международной Рамсарской конвенции. Именно на основе его исследований, в т.ч. в заповедниках СССР, была разработана система территорий, играющих важную роль в гнездовании, миграции и зимовке водоплавающих птиц, получивших название «Рамсарские угодья». Его организаторские качества проявлялись в работе в Международном бюро по изучению водоплавающих, Международном орнитологическом комитете, а также в руководстве крупными проектами, например, темой «Заповедники СССР» в Институте географии АН СССР в 1970-х гг., когда специалисты разного профиля вместе с научными сотрудниками заповедников уточняли профиль их исследований. Итогом этой работы стало издание книги «Опыт

работы и задачи заповедников СССР» (1979). Он занимался подготовкой многотомного издания «Птицы СССР», обобщением итогов комплексных исследований влияния Рыбинского водохранилища на природу региона и др.

В 1970-1980-х гг. Ю.А. Исаков фактически стал научным куратором Главприроды – писал справки, обзоры ситуации в заповедном деле, участвовал в организации первых международных совещаний по биосферным резерватам, готовил доклады к международным конференциям. С руководителем отдела заповедников и лесохозяйственных хозяйств Главприроды МСХ СССР В.В. Крилицким он был знаком по работе в заповедниках и считал сотрудничество с головными ведомствами СССР, отвечающими за заповедное дело в стране, очень важным делом.

Ю.А. Исаков – автор крупных работ в области орнитологии, биогеографии и заповедного дела, в т.ч.: Экология зимовки водоплавающих птиц на Южном Каспии // Тр. Всесоюз. орнитол. заповедника Гасан-Кули. – М., 1940. – Вып. 1. – С. 160–317. Подсемейство утки // Птицы Советского Союза. Т. 4. – М.: Гос. изд-во «Советская наука», 1952. – С. 344–635. Опыт работы и задачи заповедников СССР / Отв. ред. А.А. Насимович, Ю.А. Исаков. – М.: Наука, 1979. – 198 с. Состояние изученности авифауны СССР // Птицы СССР. Т. 1. – М.: Наука, 1982. – С. 208–227. Зональные особенности динамики экосистем. – М. Наука, 1986. – 298 с. (совм. с Н.С. Казанской и А.А. Тишковым). Система ОПТ Советского Союза и перспективы её развития // Охраняемые природные территории Советского Союза, их задачи и некоторые итоги исследований. – М., ГКНТ, 1983. – 264 с. (совм. с В.В. Крилицким). Принципы планирования сети особо охраняемых природных территорий в СССР // Охрана ландшафтов и проектирование. – М., 1983. – С. 128–140.

А.А. Тишков



**ДЁЖКИН
ВАДИМ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Дёжкин Вадим Васильевич (1930–2010) – известный учёный-охотовед, эколог, видный деятель охраны природы, публицист, доктор биологических наук, профессор. Работал в Воронежском заповеднике, Центральной лаборатории Главохоты РСФСР, в т.ч. Международном независимом эколого-политологическом университете. Внёс существенный вклад в развитие научного охотоведения, экономики природопользования, заповедного дела и популяризацию территориальной охраны природы.

Родился в 1930 г. в Тамбове. В 1953 г. окончил Московский пушно-меховой институт в г. Балашихе, где получил специальность биолога-охотоведа. Трудовую деятельность начал в Воронежском государственном заповеднике, где он проработал с 1953 по 1961 гг., там изучал экологию речного бобра с целью восстановления его популяции в разных регионах страны.

В 1963–1968 гг. работал главным охотоведом Главкооппушнины Центросоюза СССР, решал организационно-экономические проблемы отрасли. В дальнейшем продолжил научную работу в Центральной лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР, где он был заведующим отделами экономики и заповедников (1969–1977 гг.), а в период с 1975 по 1980 год – директором. На основании материалов, собранных в эти годы, им была создана серия методических пособий, а также монографий – «Охотничье хозяйство РСФСР» (1978), «Охота и охотничье хозяйство мира» (1983), «Организация охотничьего хозяйства в СССР» (1985). С начала 1990-х гг. он в качестве профессора занимался педагогической деятельностью в Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ), где сначала читал лекции по совместительству, а потом работал заведующим кафедрой фундаментальной экологии вплоть до 2006 г. В 2006–2007 гг. В.В. Дёжкин возглавлял Центр рекреации и особо охраняемых природных территорий Национального информационного агентства «Природа» Минприроды России. Долгие годы входил в состав НТС Госохотрыболовства, был членом и автором редколлегии альманаха «Охотничьи просторы» и журнала «Охота и охотничье хозяйство».

До конца жизни продолжал активную творческую и педагогическую деятельность: публиковал научные и популярные статьи по проблемам заповедного дела, был членом диссертационных советов ВАК в ВНИИОЗе и МНЭПУ, профессором-консультантом в Московском филиале ВНИИОЗ. Известны его работы по биологии охотничье-промысловых млекопитающих, общим вопросам охотоведения, экономике и организации охотничьего хозяйства, биотехнии, экологической этике, биологическому природопользованию, заповедному делу, проблемам промысловой фауны России, анализу международного опыта в области охотничьего хозяйства, природопользования и территориальной охраны природы. Его популярные книги «Река жизни» в соавторстве с В.М. Песковым (1976), «Каланы возвращаются на берег» в соавторстве с С.В. Мараковым (1978), «Возвращение к российским истокам: возрождение сельской периферии России» (2000), «Экологу о журналистике» (2001) и другие привлекали внимание к актуальным проблемам охраны природы и развития сети заповедников России.

Можно выделить его ставшие популярными в начале 2000-х гг. комментарии и публикации по проблемам развития заповедной системы России на сайте www.biodat.ru, а также курсы лекций по заповедному делу, которые он читал для студентов МНЭПУ. Среди его книг в области заповедного дела можно выделить: «Беседы об экологии» (1975, 1979), «Профиль равновесия» (1977), «В мире заповедной природы» (1975, 1997) «Научные основы рационального использования, охраны и воспроизводства ресурсов охотничьих животных» (1989); «Концепция системы особо охраняемых природных территорий России (авторская версия)» (1999), «Заповедное дело» (2003) и др.

А.А. Тишков



**ШТИЛЬМАРК
ФЕЛИКС
РОБЕРТОВИЧ**

Штильмарк Феликс Робертович (1931–2005) – видный деятель охраны природы и заповедного дела, биолог и эколог, доктор биологических наук. Многие годы он работал в провинции, был в «тени», с экспедициями и командировками объездил всю страну, занимался практической работой охотоведа, охотустроителя, учёного-зоолога, сотрудника заповедников, проектировщика охраняемых природных территорий, журналиста и литератора. Но в последнее десятилетие его жизни многие, кто знал и работал с ним бок о бок, вдруг осознали, что Ф.Р. Штильмарк – один из лидеров заповедного дела страны, внёсших огромный вклад в создание её заповедной сети, которое заключалось в создании многих заповедников (в обосновании и проектировании), разработке подходов и методов их проектирования, публикации многочисленных научных и научно-популярных книг и статей по территориальной



Донгузская степь –
самое большое
тюльпанное поле
России



Бархан Сарыкум.
Заповедник
«Дагестанский»

охране природы, в т.ч. фундаментальной монографии по истории заповедного дела в России (1996).

Ф.Р. Штильмарк родился в 1931 г. в Москве в семье журналиста и писателя Р.А. Штильмарка. Рано лишился матери (1944) и старшего брата, погибшего на фронте (1945), остался без отца, арестованного на десять лет по статье 58-10 (1945). Окончил Московский пушно-меховой институт (1956), работал в Зоологическом музее МГУ, Московском зоопарке, Институте леса АН СССР (в Москве, а с 1959 по 1963 гг. и Красноярске), Институте географии АН СССР (в составе Енисейской экспедиции 1963–1964 гг.), замом по науке в Комсомольском (1964–1968) и Юганском заповедниках (1984–1985), Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР (1968), защитил кандидатскую диссертацию (1966), старшим научным сотрудником ЦНИЛ Главохоты РСФСР (1969–1981) и Институте проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова (1981–2005, с перерывами), где в 1997 г. защитил докторскую диссертацию.

Этапной для Ф.Р. Штильмарка как крупного специалиста в заповедном деле стала последняя четверть XX века, когда он подготовил и опубликовал: (1) Методические рекомендации по проектированию государственных заповедников и республиканских заказников (1975), (2) Справочное пособие по проектированию государственных заповедников и республиканских заказников в РСФСР (1980, соавт. К.Д. Зыков), (4) «Особо охраняемые природные территории» (1978, соавт. Н.Ф. Реймерс), (5) «Историография российских заповедников» (1996), два тома «Заповедники России» (1999, 2000).

Но не менее ценным является его вклад в практику заповедного дела, развитие географической сети особо охраняемых природных территорий, организацию научных исследований на базе заповедников. Так, в период работы в проектно-изыскательском институте Союзгипролесхоз и ЦНИЛ Главохоты РСФСР он непосредственно принимал участие в создании (проектировании) заповедников Сибири: «Малая Сосьва», «Сохондинский», «Центральносибирский», «Таймырский», «Витимский», «Юганский», «Убсунурская котловина» и др. В 1977–1981 гг. он занимался проектированием заповедников в Якутии, Хакасии и Туве, а также подготовкой «Схемы рационального размещения государственных заповедников и республиканских заказников в РСФСР на период до 1990 года», в которой

было предусмотрено создание 35 заповедников, в т.ч. 23 – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Отстаивая принципы абсолютной заповедности, он осознавал недостижимость этой цели: «Мне виделось только одно подлинное дело, одна конкретная форма истинной защиты родной природы – заповедники наши, поскольку они, согласно букве закона, полностью и навеки изъяты у всякого хозяйственного пользования...» (Штильмарк, 1993, с. 326). По мнению Ф.Р. Штильмарка: «Существующая ныне сеть заповедников есть одно из немногих удачных детищ советской системы..., но всё больше признаков того, что суждено этой сети пополнить печальный список наших потерь и утрат» (там же, с. 327).

Ф.Р. Штильмарк – автор более 400 научных и научно-популярных публикаций. Среди последних многие посвящены заповедникам – «Таежные дали. Очерки биолога-охотоведа» (1972), «Свидание с Таймыром» (1979), «Лукоморье – где оно?» (1993), «Счастливый неудачник. О биологе-охотоведе А. Г. Костине» (1994), «От старых кедров к бессмертию человечества» (2001), «На службе природе и науке. Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях...» (2004), «Идея абсолютной заповедности. Помни праотцов – заповедного не тронь!» (2005), «Отчёт о прожитом. Записки эколога-охотоведа» (2006).

После смерти Ф.Р. Штильмарка был создан фонд его имени, в память о нём проводятся конкурсы и чтения, публикуются избранные труды.

Из основополагающих публикаций Ф.Р. Штильмарка по проблемам заповедного дела можно выделить:

Первый проект географической сети заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 20–23 (совм. с Г.С. Аваковым).

Заповедники и заказники. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – 144 с., ил. Методические рекомендации по проектированию государственных заповедников и республиканских заказников. – М., 1975. – 68 с.

Принципы заповедности (теоретические, правовые, практические аспекты) // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности: Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. – М., 1981. – С. 60–76.

Формирование сети заповедников на территории РСФСР: (история и перспективы) // Бюл. МОИП. отд. биол. – 1974. – Т. 79, Вып. 2. – С. 142–152.

Историография российских заповедников. – М.: ТОО «ЛОГАТА», 1996. – 339 с.
 Заповедное дело России: теория, практика, история. – М.: Т-во науч. изданий КМК, 2014. – 511 с.

А.А. Тишков, А.А. Чибилёв



СЫРОЕЧКОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Сыроечковский Евгений Евгеньевич (1931–2005) свою научную карьеру начинал в лаборатории биогеографии Института географии АН СССР, где учился в аспирантуре, а затем работал с 1955 по 1968 гг., проникся идеями восстановления после «сталинского» разгрома в 1951 г. заповедной сети страны, участвовал в работе Комиссии по охране природы АН СССР и группы по разработке Проекта развития географической сети заповедников СССР (1958). В 1970–1980-х гг. был одним из лидеров практической охраны природы, руководил ЦНИЛ Главохоты

РСФСР, Всероссийским институтом охраны природы, опубликовал более 500 работ, участвовал в многочисленных экспедициях, в т.ч. в Арктику, Антарктику, Сибирь, участвовал в создании многих заповедников.

Е.Е. Сыроечковский родился в г. Москве. Окончил Московский государственный университет (1952). В 38 лет стал доктором биологических наук, в 1976 г. – профессором, а в 1982 г. – академиком ВАСХНИЛ. После окончания аспирантуры работал в отделе биогеографии (1955–1968) Института географии АН СССР, затем был заведующим Центральной лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР (1969–1970), директором Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР (1976–1979), заведующим лабораторией и директором (1979–1980) ВНИИ охраны природы и заповедного дела, а с 1980 г. до самой смерти – заведующим лабораторией экологических основ охраны экосистем и управления популяциями животных Института проблем экологии и эволюции РАН). Заслуженный работник культуры РСФСР (1988), Заслуженный работник охотничьего хозяйства, лауреат премии Совмина СССР (1991), награждён Большой золотой медалью Международного совета по охоте и охране дикой природы (1983). Почётный полярник. Лауреат премии Зелёного листа Международного фонда дикой природы (1992).

Заповедным делом Евгений Евгеньевич интересовался с самого начала своей научной деятельности, работал во многих заповедниках, разрабатывал программы их научных исследований. Он способствовал осуществлению плана создания меридиональной сети биостанций, заповедников и других охраняемых территорий как основы для углубленного изучения биологического разнообразия на Енисейском меридиональном трансекте. При его непосредственном участии здесь были созданы Большой Арктический (1993 г., 4,2 млн га), Арктический филиал Таймырского биосферного заповедника (1994 г., 433 тыс. га), Путоранский (1988 г., 1800 тыс. га), Центральносибирский (1985 г., 1 млн га) и Убсунурский (1993 г., 39,6 тыс. га). Кроме того, им было начато формирование сети международных приграничных ООПТ (например, первого в России международного заповедника «Дружба»), создавались первые заказники традиционного природопользования «Элогуйский» и «Туруханский». Важное наследие и вклад в заповедное дело – создание Е.Е. Сыроечковским в 1985–2000 гг.

десятитомной серии монографий «Заповедники СССР» («Заповедники России»). В 1985–1990 гг. 100-тысячными тиражами были изданы семь томов. В 1996 г. удалось издать следующий том – «Национальные парки и заказники», а в 1999 и 2000 гг. – два последних тома «Заповедники Сибири». В работе над этим многотомным трудом приняло участие более 100 специалистов – в основном из самих заповедников и академических институтов.

К работам по заповедникам тесно примыкают идеи Е.Е. Сыроечковского по созданию кадастра животного мира страны и Красной книги СССР. Ещё в 1980-х гг. им были разработаны понятия о биосферном полигоне, введённые в науку на Первом Всесоюзном совещании по биосферным заповедникам (1981). Концепция биосферных полигонов постепенно получила признание, термин был введён в статью 10 Закона РФ «Об особо охраняемых природных территориях» (1995), а также в «Положении о заповеднике и его биосферном полигоне» Минприроды России.

О восстановлении деятельности Постоянной Природоохранительной комиссии РГО Постоянная Природоохранительная комиссия Русского географического общества (1912–1918–2012) – пути воссоздания и ближайшие задачи³

Так случилось, что действия Управляющего и Учёного Советов РГО по воссозданию Комиссии совпали со 100-летним юбилеем её учреждения в 1912 году.

С учётом этой важной даты в истории нашего Общества считаю необходимым обратиться к истокам природоохранительного движения в России. Я имею в виду новое общественное движение – в защиту памятников природы, во главе которого стояли выдающиеся отечественные учёные, которых по праву можно назвать «могучей кучкой отечественного заповедного дела».

А предтечей этого движения была идея В.В. Докучаева, высказанная им в 1895 году, о необходимости создания специальных заповедных станций. В отличие от идеи национальных парков в США, которые создавались для охоты, рыбалки, развлечения и отдыха нации, Докучаев предлагает заповедать участок и предоставить его в «исключительное пользование» коренных видов флоры и фауны.

Сегодня, по прошествии 100 лет, очень важно вспомнить этих деятелей Общества, которые заложили основы заповедного дела и чьи идеи в начале XXI века стали ещё более актуальными, чем в начале XX.

Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) – русский ботаник, академик Петербургской АН, основатель и председатель Русского ботанического общества (с 1915), вице-президент АН. В 1910 году в докладе «Охрана памятников природы» он писал, что создание заповедных территорий – «это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой. Пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши предки. Растерять эти остатки было бы преступлением».

В своём докладе академик Бородин обратил внимание на то, что географическое общество с его разветвленной сетью отделов во всех, в том числе отдалённых губерниях, располагает уникальной возможностью организовать «центральный природоохранительный комитет с участием в нём представителей различных заинтересованных ведомств».

Именно после доклада И.П. Бородина 5 марта 1912 года была создана Постоянная Природоохранительная комиссия.

В Положении (пункт 2) было записано: «Цель комиссии – возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охране памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых местностей важных в ботанико- и зоо-географическом, геологическом и вообще в физико-географическом отношении охранение отдельных видов растений животных и проч.».

К ноябрю 1913 года в состав Комиссии входило 45 человек – представителей ИРГО, Императорской Академии наук, Министерства внутренних дел, Народного Просвещения, Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства императорского двора и уделов, Горного департамента, Министерства торговли и промышленности, Ведомства православного исповедания, Лесного общества и других научных обществ.

Григорий Александрович Кожевников (1866–1933) – профессор зоологии и директор Зоологического музея МГУ. В 1909 году в своей статье «О необходимости устройства заповедных участков русской природы» впервые в отечественной научной литературе заявил

³Выступление на Юбилейном Торжественном заседании Учёного Совета РГО и Постоянной Природоохранительной комиссии РГО 7 сентября 2012 года в г.Оренбурге

о необходимости сохранять отдельные территории дикой природы в полной неприкосновенности: «Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы ... должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. /.../ Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты. Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство и должно быть делом общественной и частной инициативы, но государство должно здесь идти впереди».

Георгий Федорович Морозов (1867–1920) – географ и ботаник, создатель учения о лесе как географическом и историческом явлении. Сотрудничая с Комиссией, внес предложения о взятии под охрану наиболее ценных лесных эталонов в разных регионах России. Был одним из последовательных сторонников географического подхода при организации сети заповедников: «Выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно с положением в основу ботанико-географического подразделения: заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области».

Андрей Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1866–1942) – энтомолог, президент Русского энтомологического общества. Один из самых радикальных сторонников самоценности дикой природы. По его мнению, «свобода необходима для природы так же, как она необходима для людей». Эту свободу, по его мнению, должны обеспечивать заповедники.

Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1870–1942) – географ и статистик. Активно работая в природоохранительной Комиссии, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, обобщая предложения её членов в октябре 1917 года, подготовил доклад «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков». К докладу прилагалась карта Северного полушария, на которой были нанесены уже созданные национальные парки США и 46 национальных парков, которые необходимо организовать в России.

Настоящим завещанием для последующих поколений деятелей охраны природы XX века служили слова В.П. Семёнова-Тян-Шанского: «На нашей обязанности лежит сохранить для потомства, где только можно, в полной неприкосновенности, полностью черты лика матери – Земли. Сохранение нетронутым естественного цельного географического ландшафта от далёких предков поможет потомкам легче критически разобраться во всей той сложной искусственной обстановке, в которой им придётся жить и действовать...»

В 1918 году Природоохранительная комиссия Императорского Русского Географического общества прекратила свое существование. Многие её члены продолжали по мере возможности предлагать свои идеи новому руководству страны. Так, в 1919 году *Г.А. Кожевников* обратился уже к советскому правительству с докладной запиской, в которой говорится: «Перед Российской Республикой лежит задача мировой важности – сохранить целый ряд животных форм, которых нет нигде за пределами нашего отечества и за судьбой которых с интересом следит учёный мир всего света».

Труды классиков отечественного заповедного дела и по прошествии 100 лет остаются актуальными, востребованными, вызывают бурные споры. За прошедшие годы наука не стояла на месте. Но нередко она была несвободна в своем выборе, что приводило и приводит до сих пор к неверным, неоднозначным решениям, трагическим ошибкам. Ошибались и наши классики-учителя. Весь XX век в истории отечественного заповедного дела – это калейдоскоп противоречивых решений. Вот несколько дат, которые означали крутые повороты в этой истории.

1898 г. – создан частный заповедник «Аскания-Нова».

1916 / 1917 г. – создан первый российский заповедник «Баргузинский».

1917 г. – первый проект заповедной сети России, представленный В.П. Семёновым-Тян-Шанским.

1922 г. – докладная Г.А. Кожевникова «О нуждах охраны природы РСФСР» получает поддержку в Народном Комиссариате и Академии наук.

1930 г. – чистка Главнауки, уволены и репрессированы видные деятели охраны природы.

1933 г. – Первый Всесоюзный съезд по охране природы СССР призывает «сорвать фетиш неприкосновенности с заповедников, заселить всю страну полезной фауной и вредную изжить».

1930–1940 гг. – учреждено 42 новых заповедника.

1951 г. – закрыто 88 заповедников, сокращена территория 20 заповедников. Из 130 оставлено 40 заповедников. Площадь заповедников сократилась более чем в 11 раз.

1960 г. – общее количество заповедников достигло 85.

Принят закон «Об охране природы РСФСР».

1961 г. – закрыто 16 лесных заповедников, на территории которых начинаются лесозаготовки. Площадь заповедников сократилась в два раза.

1962 г. – принято Положение о государственных заповедниках – восстановлен их статус как научно-исследовательских учреждений.

1980-е г. – число заповедников в СССР достигло 200. Создаются первые национальные парки.

1988 г. – создается Министерство охраны окружающей среды СССР, а затем и РСФСР.

2000 г. – упразднено федеральное ведомство – Государственный комитет по охране окружающей среды, в непосредственном подчинении которому находились заповедники.

Опираясь на эту историю, наша Комиссия, наряду с теми позициями, которые вошли в Положение, должна дать ответы и попытаться решить следующие вопросы:

1. Все ли острова и островки дикой природы, сохранившиеся на территории России, имеют статус защитных территорий?

Не секрет, что в настоящее время сеть заповедных территорий определяется особенностями географического положения, главным образом – отсутствием экономических интересов и транспортной недоступностью. В связи с этим защищённые острова дикой природы распространены по территории страны крайне неравномерно. Практически нет заповедников в основной земледельческой полосе России.

Из списка Комиссии 1917 года до сих пор не созданы парк «Хибины», «Парк Среднерусской возвышенности», «Барабинский лесостепной парк», «Уральская Урема». Или, например, в 1943 году был создан, а затем ликвидирован парк Кунгурских пещер в Пермском крае. Кроме того, многие заповедники и национальные парки созданы не в тех границах, в которых проектировались изначально.

Важнейшая задача нашей Комиссии – развивать репрезентативную сеть ООПТ, в том числе сеть охраняемых природных территорий. В качестве примера я могу привести карты Урала с ключевыми ландшафтными территориями, которые входят в состав существующих заповедников и национальных парков и которые необходимо создать, чтобы охватить все природное разнообразие региона.

2. Какие местообитания редких биологических видов, особенно тех, за которые ответственна именно Россия, тех, которые служили, служат или могут служить своеобразными символами страны или её регионов, ещё не обеспечены природоохранными мерами?

Я хотел бы обратить внимание на три брендовых вида фауны России, охватывающих три основные природные стихии: водную, воздушную и наземную.

В водной среде на первом месте по значимости у нас должен быть, безусловно, русский осётр и другие виды осетровых – проходных в бассейнах Чёрного и Каспийского морей и туводных в сибирских реках. За последние 20 лет произошло катастрофическое сокращение (до 20–40 раз) естественной популяции русского осётра, белуги, шипа в бассейне Каспийского моря. Только изменив природоохранный статус трансграничной реки Урал и некоторых других рек бассейна Каспия, мы можем сохранить ещё недавно крупнейшую в мире естественную популяцию осетровых Северо-Каспийского региона.

Среди многих редких видов орнитофауны я хотел бы обратить внимание на эндемика России и Евразии – краснозобую казарку. За сохранность этого вида мировой фауны полностью отвечает Россия – от арктической тундры до Северного Кавказа и на путях её миграций. Для сохранения краснозобой казарки необходимо создать кластерный заказник, включающий местообитания этого вида на Таймыре, болотах Западной Сибири, степных озёрах Зауралья, водноболотных угодьях Северного Кавказа.

Ещё один титульный вид исчезнувшей фауны России – дикая лошадь. Грантом РГО поддержан проект реинтродукции лошади Пржевальского, и мы очень надеемся, что он будет поддержан МПР РФ, Глобальным экологическим фондом, Правительством Оренбургской области и отечественными меценатами. В настоящее время на всём степном поясе Евразии от Венгрии до Монголии и Китая, только Россия реально не приступила к реинтродукции лошади Пржевальского в своих степях. На территории Оренбургской области для выпуска диких лошадей подготовлен участок площадью 16,5 тысячи гектаров, и нужны только добрая воля ответственных работников Министерства природных ресурсов и экологии РФ, руководителей Оренбургской области, чтобы этот проект стал реальностью.

3. Еще одна важная задача современного заповедного дела – это гармонизация отношений между природоохранительной и рекреационно-туристической деятельностью.

Необходимо помнить, что заповедники изначально создавались не для туризма и не для туристов, а национальные парки, напротив, в первую очередь для организованного отдыха. Легализация экотуризма в заповедных зонах национальных парков, тем более в заповедниках, – это просто нарушение заповедного режима. Нельзя вынуждать заповедники доказывать свое право на существование через туризм. Заниматься туризмом на особо охраняемых природных территориях можно и нужно, но эта деятельность не должна охватывать зоны покоя и заповедные ядра.

4. Важный вопрос, которым придется заниматься Комиссии, – это проблема интеграции федеральной и региональных систем ООПТ в социально-экономическое развитие территорий.

Решая эту проблему, необходимо сразу уточнить, что острова дикой природы – классические заповедники – не должны экономически оправдывать своё существование: их непреходящая ценность уже в том, что они есть, в том, что они дарят нам осознание того, что где-то на Земле ещё существуют уголки с нетронутой природой.

Вместе с тем, находясь на балансе государства или субъекта Федерации, иногда в частном владении, объекты природного наследия входят в экономическую инфраструктуру того или иного региона. Но вместе с тем заповедники и особенно национальные парки могут играть важную роль в экономике региона. Кроме возможностей для развития туризма, не затрагивающего зоны покоя, крупные региональные заповедники и национальные

парки могут использоваться в качестве основы для создания природно-заповедных кластеров. Передача национальным паркам и заповедникам в непосредственное управление близлежащих заказников, парков, памятников природы и других охраняемых территорий позволит распространить культуру охраны природы на соседние ландшафты, создать новые охраняемые участки с дикой природой и повышенным природным разнообразием.

5. Ещё один круг вопросов, которым придётся заниматься нашей Комиссии, – это профилактика и предотвращение внутренних и внешних антропогенных и природно-антропогенных рисков.

Угрозы экологической автономности ОПТ, защита от пожаров, волонтаристских решений административных и хозяйственных органов, нарушений заповедного режима и использования территорий заповедников и национальных парков для охоты и добычи научного материала – всегда сопровождали и сопровождают повседневную деятельность наших заповедников и национальных парков. Так, только за последний год Природоохранительной комиссии РГО пришлось заниматься реальными угрозами, связанными с новыми вариантами освоения месторождения фосфоритов на территории проектируемого национального парка Хибинских гор. Подготовлены предложения по созданию Заполярно-Уральского национального парка в Ямало-Ненецком автономном округе и Приполярно-Уральского национального парка в Ханты-Мансийском автономном округе. Осенью 2011 года по нашему представлению Президент РГО С.К. Шойгу решал вопросы прекращения разграбления палеонтологического наследия Новосибирских островов, и в составе экспедиции РГО 2012 года на этом архипелаге работает группа, которая подготавливает предложения по созданию там национального парка.

Нам необходимо обратить внимание на то, что даже статус объектов всемирного природного наследия (их в настоящее время в России десять) не защищает их от угроз техногенного воздействия. «Озеро Байкал» – незаконное строительство на побережье, функционирование БЦБК; «Вулканы Камчатки» – поисково-разведочные работы, планы изменения границ; «Западный Кавказ» – отсутствие охранного статуса буферной зоны, проекты хозяйственного освоения; «Золотые горы Алтая» – планы строительства трубопровода, браконьерство; «Девственные леса Коми» – проекты разработки месторождений полезных ископаемых и т.д.

6. Развитие новых категорий охраняемых природных территорий, охватывающих ландшафтное и биологическое разнообразие страны.

Ещё в 1918 году член Природоохранительной комиссии РГО, петербургский зоолог Д.К. Соловьёв в своей работе «Типы организаций, способствующих охране природы» предлагал более 30 форм защиты объектов природно-заповедного фонда. К сожалению, эти формы не нашли своего применения в России. Вместе с тем, в США, Канаде, Великобритании и других странах таких категорий множество – например, область охраняемого ландшафта, участки исключительной природной красоты, живописная река, национальная река и т.д.

7. Одна из важнейших задач нашей Комиссии – поднимать культ первозданных ландшафтов и дикой природы страны как общего достояния всех народов.

Было бы правильным, чтобы в проекте Парка России, объявленном на заседании Попечительского Совета РГО в августе 2012 года, нашли свое отражение лучшие образцы уникальных ландшафтов и дикой природы нашего Отечества. Участки первозданной природы должны стать одним из центральных символов России и той национальной общности, которую мы обозначаем словами «российский народ». Многие из нас очень боятся применительно к России использовать понятие «национальный ландшафт». Вместе с тем, если мы хотим сохранить единую Россию, нам нужно декларировать единый



Заповедник
«Опукский». Крым



Первое потомство
лошади Пржевальского
в степи Предуралья.
2016 г.

национальный ландшафт и лучшие образцы сохранившейся дикой природы, «принадлежащие всем вместе». Но для этого нам нужно принять законы «О национальном ландшафте», «О дикой природе». Эталоны и уникальные образцы дикой природы, заповеданные и ещё не заповеданные, должны быть всеобщим достоянием.

«Всё лучшее в природе принадлежит всем вместе», – слова, написанные в 1 веке нашей эры, принадлежат римскому писателю Петронию.

В заключение хотел бы сообщить участникам заседания, что рабочей группой при содействии Управляющего совета и аппарата Исполнительной дирекции РГО подготовлены все основополагающие документы для организации в современной структуре РГО Постоянной Природоохранительной комиссии. Учреждено Положение о Комиссии, Положение о Золотой медали РГО имени И.П. Бородина «За заслуги в сохранении природного наследия России». Изготовлена и сама медаль!

Нам бы хотелось, чтобы эта награда не только засвидетельствовала нашу память и почтение к истории заповедного дела в России, но и способствовала бы связи времён, сохранению и развитию традиций Русского географического общества. В связи с этим я вижу исключительную гуманистическую роль нашей Комиссии – способствовать тому, чтобы мы не утратили ответственности за судьбу первозданных ландшафтов и их обитателей, чтобы мы чувствовали, слышали, видели, понимали, ценили всё то, что мы называем природным наследием России.

А.А. Чибилёв,
вице-президент Русского географического общества
07.09.2012 г.

Обращение Постоянной природоохранительной комиссии РГО

Русское географическое общество (РГО), воссоздавая постоянную Природоохранительную комиссию в год 100-летия её образования, обращает внимание членов РГО и всех, кому небезразлична судьба природного наследия нашей страны, на необходимость консолидации сил гражданского общества для его сохранения и восстановления.

С первых лет своего существования РГО среди приоритетных целей своей деятельности ставило и ставит, как это отмечено в Обращении «От постоянной Природоохранительной комиссии ...» 1912 г., «... важность и необходимость сохранения в неприкосновенном виде наиболее интересных и важных участков нетронутой природы». Ещё на заре становления заповедного движения в России один из его инициаторов, академик И.П. Бородин, в статье «Охрана памятников природы» писал: *«Это наш нравственный долг перед родиной, человечеством и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины: пора нам проникнуться сознанием, что важнейшими из них являются остатки той природы, среди которой теперь складывается наша государственная мощь».*

К сожалению, Природоохранительная комиссия РГО просуществовала сравнительно недолго – с 1912 по 1918 год, но успела сделать многое для сохранения природного наследия России. Но именно в этот период были заложены основы заповедного дела, проведены экспедиции в разные регионы страны для выявления и описания территорий для их сохранения на государственном уровне, созданы первые заповедники. Межведомственный характер работы комиссии, обеспечиваемый представительством в ней многих правительственных департаментов (лесного, горного, просвещения и пр.), науки и природоохранной общественности, позволял оперативно обсуждать вопросы сохранения природы нашей страны.

Долгие годы РГО, не имея постоянно действующего органа, подобного Природоохранительной комиссии, оставалось на боевом посту, участвуя в общественном движении за сохранение природного наследия страны. Усилиями его региональных отделений штаб-квартиры и Московского центра (ныне – Московского городского отделения) были спасены от разрушения и получили статус особо охраняемых природных территории сотни объектов национального природного наследия нашей страны. Они стали заповедниками, национальными и природными парками, заказниками, памятниками природы федерального, регионального и местного уровня.

В наши дни в Российской Федерации сложилась сопоставимая с мировой сеть федеральных охраняемых природных территорий, включающая в том числе 101 государственный природный заповедник и 41 национальный парк. Их площадь занимает около 3% площади страны. В стране действует развитая сеть региональных охраняемых территорий природных парков, заказников и памятников природы, но в последние годы рост их площади приостановился и даже наблюдается её сокращение за счёт закрытия заказников и памятников природы, сроки существования которых завершаются.

Поэтому в условиях, когда в практике природоохранного движения России отсутствует само понятие «национальное природное наследие», не приняты законодательные акты о сохранении природного наследия и национального ландшафта, многим российским объектам природного наследия грозит деградация, полное разрушение и они ждут обретения достойного природоохранного статуса в соответствии с Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях», происходит снижение площадей, занимаемых региональными особо охраняемыми природными территориями, а многие из них подвержены негативному влиянию внешних антропогенных факторов, включая нерегламентированное развитие рекреации и туризма, сложившаяся сеть федеральных, региональных и местных

особо охраняемых природных территорий недостаточно репрезентативна и эффективна в отношении сохранения биологического и ландшафтного разнообразия страны, *задачами воссоздаваемой* Природоохранительной комиссии РГО становятся вовлечение в дело сохранения природного наследия нашей страны научной и природоохранной общественности, мобилизация членов региональных отделений РГО на выявление, описание и каталогизацию природного наследия и национальных ландшафтов, требующих сохранения и восстановления, проведение научно-организационной, эколого-образовательной и эколого-воспитательной работы на местах, для того чтобы российское и мировое сообщество осознали ценность природы нашей страны и её выдающуюся роль в поддержании глобальной устойчивости биосферы.

Мы призываем включиться в работу Природоохранительной комиссии РГО, делегировать в её состав лучших представителей природоохранного движения России и специалистов в деле сохранения природного наследия.

Только вместе, общими усилиями мы сможем влиять на совершенствование федерального законодательства в области охраны окружающей среды, повысить информированность населения о состоянии природного наследия, стимулировать участие общественности в экспертизе и развитии волонтёрского движения для поддержки национальной сети объектов природного наследия!

Чибилёв А.А., Тишков А.А.

5 марта 2012 г.

Приветствие членов РАН к участникам Международной конференции «Заповедное дело. Итоги столетия». Город Сочи, 05.12.2016 год



ПОСТОЯННАЯ
ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНАЯ
КОМИССИЯ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

109012, Москва, Новая Площадь, д.10, стр.2
190000, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, дом 10,
лит. А. Тел./факс: 8-800-700-1845
ppk@rgo.ru; rgo@rgo.ru; http://rgo.ru/

Участникам конференции
«Заповедное дело.
Итоги столетия»

Уважаемые участники конференции «Заповедное дело. Итоги столетия»!

В наступающем 2017 году исполняется 100 лет со дня первых инициатив по развитию государственной сети заповедных территорий России. Этим событиям предшествовали замечательные проекты по созданию первых частных заповедников России при участии видных ученых и общественных деятелей. В 1912 году по инициативе научного сообщества (И.П.Бородин, Г.А.Кожевников, В.П. и А.П. Семёновы-Тян-Шанские и др.) была создана Постоянная Природоохранительная комиссия Императорского Русского географического общества, которая уже в 1917 году представила в органы государственной власти страны первый проект развития заповедной сети России. В течение всего 20 века разработка научных основ заповедного дела в СССР и России находилась под методологическим руководством Академии наук. Она же формировала научный профиль заповедников и координировала деятельность их научных отделов. В ее недрах сразу после разгрома заповедной системы СССР в 1952 году была создана Комиссия по заповедникам АН СССР. После преобразования ее в 1955 г. в Комиссию по охране природы Отделения биологии АН СССР она занималась созданием плана восстановления сети заповедников в стране, защищала заповедные земли, разрабатывала первое законодательство по охране природы СССР и РСФСР. В этой работе активно участвовало и Русское (тогда – Всесоюзное) географическое общество и его Комиссия по биогеографии, по инициативе которой во многом и был подготовлен к 1956 г. «Перспективный план географической сети заповедников СССР» и разрабатывались предложения по созданию новых заповедников.

Большинство заповедников, а позднее и национальных парков, создавались по инициативе научного сообщества, сотрудников РАН и при поддержке Русского географического общества. Также усилиями Академии наук была сформирована в России сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО, которая в наши дни включает 41 особо охраняемую природную территорию.

В 2011 году по поручению Президента РФ С.К. Шойгу была воссоздана Постоянная Природоохранительная комиссия РФ. При деятельном участии членов комиссии и сотрудников РАН в последние годы реализованы проекты по сохранению редких видов фауны (амурский тигр, дальневосточный леопард, снежный барс, лошадь Пржевальского и др.), созданы новые региональные и федеральные заповедные территории, изданы атласы охраняемых природных территорий, книги по заповедному делу, карты.

Заповедная система России является результатом более чем вековой совместной деятельности Российской академии наук, Русского географического общества и государственных природоохранных органов и нуждается в дальнейшем гармоничном научно обоснованном развитии.

От имени членов Постоянной Природоохранительной комиссии РФ, Комиссии РАН по сохранению биологического разнообразия, Научного совета по проблемам экологии биологических систем РАН и всего академического сообщества России, посвятившего свои труды созданию и совершенствованию заповедной системы приветствуем участников конференции и надеемся на плодотворное сотрудничество в деле сохранения уникального природного наследия Отечества.

академик РАН А.А.Чибилёв
академик РАН В.В.Рожнов
академик РАН Ю.Ю.Дгебуадзе
член-корреспондент РАН А.А.Тишков

28 ноября 2016 года



Вид с дюны Красной на Куршский за-
Нацпарк Куршская
Калининградская область.



Водопад Кивач.
Заповедник Кивач, Карелия.



Гипсовые берега реки Сот-
Пинежский заповед-
Архангельская область.



Гранитные берега острова Ряжков.
Кандалакшский заповедник,
Мурманская область.



Озеро Большое Порженское.
Нацпарк Кенозерский,
Архангельская область.



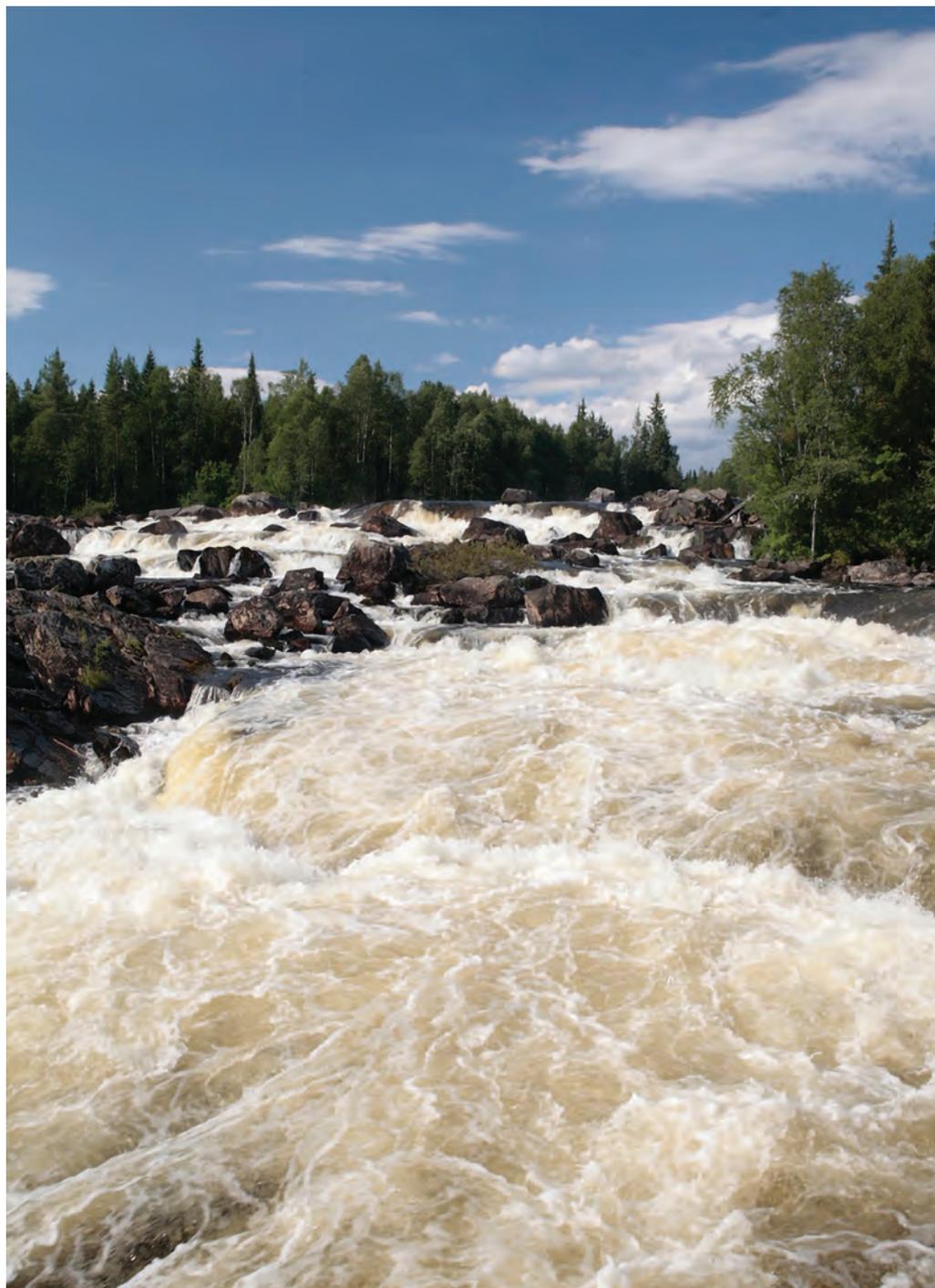
Озеро Большое Порженское.
Озеро Валдайское.
Нацпарк Валдайский, Новгородская область.



Озеро Паанаярви. Нацпарк Паанаярви.
Карелия.



Остров Долгий. Заповедник
Ненецкий, НАО.



Порог Киваккаоски
на реке Оланга.
Нацпарк Паанаярви. Карелия.



Ферапонтов монастырь, XIV в.
Нацпарк Русский Север.
Вологодская область.



Чуна-озеро.
Лапландский заповедник,
Мурманская область.



Шаровидная конкреция
на острове Чамп.
Нацпарк Русская Арктика.



Башня Елабужского болгарского городища,
X-XI вв., на заднем плане - г. Елабуга.
Нацпарк Нижняя Кама.



Берег реки Пра.
Заповедник Окский,
Рязанская область.



Волга в районе села Ширяево.
Нацпарк Самарская Лука.



Луговина у озера Великого.
Мещерский национальный
парк, Рязанская область.



Малая Бахилова гора.
Жигулевский заповедник,
Самарская область.



Мемориальный комплекс
М.И. Цветаевой в г. Елабуга.
Нацпарк Нижняя Кама.



Одна из проток участка Салары.
Волжско-Камский заповедник.



Озеро Петровское.
Национальный парк
Смоленское Поозерье.



Остров Середыш на Волге с высоты
Большой Бахиловой горы.
Жигулевский заповедник.



Плещеево озеро со стороны кафе Ботик. Нацпарк Плещеево озеро, Ярославская область.



Река Дон в районе урочища Плющань.
Заповедник Галичья гора,
Липецкая область.



Река Польш.
Нацпарк Мещера.



Танаевский бор.
Нацпарк Нижняя Кама.



**Ай-Петринская яйла.
Ялтинский горно-лесной
заповедник.**



Альпийское разнотравье.
Окрестности озера Джуга,
Кавказский заповедник.



**Бархан Сарыкум.
Дагестанский заповедник,
Республика Дагестан.**



Берег Черного моря.
Заповедник Утриш,
Краснодарский край.



Буковый лес.
Крымский заповедник.



В дельте Волги.
Астраханский заповедник.



В заповедной бухте.
Заповдник Мыс Мартьян.



Вершина Домбай-Ульген.
Тебердинский заповедник.



Водопад Султан на реке Малка.
Нацпарк Приэльбрусье.



Вход в знаменитую Ахштырскую пещеру. Сочинский нацпарк, Краснодарский край.



Гора Карадаг.
Карадагский заповедник.



Гора Сулахат, долина реки Алибек.
Тебердинский заповедник.



Гора Эльбрус с севера, со стороны урочища Джилы-су.
Нацпарк Приэльбрусье.



Граб обыкновенный,
нижняя часть ствола.
Сочинский нацпарк.



Застывшая лава Карадага.
Карадагский заповедник.



Ковыльная степь.
Заповедник Черные Земли,
Калмыкия.



Колония пеликана кудрявого
на одном из островков
в озере Маныч-Гудило.
Ростовский заповедник.



Национальный парк Алания.



Озеро Баскунчак с высоты горы
Большое Богдо. Богдинско-Баскунчакский
заповедник. Астраханская область.



Озеро Джугское.
Кавказский заповедник.



Озеро Клухорское.
Тебердинский заповедник.



Озеро Клухорское.
Тебердинский заповедник.



Озеро Маныч-Гудило.
Заповедник Черный земли.



Поля лотоса орехоносного.
Астраханский заповедник.



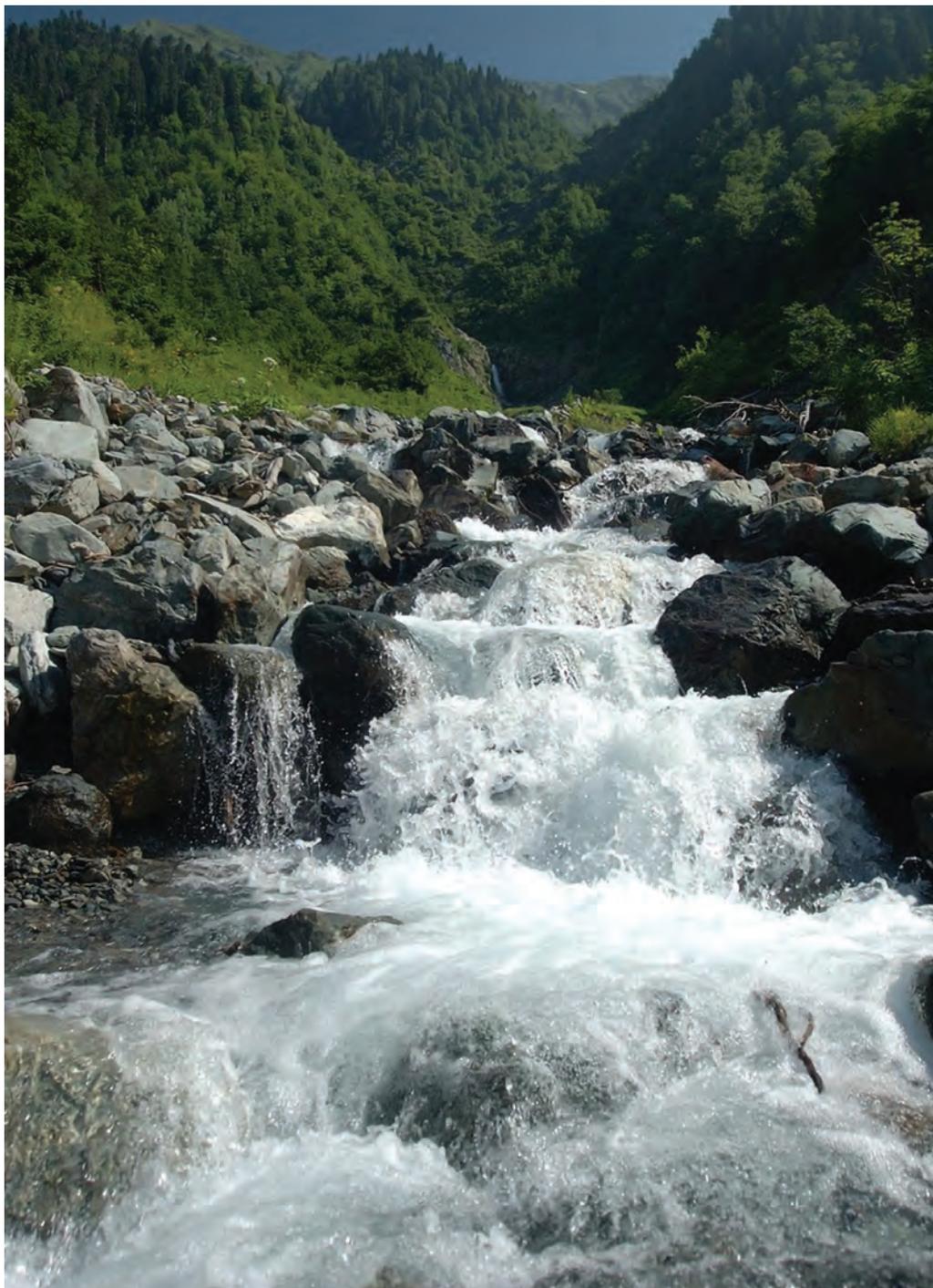
Птенцы кудрявого пеликана
(Красная книга РФ).



Река Бешенка, правый приток реки Мзымта, окрестности поселка Красная Поляна. Сочинский нацпарк.



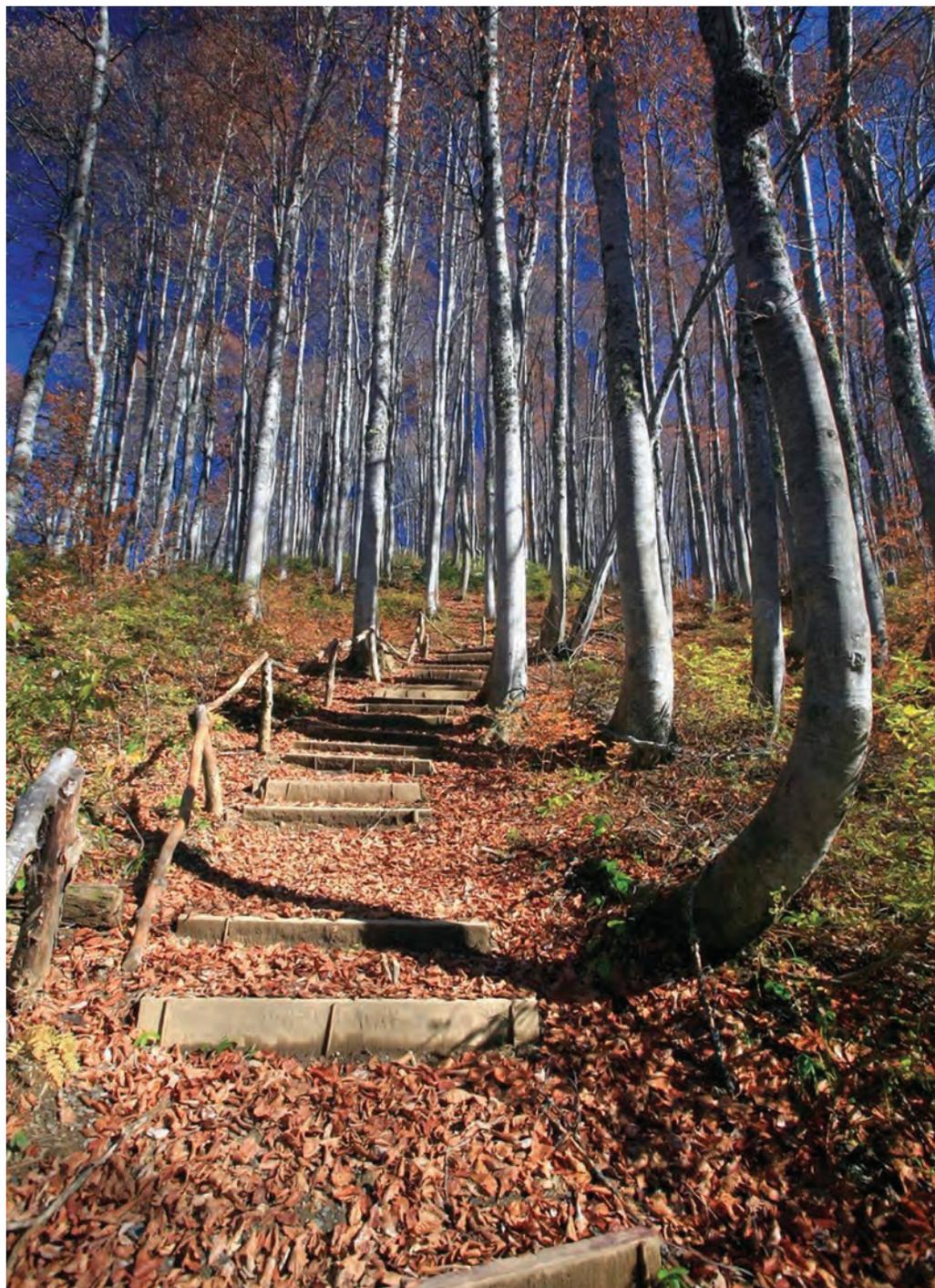
Река Большая Хоста в верхней части Навалишинского каньона. Сочинский нацпарк.



Река Туровая, урочище Чугуш.
Кавказский заповедник.



Средневековые башни Эрзи.
Горная Ингушетия.



Экологическая тропа
в буковом лесу у Хмелевских озер.
Сочинский нацпарк.



Верховье реки Печоры.
Печоро-Илычский заповедник.



Девственные леса Коми.
Нацпарк Югыд ва.



Каньон ручья Шульган-Таш.
Заповедник Шульган-Таш.



Портал Каповой пещеры.
Заповедник Шульган-Таш.



Река Бальбанью. Национальный парк
Югыд ва, Республика Коми.



Река Подчерем.
Нацпарк Югыд ва.



Река Щугор в районе Средних ворот.
Нацпарк Югыд ва.



**Хребты Москаль (передний)
и Нургуш (на заднем плане).
Нацпарк Зюраткуль.**



Альпийские луга. Тункинский нацпарк.



Бухта Змеиная, озеро Байкал.
Забайкальский нацпарк.



**Бухта Монахово, восточный
берег озера Байкал,
Забайкальский национальный парк.**



Верховье реки Иркут.
Тункинский нацпарк.



Верховье реки Катунь.
Катунский заповедник,
Горный Алтай.



Гора Монун-Тайга.
Заповедник Убсунурская котловина.



**Древнетюрское изваяние
в селе Беле.
Алтайский заповедник.**



Заповедный берег Енисея
на участке Оглахты.
Хакасский заповедник.



Мыс Саган-Заба.
Прибайкальский нацпарк.



Мыс Хобой, остров Ольхон.
Прибайкальский нацпарк.



Накпные лишайники на скалах острова Долгий, архипелаг Ушканьи острова на Байкале. Забайкальский нацпарк.



Незамерзающая полынья истока
Ангары. Прибайкальский нацпарк.



Озеро Аквариум.
Джергинский заповедник.



Озеро Байкал.
Прибайкальский национальный парк,
Иркутская область.



Озеро Изумрудное.
Катунский заповедник.



Озеро Телецкое озеро в районе деревни Беле. Алтайский заповедник, Горный Алтай.



Петроглифы в урочище Оглахты.
Хакасский заповедник.



Река Ихе-Угунь. Тункинский
национальный парк, Республика Бурятия.



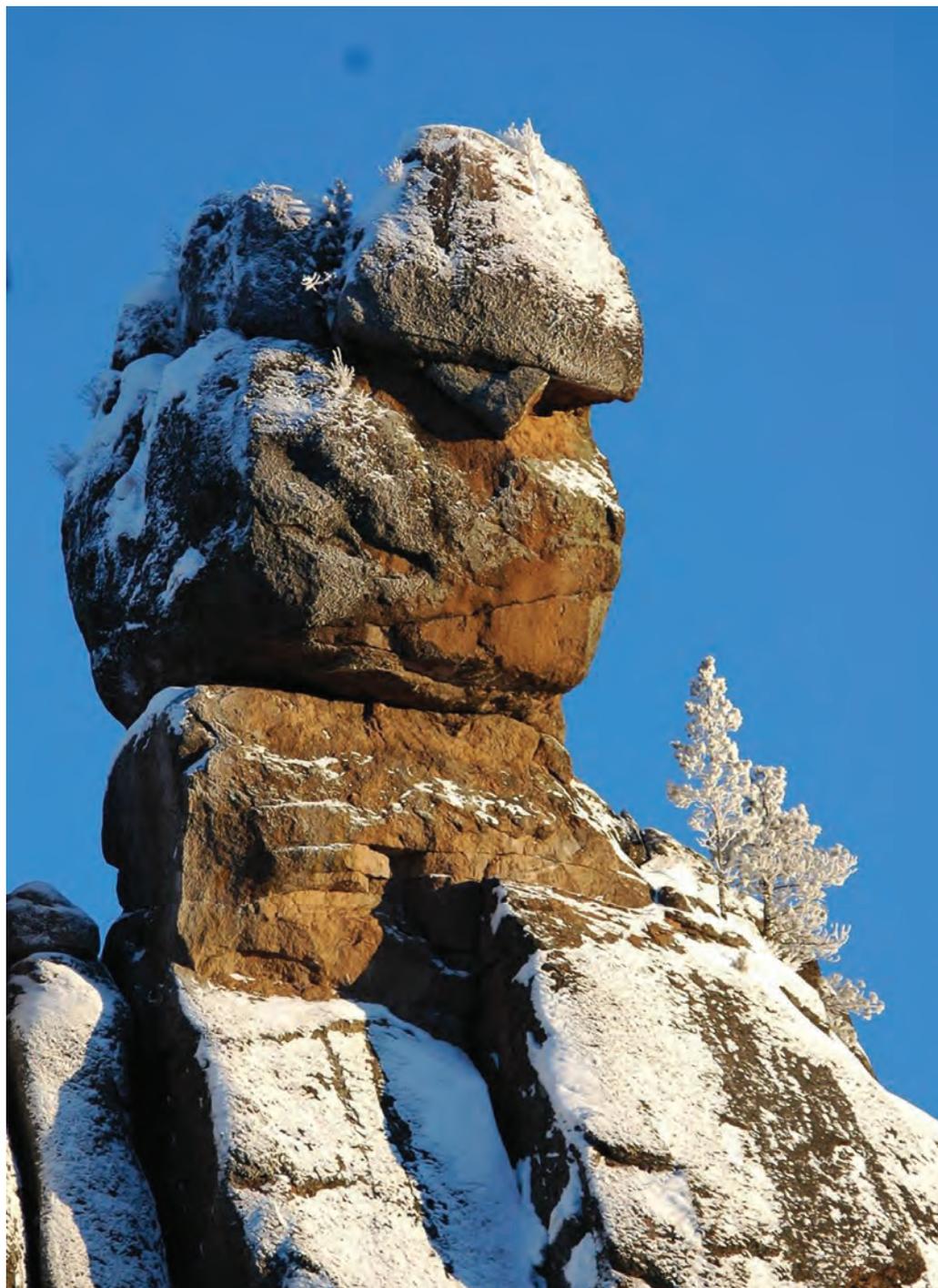
Саяно-Шушенское водохранилище зимой.
Национальный парк Шушенский бор.



Северный берег озера Зун-Торей.
Даурский заповедник,
Забайкальский край.



Скала Алмазная царевна.
Национальный парк Алханай.



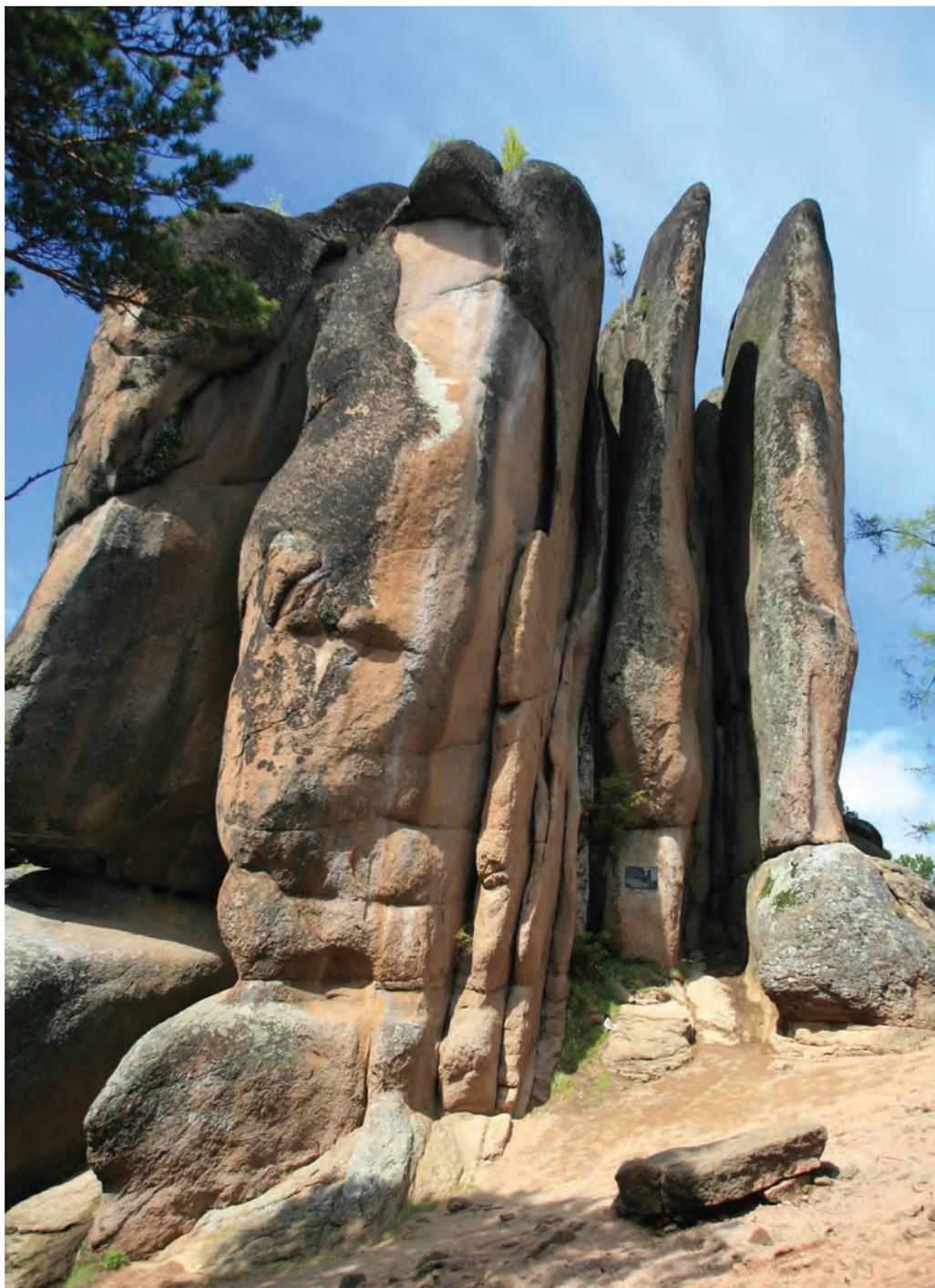
Скала Манская баба.
Заповедник Столбы.



Скалв Дед.
Заповедник Столбы.



Скалистый западный берег Большого Бакланьего острова, озеро Байкал.
Забайкальский нацпарк.



Скалы Перья.
Заповедник Столбы.



Соленое озеро Улугколь в Камызякской степи. Хакасский заповедник.



Телецкое озеро в районе
деревни Беле.
Алтайский заповедник.



Тункинские гольцы.
Тункинский нацпарк.



Урочище Чоган-Бургазы.
Сайлюгемский национальный парк,
Горный Алтай.



Чивыркуйский залив со стороны
Монахово, озеро Байкал.
Забайкальский нацпарк.



Юго-западный берег озера Зун-Торей.
Даурский заповедник.



**Бухта Спасения.
Дальневосточный
морской заповедник.**



Вулкан Малый Семячик у южной границы Кроноцкого заповедника.



Грязевой вулкан в Долине гейзеров.
Кроноцкий заповедник.



Дельта Лены с высоты острова Столб.
Усть-Ленский заповедник.



Долина Гейзеров,
Кроноцкий заповедник.



Кроноцкая сопка.
Кроноцкий заповедник.



**Мыс Столбчатый.
Курильский заповедник,
Сахалинская область.**



Остров Большой Пелис.
Дальневосточный морской заповедник.



Река Лена с высоты Ленских столбов.
Нацпарк Ленские столбы.



Скалы в устье реки Лабыдья – правого
притока реки Лена.
Нацпарк Ленские столбы.



Тихоокеанское побережье острова Беринга. Командорский заповедник.



Японское море со стороны мыса Северный.
Сихотэ-Алинский заповедник.

213 Список литературы

- Аксаков С.Т. Записки об ужении рыбы // Аксаков С.Т. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1975. – С. 373–502.
- Алёхин В.В. Русские степи и методы исследования их растительного покрова // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1931. – Т. 40, вып 3–4. – С. 285–374.
- Алёхин В.В. Центральные-чернозёмные степи. – Воронеж: Коммуна, 1934. – 96 с.
- Алёхин В.В. Теоретические проблемы фитоценологии и степеведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 216 с.
- Анучин Д.Н. Охрана памятников природы. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. – 59 с.
- Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 78, лл. 1-3
- Архив РАН, ф. 277, оп. 3, д. 82, лл. 1-4
- Бекетов А.Н. Очерки девственной природы // Рус. вестн. – 1858. – Т. 15. – С. 499–526.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Борейко В.Е. Русское географическое общество и охрана природы (к 75-летию Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1987. – № 4. – С. 124–126.
- Борейко В.Е. Аскания-Нова: тяжкие вёрсты истории (1826–1933). – Киев: КЭКЦ, 1994. – 153 с.
- Борейко В.Е. Иван Иванович Спрыгин // Популярный биографо-библиографический справочник деятелей заповедного дела и охрана природы Украины, царской России и СССР (1860–1960) (Сер. История и охрана природы. Вып. 5). – Киев-Москва: Центр охраны дикой природы, 1995а. – Т. 2 (М-Я). – С. 115–118.
- Борейко В.Е. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, Царской России и СССР (1860-1960). Т. 2. Серия: История охраны природы. Вып. 5. – 1995б. – 224 с.
- Борейко В.Е. Колокол Кожевникова // Очерки о пионерах охраны природы. – Киев, 1996а. – Т. 1, Вып. 9. – С. 123–135.
- Борейко В.Е. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 1. Серия: История охраны природы. Вып. 9. – 1996б. – 208 с.
- Борейко В.Е. Три идеологии современного заповедного дела // Гуманитарный экологический журнал. – 2001. – Т. 3, вып. 1. – С. 33–42.
- Борейко В.Е. Этика и менеджмент заповедного дела. – Киев: Киев. экол.-культур. центр, 2005. – 328 с.
- Бородин И.П. Охрана памятников природы. – СПб.: Типограф. Стасюлевича, 1914. – 31 с. – (Император. Рус. геогр. о-во, Постоян. Природоохранит. комис.; № 1).
- Вайнер (Уинер) Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / пер. с англ.; послесловие и ред. Ф.Р. Штильмарка. – М.: Прогресс, 1991. – 400 с.
- Вильдермет Г. О пользе выдела заказных рощ // Лесной журнал. – 1837. – № 9. – С. 12.
- Год экологии в России. 1 января 2017 г. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3914265>
- Государственный архив Оренбургской области (ГБУ «ГАОО»). Ф. 94. Оп. 1. Д. 104. Л. 2, 3.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 1. А-З. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2001. – 1158 с.
- Дёмина О.Н. Донской степной заповедник и восточнопричерноморские степи бассейна Дона. – Ростов н/Д: Издат. фирма «Медиа-Полис», 2013. – 78 с.
- Докучаев В.В. Труды экспедиции, снаряжённой Лесным департаментом под руководством проф. Докучаева. – СПб., 1895. – 217 с.
- Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.) / отв. ред. Д.Д. Васильев. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – 608 с.
- Залесский К.М. Материалы к познанию растительности Донских степей. – Ростов н/Д: тип. т-ва С.С. Сивожелезова и Ко, 1918. – С. 216.
- Зозулин Г.М. О создании Донского степного государственного заповедника // Бот. журн. – 1961. – Т. 46, № 12. – С. 1729–1733.
- Зозулин Г.М. Научные и практические аспекты создания Донского степного государственного заповедника // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра Высш. шк. Естеств. науки. – 1973. – Вып. 31. – С. 99–102.
- Зыков К.Д., Нухимовская Ю.Д., Штильмарк Ф.Р. Разработка и совершенствование перспективного плана создания заповедников в РСФСР // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. – М., 1981. – С. 8–110.
- Из литературного наследия Андрея Петровича Семёнова-Тян-Шанского (1866–1942). Проза, стихи, эпиграммы / Сост. В. Берлин, В. Борейко. – Киев: КЭКЦ, 1996. – 160 с.
- Исаков Ю.А. Принципы планирования сети особо охраняемых природных территорий в СССР // Охрана ландшафтов и проектирование. – М., 1983. – С. 128–140.

- Калихман Т.П. К 100-летию Природоохранительной комиссии Русского географического общества // Изв. Рус. геогр. о-ва. – 2012. – № 3. – С. 24–37.
- Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза / Сост., предисл. и примеч. В.Б. Муравьёва. – М.: Моск. рабочий, 1986. – 527 с. – (Литературная летопись Москвы).
- Кожевников Г.А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны природы // Труды Всерос. юбилейн. акклимат. съезда. Вып. 1. – М., 1909. – 220 с.
- Кожевников Г.А. Монастыри и охрана природы // Птицеведение и птицеводство. – 1914. – № 2.
- Кожевников Г.А. Школьный учитель и охрана природы. – М., 1926. – 34 с.
- Кожевников Г.А. Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-промышленной области // Живая природа. – 1928а. – С. 12.
- Кожевников Г.А. Задачи охраны природы СССР // Охрана природы. – 1928б. – № 1. – С. 6–7.
- Кожевников Г.А. Как вести научную работу в заповедниках // Охрана природы. – 1928в. – № 2. – С. 12–19.
- Козлов П.К. Аскания-Нова в её прошлом и настоящем // Рус. старина. – 1914. – № 5. – С. 356–371.
- Конвенц Г. Практика охраны памятников природы / Пер. с нем. Е. Кривошеевой. – Киев: Киев. экол.-культур. центр, 2000. – 88 с.
- Кревер В.Г., Стишов М.С., Онуфреня И.А. и др. Особо охраняемые природные территории России: современное состояние и перспективы развития. – М.: WWF России, 2009. – 455 с.
- Лавренко Е.М. Степи и сельскохозяйственные земли на месте степей // Растительный покров СССР: пояснительный текст к Геоботанической карте СССР, М 1:4 000 000. – Т. 2. – М.; Л., 1956. – С. 595–730.
- Лавренко Е.М., Гептнер В.Г., Кириков С.В., Формозов А.Н. Перспективный план географической сети заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. – 1958. – Бюл. № 3. – С. 3–92.
- Любавский А. Понижение имущественного ценза для образования заповедных имений // Юридическая монография и исследования. – 1878. – Т. 10, ч. 1, ст. 467.
- Международная конференция «Заповедное дело. Итоги столетия» [Электронный ресурс]. URL: www.wildnet.ru/события-заповедных-островов/1032-mezhdunarodnaja-konferentsija-zapovednoe-delo-itogi-stoletija (дата обращения 13.02.2017).
- Миноранский В.А. и др. Живая природа Маньчжурской долины / В.А. Миноранский, А.М. Узденов, А.Д. Липкович, В.И. Даньков, С.В. Толчеева. – Ростов н/Д: ООО «Омега Паблишер», 2010. – 303 с.
- Мировая охрана природы. Отчёт академика И.П. Бородина о командировке в Берн на конференцию по международной охране природы / ИРГО, Постоян. Природоохранит. комис., № 2. – Петроград, 1915. – 106 с.
- Морозов Г.Ф. Учение о лесе. – СПб., 1912. – 83 с.
- Насимович А.А., Тишков А.А. Сохранение природных экосистем на территории заповедников // Природные охраняемые территории. Научные труды по охране природы. – Тарту, 1981. – Вып. 4. – С. 57–62.
- Неуструев С.С. Естественные районы Оренбургской губернии: географический очерк с картой естественных районов и обзорной картой Оренбургской губернии. – Оренбург, 1918. – 168 с.
- Новопокровский И.В. К вопросу об организации на Дону и Северном Кавказе степных заповедников // Краеведение на Северном Кавказе. – 1928. – № 3–4. – С. 13–17.
- Опыт работы и задачи заповедников СССР / отв. ред. А.А. Насимович, Ю.А. Исаков. – М.: Наука, 1979. – 200 с. (Проблемы конструктивной географии).
- Основы лесной биогеоценологии / Под ред. В.Н. Сукачёва, Н.В. Дылиса. – М.: Наука, 1964. – 574 с.
- Особо охраняемые природные территории России: современное состояние и перспективы развития / Авт.-сост. В.Г. Кревер, М.С. Стишов, И.А. Онуфреня и др. – М.: Изд-во WWF России, 2009. – 455 с.
- Отчёт по результатам обследования научной деятельности заповедников Европейской части СССР. Тема: «Заповедники СССР». – М.: Ин-т географии АН СССР (архив), 1973. – 64 с.
- Охрана природы и заповедное дело в СССР // Бюл. № 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 115 с.
- Охраняемые природные территории: материалы к созданию концепции системы охраняемых природных территорий России. – М.: Изд-во РПО WWF, 1999. – 246 с.
- Пачоский И.К. Целинная заповедная степь Аскания-Нова // Аскания-Нова. – М., 1924. – С. 83–113.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. – М.: Мысль, 1978. – 296 с.
- Рерих Н.К. Человек и природа: [Сб. ст.]. – 2-е изд., испр. – М., 2005. – 140 с.
- Саксонов С.В. Истоки заповедного дела в Самарской области // Заповедное дело России: принципы, проблемы, приоритеты: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Жигулевского гос. природного заповедника им. И.И. Спрыгина (Жигулёвск – Бахилова

Поляна, 4–8 сент. 2002 г.) / Науч. ред. С.В. Саксонов. – Бахилова Поляна, 2003. – Т. 1. – С. 55–62.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедник типа американских национальных парков. Доклад 2 октября 1917 г. // Столетие Постоянной. Природоохранит. комис. Император. Рус. геогр. о-ва. Юбилейная книга-альманах / авторы-сост. А.А. Чибилёв, А.А. Тишков. – М.: РГО, 2012. – С. 28–39.

Смирнова О.А. Заповедник // Труды Оренбург. о-ва изучения Киргиз. края. – Оренбург, 1921. – Вып. 1 – С. 84–91.

Соболев Н.А. Особо охраняемые природные территории как средство поддержания биологического разнообразия в староосвоенных регионах (на примере Московской области): Автореф. дисс... канд. геогр. наук. – М., 1997. – 18 с.

Соболев Н.А. Экологический каркас России. Индикативная схема / Ред. проф. А.А. Тишков. – М.: Ин-т географии РАН, 2015. – 16 с.

Соколов В.Е., Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Перспективы развития географической сети заповедников юга Европейской части РСФСР // Заповедники Европейской части РСФСР. – М.: Мысль, 1989. – Ч. II. – С. 293–298.

Соловьёв Д.К. Типы организаций, способствующих охране природы // Сельское хозяйство и лесоводство. – Пг., 1918. – Т. 256 (переизд.: Охота и охрана природы (из классических работ). – М.: ЦНИЛ Главхоты, 1992. – Т. 1. – С. 76–111).

Соловьёв Д.К. Заповедники, их выделение, значение, организация и пр. // Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нём: отчёт Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д.К. Соловьёва. – Шт., Гос. изд-во, 1920. – С. 267–310.

Соловьёв Д.К. Основы охотоведения. П.; М.; Л., 1922–1929. Ч. 1–5.

Спрыгин И.И. Охрана природы в Средне-Волжском крае // Известия Центрального бюро краеведения. – 1929. – Вып. 10. – С. 42–44.

Спрыгин И.И. Жигулёвский заповедник // Охрана природы. – 1930. – Вып. 1. – С. 7–14.

Степаницкий В.Б. История и основные итоги разработки и реализации перспективных планов развития сети государственных природных заповедников и национальных парков на территории Российской Федерации за последние 90 лет. 2006. URL: http://www.zapoved.ru/?act=pressa_more&id=63

Степаницкий В.Б. Перспективные планы развития системы ФООПТ России: взгляд в историю // Особо охраняемые природные территории России. Современное состояние и перспективы развития. – М., 2009. – С. 185–196.

Столетие Постоянной Природоохранительной Комиссии ИРГО. Юбилейная книга-альманах / Авт.-сост. А.А. Чибилёв, член-корр. РАН, вице-президент РГО, А.А. Тишков, доктор географических наук. – М.: Рус. геогр. о-во, 2012. – 94 с.

Сукачёв В.Н. Растительные сообщества. Введение в фитосоциологию. – Изд. 4-е доп. – М.-Л., 1928. – 232 с.

Сукачёв В.Н. О направлении и содержании ботанической работы в заповедниках // Советская ботаника. – 1936. – № 3. – С. 3–9.

Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Перспективы развития заповедной системы в Сибири. Заповедники Сибири. – Т. II / под общ. ред. Д.С. Павлова, В.Е. Соколова, Е.Е. Сыроечковского. – М., 2000. – С. 217–229.

Талиев В.И. Охраняйте природу. – Харьков, 1914. – 14 с.

Тишков А.А. Охраняемые природные территории и формирование каркаса устойчивости // Оценка качества окружающей среды и экологическое картографирование. – М.: Ин-т географии РАН, 1995. – С. 94–107.

Тишков А.А. Формирование регионального природоохранного каркаса // Проблемы региональной экологии. – 1996. – № 1. – С. 138–140.

Тишков А.А. Лаборатория биогеографии Института географии РАН и заповедники России: 60 лет плодотворного сотрудничества // История заповедного дела: Материалы науч. конф. (пос. Борисовка, Белгородская обл.). – Белгород, 2005. – С. 184–187.

Тишков А.А. Заповедное дело в России: сто лет спустя после создания Постоянной Природоохранительной комиссии Императорского Русского Географического Общества // Столетие Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО / Авт.-сост. А.А. Чибилёв, А.А. Тишков. – М., 2012а. – С. 21–28.

Тишков А.А. Люди нашего племени. – М.: Ин-т географии РАН, 2012б. – 276 с.

Тишков А.А., Утехин В.Д. Организация ботанических исследований в заповедниках // Теоретические вопросы заповедного дела. – Курск, 1975. – С. 30–32.

Тишков А.А., Утехин В.Д. К вопросу об организации ботанических исследований в заповедниках // Теоретические основы заповедного дела. – Курск, 1980. – С. 19–21.

Труды Первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. – М., 1935. – 389 с.

Филоненко И. Воспоминания о русском лесе. – М., 1993. – 238 с.

Хоментовский А.С. и др. О создании Оренбургского степного заповедника / А.С. Хоментовский, А.А. Чибилёв, В.В. Баканин, З.Н. Рябинина // География и природные ресурсы. – 1980. – № 4. – С. 84–90.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф.1. Оп. 6. Д. 437. Л. 20.

Черных Д.В. Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 227 с.

Чибилёв А.А. Степям нужен заповедник // Природа и мы. – Челябинск, 1980. – С. 61–75.

Чибилёв А.А. К ландшафтно-экологическому обоснованию развития сети охраняемых природных территорий // Общие и региональные вопросы ландшафтной географии СССР. – Воронеж, 1987. – С. 84–92.

Чибилёв А.А. Введение в геоэкологию (эколого-географические аспекты природопользования). – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 124 с.

Чибилёв А.А. Госзаповедник «Оренбургский»: краткое предисловие к 20-летней истории // Степи Северной Евразии. – Оренбург, 2009. – Т. II. Заповедное дело: проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию организации гос. природ. заповедника «Оренбургский», проходящей в рамках V Междунар. симпоз. – С. 10–11.

Чибилёв А.А. О восстановлении деятельности Природоохранительной комиссии Русского географического общества // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2011. – № 1. – С. 55–58.

Чибилёв А.А. Постоянная природоохранительная комиссия Русского географического общества (1912-1918-2012) – пути воссоздания и ближайшие задачи // Вестн. УрО РАН. Наука. Общество. Человек. – 2012. – № 4. – С. 59–69.

Чибилёв А.А. Заповедник «Оренбургский»: история создания и природное разнообразие / Ин-т степи УрО РАН, Оренб. отд-ние Рус. геогр. о-ва, Постоян. природоохранит. комис. Рус. геогр. о-ва. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2014а. – 137 с.

Чибилёв А.А. Особенности формирования сети ООПТ в странах степного пояса Евразии // Вестн. алтайск. науки. – 2014б. – № 4. – С. 198–203.

Чибилёв А.А. Заповедник «Шайтан-Тау» – эталон дубравной лесостепи на Южном Урале / отв. ред. П.В. Вельмовский, Т.Н. Савинова; Ин-т степи УрО РАН, РГО, Постоян. природоохранит. комис. – Оренбург:

Печ. дом «Димур», 2015. – 164 с.

Чибилёв А.А. Истоки современных проблем заповедного дела в России // Карельский научный журнал. – 2016. – Т. 5, № 3 (16). – С. 89–95.

Чибилёв А.А. История и современное состояние заповедного дела в России // Вестн. РАН. – 2017. – Т. 87, № 3. – С. 29–39.

Чибилёв А.А., Краснова Т.В. Актуальные страницы истории заповедного дела на территории России и сопредельных стран // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2013. – № 3 (7). – С. 2074–2081.

Чибилёв А.А., Тишков А.А. Столетие Постоянной природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества. – М., 2012. – 94 с.

Штильмарк Ф.Р. Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела // Бюл. МОИП. Отдел биологический. – 1978. – Т. 83, № 5. – С. 143–146.

Штильмарк Ф.Р. Историография российских заповедников (1895–1995). – М.: ТОО «Логата», 1996. – 340 с.

Штильмарк Ф.Р., Аваков Г.С. Первый проект географической сети заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 20–23.

Штильмарк Ф.Р., Александров А.С., Иващенко Б.П. Развитие сети заповедников и опыт их проектирования в Российской Федерации // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1990. – Т. 95, Вып. 6. – С. 111–123.

Convents H. Die defahrung der Naturdenkmaller und Vorschlage zu ihrer Erhaltung, Berlin (русский перевод: Конвенц Г., 2000. Практика охраны природы. – К.: Киевский эколого-культурный центр. – 88 с.)

Teetzmann F. Über die südrussische Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement gelegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen. Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches. Bd. II, St. Petersburg, 1845.

УДК 502.3 (502.4)

ББК 20.1

Ч 58

Монография «История заповедной системы России» издана при поддержке Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.
Дизайн и вёрстка - АНО «Экспоцентр «Заповедники России».

Чибилёв А.А., Тишков А.А.

История заповедной системы России. М.: Русское географическое общество, Постоянная Природоохранительная комиссия, 2018. 218 с.

Монография посвящена Году особо охраняемых природных территорий России. Освещаются исторические предпосылки возникновения заповедного дела в России. Рассматриваются основные этапы развития государственной сети ООПТ. Дана оценка роли академической науки в обосновании географической сети заповедных территорий и организации научных исследований. Содержатся биобиблиографические сведения о классиках отечественного заповедного дела.

Тираж: 1000 экз.

Москва 2018.

Фотоиллюстрации - Чибилёв А.А., Горбатовский В.В.

© Русское географическое общество

© Институт географии РАН

© Институт степи УрО РАН

© Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

ISBN 978-5-6041476-8-9



ISBN

9 785604 147689

